М.В.НЕЧКИНА

ДЕКАБРИСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Академик
М. В. НЕЧКИНА

ДЕКАБРИСТЫ

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

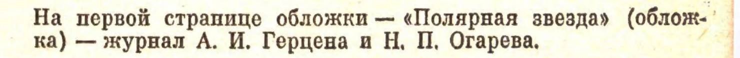
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

Н 59 Нечкина М. В. Декабристы.— М.: Наука, 1982 (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

В книге академика М. В. Нечкиной рассказывается о первых русских революционерах, борцах против самодержавия и крепостничества. Читатель познакомится с формированием мировоззрения декабристов, созданием первых тайных организаций, с деятельностью Южного и Северного декабристских обществ. Разобраны конституционные проекты декабристов — «Русская Правда» Пестеля и «Конституция» Никиты Муравьева. Автор рассказывает о подготовке и ходе восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и выступлении Черниговского полка на Украине. Приведены сведения о следствии и суде над декабристами, о пребывании их в сибирской ссылке. Освещен вопрос о вкладе декабристов в русскую культуру. Даны сведения по ранней историографии движения декабристов.

5.5.2

На первой странице обложки — «Полярная звезда» (обложка) — журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Н $\frac{0505010000-341}{042(02)-82}$ 29—82 НП

ВСТУПЛЕНИЕ

Первые русские революционеры — декабристы — были борцами против крепостного права и самодержавия.

Во имя этой цели они выступили с оружием в руках сто пятьдесят лет тому назад — 14 декабря 1825 г. — в Петербурге, тогдашней столице Российской империи, на Сенатской площади, где высится памятник Петру I. По месяцу восстания — декабрю — они и называются декабристами.

Многое удивительно и своеобразно в этом революционном движении. Молодые дворяне — декабристы — сами принадлежали к привилегированному дворянскому сословию, опоре царизма. Они сами имели право владеть крепостными крестьянами, жить в своих дворянских имениях, ничего не делая, на доходы от дарового крестьянского труда, от барщины и оброка. Но они поднялись на борьбу с крепостным правом, считая его постыдным. Дворяне были опорой царизма — они занимали все руководящие места в царской администрации и в армии, могли рассчитывать на высшие должности. Но они хотели уничтожить царизм, самодержавие и свои привилегии. Почему? Как выросло это движение революционного дворянства? Как сложились в России условия первого русского революционного выступления?

Смена феодального строя буржуазным явилась важным этапом в истории человечества.

Восстание декабристов было разгромлено царизмом. Но дело их не погибло. Новые поколения революционеров выходили на борьбу с самодержавием и крепостничеством. Этот лозунг был жив в истории России и звал на борьбу в течение ста лет — вплоть до 1917 г. Лишь Великий Октябрь, совершая свое основное дело пролетарской, социалистической революции, «пóходя, мимоходом», по выражению В. И. Ленина, закончил буржуазную революцию в России.

В эпоху, когда выступили декабристы, уничтожение феодально-крепостного угнетения и неограниченной монархии (абсолютизма) являлось основной задачей в истории человечества. Неограниченная царская или королевская власть — абсолютизм — охраняла устаревший феодально-крепостной строй и мешала развитию народов. Русское самодержавие было формой абсолютизма. Сокрушить царскую или королевскую власть, уничтожить средневековое крепостное угнетение, освободить скованные ими силы, выйти на новую, широкую дорогу исторического развития — во имя этого в эпоху декабристов боролись лучшие люди многих стран и в Западной Европе, и в России. Старый феодально-крепостной строй стал тормозом исторического развития. Новый, в то время прогрессивный, капиталистический строй вступал в свои права.

Период мировой истории, ограниченный датами 1789—1871 гг. (от Великой французской буржуазной революции до преддверия Парижской Коммуны),— это, по словам Ленина, «эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» [1].

В указанный Лениным период происходило немало революций и революционных выступлений, шедших под лозунгом буржуазной революционности. Кроме открывшей этот период Французской революции 1789 г. произошли: испанская революция 1820 г., восстания в Неаполе 1820 г. и в Пьемонте 1821 г., греческое восстание 1821 г., революция 1830 г. во Франции, бельгийская революция 1830 г., революционные восстания в некоторых германских государствах (Саксонии, Баварии) и итальянских (Парме, Модене, Романье). К этому перечню надо добавить и восстание декабристов в России.

Революционное разрушение отжившего феодального строя и установление новой системы буржуазно-демократических отношений были повсюду в то время основными задачами революционных движений. В России также назрела необходимость ликвидации старого, отжившего феодально-крепостного строя. Движение декабристов и было первым проявлением этой назревшей борьбы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

Таким образом, восстание декабристов не стоит особняком в мировом историческом процессе — оно имеет в нем свое определенное место. Выступление декабристов является одним из слагаемых во всемирно-историческом процессе революционной борьбы против обветшалого феодально-крепостного строя.

ЛЕНИН О ДЕКАБРИСТАХ

В. И. Ленин создал цельную и полную глубокого содержания концепцию движения декабристов. Им дан классовый анализ декабристского движения и указано место декабристов в истории русской революционной борьбы.

Ленин называл декабристов «дворянскими революционерами». Периодизацию русского революционного движения Ленин начинает с восстания декабристов. Он подчеркивает, что восстание декабристов было первым революционным выступлением в России: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...», — говорил Ленин в своем докладе о революции 1905 г.[1]

На периодизации русского революционного движения и на месте в нем декабристов Ленин остановился в статьях «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России» и в других работах. Ленин всюду начинает периодизацию русского революционного движения именно с декабристов, выделяя этап дворянской революционности, который сменяется затем этапом разночинским и далее — эпохой пролетарского революционного движения. «...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции, — писал Ленин в статье «Памяти Герцена». — Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году» [2].

Основные лозунги декабристов — уничтожение крепостного права и самодержавия — были лозунгами буржуазной революционности, т. е. той революционности, которая сметает отживший феодализм и дает возможность укрепиться и развиться новому, молодому капиталистическому строю. Однако это не означает, что декабристы были представителями буржуазии. Буржуазная революция — важный этап в истории человечества — далеко не всегда совершается при гегемонии революционной буржуазии. В некоторых странах (Россия принадлежит к их числу) буржуазия не стала революционной в силу особых исторических причин. Русская буржуазия в это время уже возникла и укреплялась, однако, пригретая самодержавием и зависящая от его милостей, она не стала революционной силой. Она уютно устроилась в складках горностаевой мантии самодержавия. Между тем в революционной ликвидации феодализма был заинтересован народ в целом — без этого история всей страны не смогла бы развиваться дальше.

Особенностью русского исторического развития явилось то, что почин в борьбе против отжившего феодально-крепостного строя взяли на себя, как говорил Ленин, «лучшие люди из дворян» [3]. Презрев дворянские привилегии и преимущества своего класса, поняв, что эти привилегии стали злом и задерживают национальное развитие, эти люди стали, как называет их Ленин, «революционерами-дворянами», или «дворянскими революционерами». Этот ленинский термин глубоко отражает диалектическую сложность явления. Он подчеркивает классовую ограниченность этих революционных деятелей, но вместе с тем определяет их деятельность как революционную. Более того, целый период русского революционного движения Ленин называет периодом дворянской революционности,

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

считая главными его представителями декабристов и Герцена.

Важно отметить, что для эпиграфа к «Искре» Владимир Ильич выбрал строку из стихотворения декабриста Александра Одоевского. Этим стихотворением поэт от имени товарищей отвечал А. С. Пушкину, тайно приславшему сосланным в Сибирь декабристам свое послание «Во глубине сибирских руд». В ответ на слова Пушкина «не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье» прозвучали слова Одоевского:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя.

Последнюю строку Ленин и сделал эпиграфом «Искры», подписав под ним: «Ответ декабристов Пушкину».

В. И. Ленин и его товарищи, арестованные царской полицией в декабре 1895 г., в шутку называли себя «декабристами». Это слово воспринималось Лениным и его соратниками как овеянное революционной традицией. Об этом прозвище вспоминает Н. К. Крупская [4], встречается оно и у самого Ленина в работе «Что делать?» [5].

Большевики в своей печати и в своей прокламационной литературе не раз вспоминали восстание декабристов как первое открытое революционное выступление в истории русской революционной борьбы и отдавали должное его историческому значению.

РОССИЯ ВРЕМЕНИ ДЕКАБРИСТОВ

Цели движения декабристов отражали основные исторические задачи, возникшие в развитии России того времени. Движение декабристов выросло на почве русской действительности. Не увлечение западноевропейской передовой философией, не заграничные военные походы, не примеры западноевропейских революций породили движение декабристов, его породило историческое развитие их страны, объективные исторические задачи в русском историческом процессе. Декабристы постепенно осознали борь-

---

[4] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1932, с. 32.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 34.

бу с крепостным правом и самодержавием как главную цель своей деятельности. Они постепенно формировали свои взгляды, вникая в жизнь помещичьих крепостных имений, которую с детства хорошо знали, в события Отечественной войны 1812 г., на полях которой они проливали кровь, защищая Родину от вторгнувшегося Наполеона, в заграничных походах, освобождавших Европу, где они воочию увидели «войну народов и царей», борьбу против феодального угнетения.

Все это помогало декабристам осознать, понять выросшие в российской действительности исторические задачи, загореться страстным желанием освободить Родину от крепостного угнетения и уничтожить самодержавие, открыть дорогу новому общественному строю.

Объективно движение декабристов порождено кризисом феодально-крепостной общественной формации и уходит своими корнями в ведущий процесс эпохи — разложение стареющего, исчерпавшего себя феодально-крепостного строя и возникновение новых, в то время прогрессивных,— капиталистических отношений. Задачи сокрушения крепостничества и самодержавия были кровными для России того времени: от их разрешения зависело, двинется ли страна вперед или затормозится в старых, изживших себя формах социального строя.

Крепостное право и самодержавие было тормозом развития страны. Но не слабая и не хилая страна стонала под гнетом устаревшего феодализма, а сильный и полный огромных творческих возможностей народ бился в его путах.

Еще в XVIII в. в недрах феодально-крепостной России подспудно, в стесненных и затруднительных условиях развивался капиталистический уклад. Еще отчетливее это выявилось в начале XIX в. Страна производила все большее количество жизненных благ, и производила их во все более значительной доле по-новому. В России шло развитие производительных сил: развивались предприятия, приближавшиеся к капиталистическому типу, рос вольнонаемный труд, увеличивалось число промышленных рабочих, умножалось количество городов и возрастало городское население. Ширился внутренний рынок, требуя все большего количества продуктов питания и промышленных изделий. Росло разделение труда. Но старые, феодально-крепостные общественные отношения ме-

шали развитию страны. Ростки нового мощно пробивались сквозь толщу устарелого строя, надламывая кору старых общественных форм, стеснявших развитие. Разложение старого освобождало элементы нового.

Наряду с медленной и замкнутой жизнью помещичьего имения, где крепостной крестьянин десятилетиями сидел на месте и пахал на барина одно и то же поле, все чаще возникали новые формы жизни. Росло число промышленных рабочих. В 1804 г. их было 95,2 тыс. человек, а в 1825 г. стало 210,5 тыс. Число вольнонаемных рабочих было в начале века немногим более 60 тыс. человек, а в 1825 г. их уже стало более 114 тыс. Оброчные крестьяне также уходили в города на заработок и увеличивали количество городского населения. Тысячи людей приходили в Петербург и Москву в поисках работы. Тянулись они в портовые города — Ригу, Одессу, Архангельск, Астрахань — и к пристаням городов, расположенных по берегам больших русских судоходных рек. В одной Москве накануне вторжения Наполеона числились 464 «фабрики и мануфактуры». Когда перед войной 1812 г. полицмейстер подсчитывал число московских жителей и распределял результаты своего подсчета по сословиям, то бо́льшая часть населения не вместилась в сословные рамки. Полицмейстер насчитал в Москве 9 тысяч дворян, 19 тысяч купцов, 18 тысяч мещан, 47 тысяч дворовых людей, а свыше 96 тысяч московских жителей было зачислено в рубрику «прочих»: уж очень сложно было для полицмейстера распределять по сословным рубрикам всю эту массу пестрого, преимущественно трудового и частью пришлого люда.

Росла хозяйственная специализация отдельных районов страны: уже отчетливо выделялись промышленные районы около Петербурга и Москвы и обширные сельскохозяйственные районы на Украине и в Поволжье. По вычислению тогдашнего известного статистика Арсеньева, обороты внутреннего рынка составляли 900 тыс. рублей в год, эта цифра явно говорит о растущем разделении труда. Значительно выросли и мелкие крестьянские промыслы. Старый центр крестьянской ткацкой промышленности село Иваново Владимирской губернии и славившееся своими металлическими изделиями село Павлово (шереметевская вотчина в Нижегородской губернии) превратились в довольно значительные промышленные центры.

Произошли изменения и в барском имении. Несмотря на косную и застойную жизнь, помещики увеличивали производство хлеба на продажу. «Те землепашцы, которые ничего не продают, но сами покупают на торгах хлеб для прокормления себя, должны почитаться бесполезными членами общества»,— писал издававшийся в те годы «Земледельческий журнал». Это — новый взгляд на торговлю хлебом.

Самодержавно-крепостной строй сковывал производительные силы страны, тормозил их дальнейшее развитие. Новые явления жизни вступали в резкое противоречие с устарелыми общественными формами. Прикрепленный к земле крестьянин был собственностью помещика. Основного производителя жизненных благ — крепостного крестьянина, крепостного рабочего — помещик мог купить, продать, выменять на собаку, при случае проиграть в карты. Крестьянин не смел уйти в город на заработки без разрешения барина. Барин мог всегда отозвать с фабрики в деревню своего оброчного мужика, нанявшегося на фабрику, и тем нанести урон фабричному производству. Заработок такого оброчного крестьянина, нанявшегося на работу, в значительной доле шел в карман к барину-помещику в виде оброка. Крестьяне-предприниматели в селе Иванове или Павлове сами были крепостными, хотя у них на предприятиях работали сотни наемных рабочих. Барин мог в любое время предъявить права на фабрику, принадлежащую его крепостному. Если такой крестьянин-фабрикант и выкупался на волю, его фабрика оставалась во владении барина. Все было подчинено интересам дворянского сословия, сидевшего на крестьянской шее. Дворянин считался благородным от рождения — ему было законом присвоено право владеть крепостными крестьянами и землей. На страже его интересов стояло самодержавие.

Разложение крепостного хозяйства под влиянием развития капиталистических отношений явилось той почвой, на которой росло и развивалось стихийное крестьянское движение против крепостного права. Крестьянин хотел хозяйствовать самостоятельно, без барина, а помещик все сильнее давил на него, увеличивал барщину и оброк, приспосабливаясь к растущим требованиям рынка.

Стремясь получить больше хлеба-товара, помещик шел в наступление и на крестьянскую землю: он сокращал

крестьянскую запашку, расширял барскую, переводил крестьян на месячину, делал их дворовыми, отбирал их землю. Росло обезземеливание крестьянства, многие деревни нищали. Помещик сам подрубал сук, на котором сидел: наличие у крестьян земельного надела было существенным условием крепостного хозяйства. Крестьяне протестовали против усилившегося помещичьего гнета и стремились стать на путь самостоятельного, не стесненного барином хозяйства.

При самодержавии народ не принимал никакого участия в управлении страной: царизм осуществлял бесконтрольную власть над Россией. Люди были неравны перед законом: одни сословия были привилегированными, другие угнетенными. Суд был сословным: один суд — для дворян, другой — для купцов, третий — для крестьян. Для крестьян он даже и не назывался судом, а официально именовался «расправой». По выражению русского революционного писателя Радищева, «крестьянин в законе мертв»: царское законодательство служило на пользу помещику для угнетения крестьян и вообще трудового люда.

Все более и более сказывались противоречия между развитием производительных сил и феодально-крепостническим строем.

Необходимость замены старого общественного строя новым ощущалась тем отчетливее, чем яснее выявлялась огромная мощь страны, ее необъятные силы. Дважды потрясенная в войнах с Наполеоном (в 1805 и в 1806—1807 гг.), Россия в 1812 г. становится победительницей «непобедимого», дает сигнал к освобождению народов Европы от ига Наполеона и сама становится решающей силой в деле этого освобождения. Народ, героически защищавший свою Родину от Наполеона, надеялся получить освобождение от крепостного права. Но его надежды были напрасны.

«Мы проливали кровь,— говорили солдаты, вернувшись с войны 1812 г.,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас опять тиранят господа». Солдаты, побывав за границей во время походов 1813—1815 гг., сами воочию увидели страны, где не было крепостного права, и, вернувшись домой, только и толковали об этом.

Направление удара, который наносился Наполеону европейскими народами и европейскими правительствами,

было общим и для правительств, и для народов. Однако ближайшая и временно общая цель не означала единства целей конечных. Народы, с одной стороны, и царские и королевские правительства — с другой, боролись во имя разных конечных целей. Даже во время войны представление о Наполеоне не было единым: «Вольнолюбивые видели в нем тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищником престолов»,— метко замечает один из современников. Народы жаждали освобождения от феодального гнета и надеялись получить свободу после войны. Цари, короли и дворяне европейских стран стремились к другому — восстановить после войны старые феодально-крепостные порядки. Поэтому после наполеоновских войн особенно остро проявилось столкновение интересов народов с абсолютистскими правительствами. По словам поэта-декабриста, начиналась «война народов и царей»...

В этих условиях после наполеоновских войн и сложилась европейская революционная ситуация 1818—1819 гг. В 1820 г. она начала перерастать в революцию — первый взрыв ее имел место в Испании, за ним последовали Португалия, Неаполь, Пьемонт, Греция... В России тех лет также складывалась революционная ситуация, но она не вызрела до конца — и в этом глубокая подоснова неудачи восстания декабристов. Однако исторические условия в России развивались в том же направлении, что и на Западе. Царское правительство, встревоженное создавшейся обстановкой, проявляло явную нервозность. Аракчеевщина — система безудержного крепостничества, произвола и гнета — воцарилась в стране. Но тому же Аракчееву Александр I поручал подготовить проект освобождения крестьян от крепостного права, чтобы прикинуть на всякий случай, что могло бы выйти из этого. Царь бросался из стороны в сторону, чувствуя, что почва начинает колебаться под его ногами. В 1815 г. Александр был вынужден дать Польше урезанную конституцию, а в 1818 г. в речи при открытии варшавского сейма публично обещать конституцию всей России. Обещать — и, конечно, не исполнить.

Между тем крестьянские выступления учащались, положение становилось все более напряженным. В струю разрозненных крестьянских восстаний в 1819 г. влились восстания военных поселений и невиданные по размаху донские волнения в 1818—1820 гг. В 1820 г. царское

правительство с ужасом увидело уже в самой столице, в Петербурге, волнение гвардейского Семеновского полка. Полк выступил без офицеров: волновалась солдатская масса (дальше мы остановимся на этих волнениях более подробно). Общественное недовольство усиливалось: «Во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом»,— так описывал сложившуюся обстановку декабрист Александр Бестужев.

Одержав победу в войне народной силой, царское правительство не замедлило показать свое истинное лицо — угнетение народа стало еще тяжелее. Помещики свирепствовали над крестьянами, и новые царские законы поддерживали их власть. Крепостной гнет усилился и в армии. По всей стране, от Петербурга до Украины включительно, по приказу Александра I были созданы военные поселения — худшая форма военно-крепостного гнета. В военных поселениях все мужское население, даже шести-семилетние дети, должно было носить неудобную военную форму и подчиняться жестокому палочному военному режиму. Солдаты-крестьяне должны были заниматься военным учением и одновременно обрабатывать землю, сами содержать себя, добывая трудом продукты питания. Торговать им запрещалось. Царское правительство думало таким образом добиться экономии средств — пусть солдат сам себя кормит. По барабанному сигналу крестьяне в военной форме шли пахать, по барабанному сигналу от пахоты шли на военное учение. Вся жизнь в военных поселениях была подчинена строгим правилам, за их нарушение виновных подвергали жестоким телесным наказаниям. Крестьянку, которая зажгла в избе огонь после 10 часов вечера, подвергали порке. Жизнь в военных поселениях была каторгой.

Крестьяне в военных поселениях восставали, требуя их отмены. Но царское правительство настаивало на своем: «Военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»,— сказал Александр I (это расстояние более 100 километров).

Александр I все время ездил за границу для участия в конгрессах европейских держав, подавлявших по всей Европе революционное движение. Россией в его отсутст-

вие правил жесточайший крепостник Аракчеев, начальник военных поселений. «Аракчеев господин всю Россию погубил, добрых людей прослезил»,— пелось о нем в народной песне. «Всей России притеснитель»,— сказал о нем Пушкин. Тяжелая аракчеевская военно-бюрократическая машина подавляла все живое. Шли жесточайшие расправы с крестьянским движением. Тяжело обрушилась аракчеевщина и на свободную мысль, на университеты. Передовых профессоров снимали с должностей и предавали суду за вольнодумство. В основу всех наук приказано было положить священное писание. Ученость без веры в бога признавалась «не токмо не нужной, но и вредной». Даже математику потребовали преподавать на религиозный манер. Один преподаватель математики, послушный аракчеевским чиновникам, так, например, определил гипотенузу: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви чрез ходатая бога и человеков, соединившего горнее с дольним, небесное с земным...» Знаменитый медик Мудров, только чтобы отделаться от придирчивого надзора царских соглядатаев, вывесил в своей приемной список, каким святым от каких болезней надо молиться... Реакция бушевала.

Крепостное право и самодержавие задерживали развитие России. Ликвидация крепостного права и самодержавия — таковы были очередные исторические задачи, вставшие перед Россией.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Большинство будущих декабристов родилось на рубеже нового столетия: или в последнее десятилетие XVIII в., или в первые годы XIX в.

Все декабристы (исключения крайне редки) были по происхождению дворянами, принадлежали к привилегированному сословию тогдашней крепостной России. Множество разнообразных явлений русской жизни с детства протекло через их сознание, было воспринято ими: жизнь барской усадьбы, дворянского имения, первоначальное домашнее обучение, поступление в учебное заведение.

Много первостепенных по значению политических событий прошло через их сознание. В детстве они слышали разговоры о воцарении нового императора — Александра I; до них доходили смутные разговоры о том, что его отца — императора Павла I — задушили во время дворцового переворота, называли имена участников заговора. Детьми или подростками они узнали о первых войнах России с Наполеоном: на эти войны уходили из дома их отцы и старшие братья. Декабристы выросли в России, и мировоззрение их складывалось на основе размышлений над судьбой Родины. Именно Россия была в центре этого слагавшегося юношеского мировоззрения.

Они росли большей частью в обеспеченных дворянских семьях, где могли постоянно наблюдать резкую разницу между положением помещика и крестьянина, барина и дворового человека.

Одни из них учились в Московском университете, другие — в Московской школе колонновожатых (будущей Академии Генерального штаба), третьи — в Царскосельском лицее. Даже привилегированные учебные заведения были затронуты, как говорили сами декабристы, «духом времени». Сомнение в справедливости самодержавного строя рано пробудилось в молодых умах. Крестьян в университет не допускали, но на университетских скамьях студенты-дворяне встречались со студентами-разночинцами. Мещанские, купеческие и поповские сыновья слушали лекции в одной аудитории с молодыми дворянами. Однако студенты-дворяне отличались от студентов-разночинцев даже формой — мундиром и шпагой. Студенты-дворяне подъезжали к университету в экипажах, в сопровождении гувернеров — французов или англичан, а рядом по улице шли пешком к университету плохо одетые студенты-разночинцы.

Дворянство жило широкой и веселой жизнью. В Москве в день бывало по нескольку десятков балов, сияли огнями великолепные особняки и дворцы, а рядом в бедных домишках и лачугах ютились мещане и трудовая беднота. В учебнике же естественного права студенты, готовясь к экзамену, читали: «Законы должны быть для всех граждан одинаковы». Противоречие между передовой мыслью и русской действительностью бросалось в глаза: в России законы не были одинаковы для всех граждан. Юношеская мысль от наблюдений русской действи-

тельности устремлялась к книге, а от книги — опять к русской действительности.

Потихоньку, из рук в руки, студенты передавали запрещенную книгу великого русского писателя XVIII в. А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». За эту книгу императрица Екатерина II бросила Радищева в тюрьму. Человек «родится в мир равен во всем другому», говорилось в этой книге. Жестокие картины крепостного права и самодержавия, которые возмущали душу Радищева, разительно совпадали с действительностью, окружавшей юношей. «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние», могли прочитать они в другом произведении Радищева. Будущий декабрист Николай Тургенев, студент Московского университета, в 1808 г., вернувшись с лекции профессора Цветаева, записал в своем дневнике: «Цветаев говорил о преступлениях разного рода и между прочим сказал, что нигде в иных случаях не оказывают более презрения к простому народу, как у нас в России. Хотя мне и больно, очень больно было слушать это, однако должно согласиться, что бедные простолюдины нигде так не притесняемы, как у нас». Характерна и в дальнейшем запись лекции, взволнованно прерываемая добавлениями в скобках: «Цветаев приводил в пример, что многие молокососы (так говорил он), скачущие в каретах, позволяют (приказывают даже, прибавлю я) своим форейторам бить (ненаказанно, говорит Цветаев) бедных простолюдинов на улицах, несмотря на то что полицейские чиновники стоят сами на улицах». Это место лекции Цветаева вызывает у студента Тургенева вереницу мыслей: он называет, уже от себя, этих молокососов «извергами рода человеческого», предлагает взыскивать с полицейских, возмущается, что иностранцы обвиняют русский народ в прирожденной «грубости», и обещает «первому такому политику воткнуть в рот палку».

В дневнике Николая Тургенева чувствуются первые проблески критики самодержавного строя. «В Сенате много дураков»,— записывает он однажды.

Но, конечно, дело не ограничивалось чтением запрещенных русских книг. С Запада более свободно проникали — еще в библиотеки дедов и отцов — произведения философов-просветителей. Особенно часто попадали в руки передовой молодежи книги французских корифеев

вольнолюбия — Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера, Монтескье... Авторы эти, сами того не ведая, сыграли огромную роль в подготовке Французской революции. Они расшатали и разбили устои религиозно-политической идеологии старого феодального мира. Возрастал интерес и к антифеодальной литературе сегодняшнего дня. Читались новые книги, передовые иностранные газеты и журналы. Те же антифеодальные цели вставали перед мыслящей передовой молодежью России. Освободительная идеология западноевропейских стран уже приковывала их внимание, вызывала жаркие споры. Изучение конституций Франции, Англии, США было школой для ищущего политического сознания. Конечно, идеи Западной Европы и Америки не явились причиной, породившей русскую освободительную идеологию, но они облегчили и ускорили ее развитие, передали свой опыт новому поколению. Против ложного положения о якобы «прирожденном» праве дворянина владеть крепостным человеком восставала идея о прирожденном равенстве всех людей, идея о необходимости уничтожения всех феодальных привилегий. Против неограниченного права абсолютного монарха повелевать по произволу своими подданными поднимала на борьбу идея о власти, принадлежащей народу. В бой с феодальной религией, мистикой, суеверием вступала идея о верховенстве человеческого разума и истинного просвещения.

Возникает сомнение и в официальной религии. Поднимается пока еще неясное чувство обиды, что Россия — любимая Родина — угнетена, как никакая другая европейская страна.

Подрастающие дворяне с детства привыкли слышать о воинской славе России, о блестящих победах Румянцева и Суворова. Россия, в XVIII в. расширявшая свои границы и торжественно заключавшая блистательные мирные договоры, в первые же годы XIX в. стала претерпевать чувствительные удары от Наполеона. Разгром под Аустерлицем (1805) и тяжелый Тильзитский мир (1807) были первыми сигналами о неблагополучии в империи. Студенты Московского университета, среди которых в те годы воспитывалось свыше двух десятков будущих декабристов, тяжело переживали «позор Тильзита». Лицеист Пушкин сочинял эпиграммы на Александра I, которому переломили нос под Аустерлицем. Студент Московского

университета Петр Чаадаев в знак протеста убежал с молебна в честь заключения Тильзитского мира. Прорастали первые семена недовольства царским строем.

Будущие декабристы — Владимир Раевский и Г. С. Батеньков, подружившиеся еще во время учения в кадетском корпусе, проводили целые вечера в «патриотических мечтаниях»; юные друзья впервые осмелились «говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича». Они даже поклялись, «когда возмужаем, привести идеи наши в действо». Как видим, мысль о каком-то действии против несправедливого строя стала бродить в юных умах еще накануне войны 1812 г.

В той же Москве около 1811 г. образовалось среди будущих декабристов «юношеское собратство», члены которого, увлеченные идеями «Общественного договора» Руссо, решили поехать на Сахалин и «составить новую республику». Для этого уже были «сочинены законы» и даже придумана особая одежда новых социальных реформаторов: синие шаровары, куртка, пояс с кинжалом, а на груди «две параллельные линии из меди в знак равенства». Среди этих фантазий весть о том, что Наполеон перешел границы России, поразила всех, как громом. Началась «гроза двенадцатого года».

В ту эпоху дворяне могли по собственному желанию служить или не служить на военной службе. Добровольность военной службы была их привилегией. Будущие декабристы были охвачены патриотическим порывом — именно это и привело их в ряды защитников Родины. «В 1812 году не имел я образа мыслей, кроме пламенной любви к Отечеству»,— писал декабрист Никита Муравьев.

Подавляющее большинство будущих членов тайной организации оказалось в армии и стало участниками знаменитых сражений. «В 1812 году употреблен был при 1-й Западной армии и находился в сражениях 4 и 5 августа при г. Смоленске, того же августа 24 и 26-го чисел при селе Бородине... при взятии города Вереи сентября 29-го, октября 11-го при Малоярославце...» — гласит служебный формуляр декабриста Михаила Орлова. И такие формуляры типичны для многих его товарищей. Война 1812 г. разбудила их политическое сознание, патриотический порыв закалил его. «Мы были дети 1812 года»,— говорил декабрист Матвей Муравьев-Апостол.

Революционный характер идеологии декабристов определился не сразу, а постепенно.

Условия, в которых созрело первое русское революционное движение, были тесно связаны с тем общественным возбуждением, которое все более и более нарастало как в Западной Европе, так и в России после наполеоновских войн. Заграничные походы 1813—1814 гг. явились ускорителем развивающегося идеологического процесса. Побывав в странах, где не было крепостного права и где существовали конституционные учреждения, будущие декабристы получили немало материала для размышлений. Когда они вернулись, родина тем резче поразила их отсталыми формами жизни — крепостным правом, самодержавным аракчеевским произволом.

Общественное оживление тех лет было чрезвычайным. В Европе в те годы складывалась революционная ситуация. Во время борьбы с Наполеоном короли и императоры обещали реформы, новую жизнь своим народам — участникам борьбы. Но одержав победу, они не захотели платить по векселям. «Не в одной России — во всех государствах Европы народ был разочарован и обманут. Тонули — топор сулили, вытащили — топорища жаль»,— писал один из современников. «Монархи лишь думали об удержании власти неограниченной, о поддержании расшатавшихся тронов своих, о погублении последней искры свободы и просвещения. Оскорбленные народы потребовали обещанного, им принадлежащего,— и цепи и темницы стали их достоянием! Цари преступили клятвы свои...»,— писал декабрист Каховский.

Как и в других странах, в России народные массы также стремились к освобождению от крепостного гнета. Росла борьба между европейскими правительствами и народами, т. е. процесс борьбы против феодального строя. В атмосфере этой борьбы и выросли декабристы.

Россия была охвачена брожением. Защитники старого и сторонники нового все отчетливее делились на два лагеря: «Эти две партии находятся всегда в своего рода войне,— кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света»,— писал один современник. Лагерь фамусовых и скалозубов пришел в столкновение с лагерем Чацких.

Декабристы не были горсткой беспочвенных мечтателей, оторванных от общества своего времени. Такое пред-

ставление (а оно долго держалось в литературе) было бы крайне неверным. Нет, декабристы были наиболее ярким проявлением общего процесса, их замыслы были понятны не им одним — около них был широкий круг сочувствующих. Глубоко и верно определил этот процесс один из главных деятелей движения — Сергей Муравьев-Апостол: «Распространение... революционных мнений в государстве следовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо если возбранить нельзя, чтобы общество не имело влияния на сие распространение, справедливо также и то, что если б мнения сии не существовали в России до рождения общества, оно не только не родилось бы, но и родившись не могло бы ни укрепиться, ни разрастись».

Историческая действительность подсказывала декабристам способы борьбы, заставляла задумываться над революцией. Общую возбужденную атмосферу времени, их воспитавшего, прекрасно, ярко и точно охарактеризовал один из самых выдающихся декабристов — Павел Иванович Пестель. Он писал об этом так: «Происшествия 1812, 1813, 1814 и 1815 годов, равно как и предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать... Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах» [1].

---

[1] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 4, с. 105.

РАННИЕ ПРЕДДЕКАБРИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Созданию тайного общества декабристов предшествовало образование тесных товарищеских групп, в которых можно было постоянно обмениваться мыслями, обсуждать волнующие вопросы. Самый воздух эпохи содействовал возникновению тесных идейных связей. В насыщенной вольнолюбивыми идеями атмосфере глубоко дышалось после «грозы двенадцатого года». Все звало к концентрации сил и принятию практических решений, а стало быть — к организации, к сплочению единомышленников.

Первому тайному обществу декабристов предшествовало создание нескольких более ранних организаций. Все они послужили школой будущего движения, его непосредственной предпосылкой. После войны 1812 г. возникают четыре ранние преддекабристские организации: две офицерские артели — одна в Семеновском полку, другая среди офицеров Главного штаба («Священная артель»), Каменец-Подольский кружок Владимира Раевского и «Орден русских рыцарей» Михаила Орлова и Матвея Дмитриева-Мамонова. Начатки объединений возникали не случайно и не сами по себе, а в широкой среде общественного брожения.

Создание офицерской артели в гвардейском полку было, вообще говоря, делом обычным: хозяйственные полковые артели вырастали из общих экономических интересов офицерства, а режим полковой жизни в условиях мирного времени легко соединял офицеров в коллектив с общим распорядком дня и одинаковыми жизненными потребностями. Новым было присоединение к этим обычным формам полковой жизни общения идейного характера и возникновение признаков политического объединения, тревожившего бдительное начальство.

О Семеновской артели свидетельствует декабрист И. Д. Якушкин, один из ее основателей. Она сложилась в гвардейском Семеновском полку вскоре после окончания войны, по-видимому, в 1814 г., когда гвардия из Парижа вернулась в Петербург. В артель входило, по воспоминаниям И. Д. Якушкина, человек 15 или 20 семеновских офицеров, которые сложились, чтобы иметь возможность каждый день обедать вместе. Однако обедали «не одни вкладчики, но и все те, которым по обязан-

ности службы приходилось проводить целый день в полку».

Новизну явления отмечает и сам Якушкин: «В 1811-м году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходившись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую». Теперь же все стало иначе — культурным и осмысленным: «После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе,— такое времяпровождение было решительно нововведение».

Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин, как свидетельствует И. Д. Якушкин, покровительствовал артели и иногда обедал вместе с ее членами. Но «через несколько месяцев» после возникновения артели Александр I приказал полковому командиру «прекратить артель в Семеновском полку», сказав при этом, что «такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся».

Офицерскую «Священную артель» основал офицер Генерального штаба Александр Муравьев, будущий основатель тайного общества декабристов. Друг А. С. Пушкина, лицеист Иван Пущин был членом этого содружества: «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колошин и Семенов. С Колошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил». Так описывает И. И. Пущин свое вступление в тайное общество декабристов.

Артель устроила свой внутренний быт на республиканский манер; в одной из комнат висел «вечевой колокол», по звону которого все участники артели собирались для решения общих дел: «Каждый член общества имел

право в него звонить,— замечает Николай Муравьев.— По звуку все собирались и тогда решались требования члена». Расставаясь с «братьями и товарищами», Николай Муравьев горько оплакивал и этот колокол.

Преклонение перед новгородской вечевой «республикой» — яркая, характерная черта декабризма. Национальное чувство освящало желаемую форму политического бытия воспоминанием о славном историческом прошлом.

Общество («Орден») русских рыцарей основано в 1814 г. по замыслу молодого генерал-майора, участника Отечественной войны Михаила Орлова. Первым примкнувшим к нему участником был богатый граф Матвей Дмитриев-Мамонов, страстный патриот, предложивший в начале войны 1812 г. на собственные средства образовать новый кавалерийский полк. К «Ордену» были причастны племянник знаменитого русского просветителя Н. И. Новикова — Михаил Новиков, поэт-партизан Денис Давыдов, будущий декабрист Николай Тургенев. Набросанные рукой Михаила Орлова «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения» содержат конституционный проект довольно аристократического содержания. Правда, Денис Давыдов, хорошо осведомленный о политических замыслах Михаила Орлова, писал о своем приятеле: «Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России».

Сторонники нового, борцы против обветшавшего феодально-крепостного строя постепенно стягиваются к одному полюсу. Против них начинает объединять свои силы лагерь защитников старого косного порядка. Процесс поляризации двух лагерей протекал интенсивно. Человек, примкнувший к сторонникам нового, по-новому осознавал себя и свою роль в истории. Защита Родины, заграничные походы, участие в освобождении европейских народов воспитали в нем и новое понятие чести. Оно состояло прежде всего в новом требовании к самому себе: быть деятельным участником исторических событий, быть преобразователем угнетенной Родины. Франция пугала «ужасами Французской революции», надо избежать их у нас,— это было ясно для дворян-революционеров. Сознание дворянина противилось представлению о народной революции.

В спорах и кипении мысли протекали дни, заполненные в то же время военной службой. В ее привычной колее больно давало себя чувствовать существенное изме-

нение: военная служба перестала быть наполненной привычным высоким историческим содержанием. Ранее она была освобождением своей Родины от наглого иноземного захватчика и европейских народов от поработителей. Но громы битв отшумели, мирные договоры были подписаны, Европа освобождена от узурпатора. Военная служба мирного времени становилась служением самодержавному деспотизму, аракчеевщине, ненавистному старому строю. Уже был обнародован акт Священного союза, уже громко говорили о подавлении того самого свободолюбивого духа, к которому европейские правительства взывали раньше во имя освободительной борьбы против поработителя. Служить в армии — стало означать подчиняться аракчеевским клевретам или самому становиться аракчеевцем. Новое понимание чести с презрением отвергало приспособление к реакционному строю и тупую фронтоманию. Жить надо иначе. Перед передовым человеком кануна 20-х годов встает свое «что делать?».

Яркой отличительной чертой все отчетливее формировавшегося и численно возраставшего передового лагеря была любовь к Отечеству, и не просто любовь, а, по выражению декабристов, «пламенная любовь к Отечеству». Она была истинной, а не ложной или внешней любовью, ибо она побуждала стремиться к глубокому преобразованию родной страны в духе очередных задач, выросших из глубины ее исторического процесса. Формирующееся революционное мировоззрение звало к действию. По словам декабриста Оболенского, молодые новаторы хотели увидеть «новую эпоху народную любимого ими Отечества», хотели действовать во имя блага родной страны, потому что были «истинными и верными сынами Отечества».

СОЮЗ СПАСЕНИЯ, ИЛИ ОБЩЕСТВО ИСТИННЫХ И ВЕРНЫХ СЫНОВ ОТЕЧЕСТВА

Тайное общество декабристов родилось в 1816 г. в Петербурге. Его первым названием было Союз спасения. Россию надо было спасать, она стояла на краю пропасти — так думали члены возникшего общества. Когда общество оформилось и разработало свой устав (главный

автор его — Пестель), оно получило название Общества истинных и верных сынов Отечества. Само название говорило о желании отмежеваться от «патриотов» другого сорта — не истинных и не верных. Конечно, может быть, это название было придумано и без литературных воздействий, однако нельзя не вспомнить о ярком произведении Радищева «Беседа о том, кто есть сын Отечества». «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота)»,— писал Радищев. «О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны Отечества!» — писал Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Эти слова имеют разительное сходство с названием тайного общества.

Первое время целью тайного общества было только освобождение крестьян от крепостной зависимости. Но очень скоро к этой цели присоединилась и вторая: борьба с самодержавием, с абсолютизмом. На первом этапе она вылилась в требование конституционной монархии. Первое общество было малочисленно — оно состояло из трех десятков членов, главным образом молодых гвардейских офицеров. Все они были чаще всего старые знакомые, чья дружба окрепла еще в грозные дни 1812 г. и во время заграничных походов.

Кто же были эти люди — основатели и первые члены декабристского общества? О них надо сказать несколько слов: большинство из них пройдут через всю историю декабристов, вплоть до восстания 1825 г.

Основателем тайного общества декабристов был 24-летний полковник генерального штаба Александр Николаевич Муравьев. Он был старшим сыном известного ученого и военного деятеля генерал-майора Н. Н. Муравьева, известного математика и агронома, основателя училища колонновожатых (будущей Академии Генерального штаба). Семья Муравьевых была одним из культурнейших очагов своего времени. Хотя Муравьевы были дворянами и владели поместьями, их большая семья была стеснена в средствах. Все имение отца состояло из 140 душ. Отец с трудом дал детям хорошее образование и предупредил сыновей, что далее они должны рассчитывать только на свои силы, не надеясь на его помощь. Поэтому жизнь братьев Муравьевых была почти что бедной, они, по собственному выражению, «терпели много нужды». На еду братья Муравьевы могли тратить только по

25 копеек в сутки, щи хлебали деревянной ложкой, чаю не знали, во время войны «шинель служила покрывалом и халатом, а часто заменяла и дрова» (слова брата А. Муравьева — Николая). Молодой офицер рано стал жить умственными интересами и мечтал о том, чтобы «уклониться от пустых и суетных светских бесед и пристать к такому обществу, которое поощрило бы к самопознанию, занятиям серьезным и общечеловеческим чувствам и мыслям». Сначала Александр Муравьев (еще до войны 1812 г.) стал масоном, затем, как мы знаем, объединил вокруг себя офицерский товарищеский кружок — «Священную артель».

Князь Сергей Петрович Трубецкой, бывший ранее поручиком Семеновского полка, а затем, в момент основания общества, старшим офицером Генерального штаба, получил широкое и разностороннее образование, слушал лекции в Московском университете. Он показывал на следствии, что сначала «более прилежал к математике», а после войны 1812 г. «старался усовершенствоваться в познании истории, законодательства и вообще политического состояния европейских государств», занимался также естественными науками, и «особенно химией», слушал специальные лекционные курсы, посвященные российской статистике и политической экономии. Сергей Трубецкой принимал деятельное участие на каждом этапе тайного общества. Однако он мало участвовал в творчестве идей, чаще всего брал на себя организационную работу. Он был крайне осторожен, боялся смелой мысли, массовое народное движение особо пугало его, а предположение, что кто-нибудь сочтет его «Маратом» или «Робеспьером», приводило его в ужас. Колебания и нерешительность были характерны для его поведения. Начиная с первой декабристской организации он боролся с радикальным течением; в дальнейшем он «увенчает» эту борьбу своей неявкой на площадь восстания в день 14 декабря 1825 г.

Подпоручик Генерального штаба Никита Муравьев вырос в богатой, обеспеченной и культурной дворянской семье. Его отец М. Н. Муравьев был близок к екатерининскому двору, как воспитатель великих князей Александра и Константина. По воцарении своего ученика — Александра I — он вскоре стал товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Никита Муравьев получил тщательное и разно-

стороннее образование, прекрасно знал историю, стал рано интересоваться литературой, хорошо изучил пять европейских языков, владел древними языками — латинским и греческим.

Муравьев был студентом Московского университета, где одновременно с ним учились будущий автор «Горя от ума» Грибоедов и целая плеяда будущих товарищей его по тайному обществу. Как только началась война 1812 г., охваченный патриотическим порывом Никита Муравьев стал рваться на военную службу, но мать не пускала на войну 17-летнего сына. Тогда юноша тайно бежал из дома, захватив с собой карту местности и список наполеоновских маршалов. Попросив есть в одной из подмосковных деревень, он заплатил золотой за кусок хлеба и кружку молока, явно показав этим, что не знает цены русским деньгам. Крестьяне приняли его за французского шпиона, арестовали и представили по начальству. Вся эта история получила огласку, и мать отпустила, наконец, сына на военную службу. Муравьев принял участие в заграничных походах, побывал в Париже, познакомился с общественными деятелями того времени. К моменту организации тайного общества он был полон преобразовательных стремлений и в первые годы истории декабристского движения шел в русле радикального течения. «Беспокойный Никита» — так назвал его А. С. Пушкин в X песне «Евгения Онегина».

Подпоручику лейб-гвардии Семеновского полка Матвею Муравьеву-Апостолу было 22 года в момент основания общества, а брату его Сергею, поручику того же полка,— всего 19 лет (младший брат на чин обогнал старшего, так как закончил Корпус инженеров путей сообщения, в то время как старший — Матвей — не кончил курса в этом учебном заведении). Братья Муравьевы-Апостолы, родившиеся в богатой дворянской семье, были детьми русского посланника в Испании и воспитывались в Париже. Мать скрывала от сыновей, что в России существует крепостное право, и оба подростка были потрясены, когда узнали о нем, приехав в Россию. Они выросли страстными русскими патриотами и мечтали послужить Родине. Оба прошли через войну 1812 г. и заграничные походы. Особенно выделялся Сергей Муравьев-Апостол, богато одаренный, живой, рвавшийся к деятельности, привлекавший к себе сердца товарищей.

Имя двадцатилетнего подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Дмитриевича Якушкина замыкает шестерку инициаторов — первых членов и основателей тайного общества. Якушкин происходил из бедной семьи разорившихся смоленских дворян. Обедневшие Якушкины несколько лет прожили из милости в дворянской семье Лыкошиных — друзей Грибоедова. Еще подростком Якушкин познакомился с будущим автором комедии «Горе от ума», а затем учился вместе с Грибоедовым в Московском университете. У Якушкина рано развились философские интересы, на почве которых он сблизился с другом Пушкина и Грибоедова — П. Я. Чаадаевым. Якушкин также был участником войны 1812 г., Бородинской битвы, заграничных походов. Он был человеком строгого морального облика, требовательным к себе, с высокими умственными запросами.

Вскоре после основания общества в его члены был принят Михаил Николаевич Новиков, племянник знаменитого просветителя XVIII в. Бывший военный, участник войны 1812 г., Новиков к моменту вступления в общество был штатским человеком, служил в департаменте Министерства юстиции. Он был много старше других декабристов по возрасту: в момент вступления в общество ему было 40 лет. По убеждениям он был республиканцем. Новиков принял в тайное общество одного из самых выдающихся декабристов — Павла Ивановича Пестеля.

Пестель был сыном сибирского генерал-губернатора. Отец его был впоследствии обвинен в злоупотреблениях по службе, лишился должности и пенсии, жил очень стесненно. Но еще до этих событий отец отправил сына за границу для получения образования, которое Пестель закончил в России в Пажеском корпусе, поражая своими знаниями преподавателей, обратив на себя внимание и самого Александра I, присутствовавшего на выпускном экзамене. Первые проблески вольнодумства зародились у него уже в это время. Участник войны 1812 г., тяжело раненный в ногу во время Бородинской битвы, юный Пестель получил награду — золотое оружие — из рук Кутузова. Он принял участие в заграничных походах и глубоко задумался над смыслом революции в эпоху реставрации Бурбонов (1814—1815). Бурбоны, как они ни хотели этого, не смогли вернуться на французский престол в качестве неограниченных абсолютных монархов,

а вынуждены были принять облик монархов конституционных. «От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может быть даже весьма полезна»,— решил молодой Пестель. Но, как и все декабристы, Пестель боялся «ужасов народной революции».

В момент вступления в общество Пестель числился в гвардейском кавалергардском полку и был адъютантом графа Витгенштейна. В то же время он жадно учился, слушал лекции передовых профессоров и невероятно много читал — товарищи всегда вспоминали его окруженным книгами. Исключительная одаренность соединялась у Пестеля с яркой волевой натурой и крупным организаторским талантом. Друзья вспоминали потом выдающееся ораторское дарование Пестеля: сила его аргументов была неотразима.

Таковы были первые члены молодого тайного общества.

Решено было прежде всего написать устав, или «статут», тайного общества. Для «успешного действия нужен порядок и формы»,— справедливо полагал Сергей Трубецкой. Для написания устава избрали комиссию в составе Пестеля, Трубецкого, Ильи Долгорукова и Шаховского; последний был секретарем комиссии, но вся основная работа пала на Пестеля — он более всех поработал над первым декабристским уставом.

«Статут», или устав, первого общества декабристов не дошел до нас: сами декабристы сожгли его, когда в 1818 г. преобразовали свое общество. Но из многочисленных свидетельств участников мы можем составить себе представление о его содержании. Торжественное введение, написанное Ильей Долгоруковым, по-видимому, объясняло общую цель тайного Общества истинных и верных сынов Отечества — «подвизаться на пользу общую всеми силами» во имя блага Родины. Для этого нужно было бороться за ликвидацию крепостного права и самодержавия: вместо самодержавия необходимо было ввести представительную форму правления в виде конституционной монархии. Члены нового тайного общества считали, что необходимо «принудить» царское правительство согласиться на представительное правление. Удобнее всего это сделать в момент смены императоров на престоле. Члены общества обязались «не прежде принести присягу новому импера-

тору», как удостоверившись, что в России самодержавная власть будет ограничена народным представительством. Устав обязывал «елико возможно умножать число членов общества», добиваться того, чтобы члены тайного общества заняли важные посты в государстве — как по военной, так и по гражданской линии; вместе с тем устав обязывал членов общества бороться за отстранение иностранцев от влияния в государстве. Значение этого пункта устава станет ясно, если вспомнить, какое влияние имели тогда иностранцы-реакционеры, в особенности немцы, занимавшие при Александре I немало важных государственных постов и оттеснявшие русских людей от участия в управлении страной.

К «статуту» были приложены тексты торжественных клятв по масонскому образцу. Клятвы приносились на кресте и евангелии. Члены общества клялись все хранить в строжайшей тайне, не выдавать друг друга. Предателям грозила смерть: «яд и кинжал везде найдут изменника».

Но как действовать? «Ужасы народной революции» пугали дворян-революционеров. Надо действовать для народа, но без народа, не через народ, думали они.

Основные цели борьбы были в общем ясны: ликвидировать крепостное право и самодержавие, ввести конституцию, представительное правление. Но средства и способы добиться этого были туманны. Было решено требовать конституцию в момент смены императоров на престоле. Однако как обеспечить выполнение своих требований? Это оставалось неясным.

Пока шли тайные обсуждения и споры, царский двор решил на год переехать из Петербурга в Москву в связи с закладкой на Воробьевых горах храма в честь войны 1812 г. Гвардия в составе двух сводных гвардейских полков должна была сопровождать царский двор. Гвардейцы двинулись в древнюю столицу ранней осенью 1817 г. В этом походе почти все члены нового тайного общества отправились в Москву в рядах сводных гвардейских полков. В Москве гвардия была расквартирована в Хамовнических казармах около Девичьего поля. Так тайное общество переселилось со всеми своими спорами из Петербурга в Москву. Наверно, многое они продумали, вспоминая А. Н. Радищева и его «Путешествие из Петербурга в Москву», проходя по тем же деревням.

Основатель общества полковник Александр Муравьев был оберквартирмейстером сводного гвардейского отряда и получил квартиру в «шефском корпусе» Хамовнических казарм. Его квартира стала местом собраний тайного общества. Другим центром стал дом полковника Фонвизина, старого москвича; дом находился в Староконюшенном переулке, близ Пречистенки (теперь Кропоткинская улица).

В эти дни ранней осени в истории декабристов и возник так называемый Московский заговор 1817 г.

У членов тайного общества, стремившихся к скорейшему достижению своей цели, возникла мысль: нельзя ли ускорить смену монархов на престоле путем цареубийства? В то время в Москве со дня на день ожидали прибытия императора Александра I. Декабрист Якушкин сам предложил себя в цареубийцы и никому не хотел уступить «этой чести». Он хотел взять два пистолета (тогдашние пистолеты заряжались только на один выстрел), пойти в Успенский собор, где должен был присутствовать император, из одного пистолета убить его, а из другого себя: цареубийство должно было походить на дворянскую дуэль. После жарких обсуждений план Якушкина был отвергнут, хотя в ходе прений выяснилось, что взять на себя цареубийство соглашались в сущности все присутствующие. Но главное было не в личном согласии — его давали и Никита Муравьев, и Шаховской, и Александр Муравьев, и другие. Главное было в целесообразности акта цареубийства. Члены общества сомневались в этой целесообразности. Они сознавали бессилие своей малочисленной и замкнутой конспиративной группы. Где гарантия того, что новый царь, который займет престол после убитого, согласится на конституцию и освободит крестьян от крепостного права? Никакой гарантии в этом не было. В жарких спорах общество решило ликвидировать прежнюю организацию и основать другую, на новых началах.

Было признано необходимым прежде всего численно расширить общество и завоевать этим путем ту силу, которая, по мнению декабристов, двигала историей,— общественное мнение.

Так было ликвидировано первое тайное общество. Началась работа над уставом нового общества, которое решили назвать Союзом благоденствия.

Но пока шла эта работа, не хотелось терять возможности вербовать новых членов: недовольство вокруг кипе-

ло, молодежь жаждала действия, было много людей, готовых к вступлению в организацию. Поэтому тут же, в Москве, где в тот момент находилось основное ядро гвардии, было основано промежуточное тайное общество — в целях конспирации под скромным и не привлекающим внимания названием «Военное общество». Никита Муравьев и Павел Катенин возглавили «Военное общество». П. А. Катенин — друг Пушкина и Грибоедова — был писателем; его перу принадлежит известная революционная песня, которую пели в те годы декабристы:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

«Ах, лучше смерть, чем жить рабами. Вот клятва каждого из нас!» — таков был припев этой песни.

Члены «Военного общества» вырезали на клинках своих шпаг надпись: «За правду».

В 1818 г., когда работа над новым уставом закончилась, начала свою деятельность новая декабристская организация — Союз благоденствия.

СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Союз благоденствия также был конспиративной организацией и имел те же основные цели борьбы, что и Союз спасения,— ликвидацию крепостного права и самодержавия. Первое время и этот Союз отстаивал идею создания конституционной монархии, в которой права монарха ограничивались бы законами и существовал бы представительный строй. Однако Союз благоденствия попытался яснее определить «средства» борьбы и овладеть той основной силой, которая, по мнению декабристов, двигала историей. Что же это была за сила?

Последователи философов-просветителей XVIII в., декабристы полагали, что «миром правят мнения». Общественное мнение — вот сила, которой надо овладеть. Именно она свалит феодализм. Пестель полагал, что феодальная аристократия «общим мнением всегда потрясена быть может» («Русская Правда»). Создание «общего мне-

ния» и должно было предшествовать революции и стать ее движущей силой. Исходя из этого понимания, декабристы выразительно называли революцию «общим развержением умов...»

Для овладения общественным мнением Союз благоденствия должен был, по планам декабристов, создать целую сеть тайных и явных (легальных) организаций и руководить ими. Было запроектировано создание повсюду литературных, научных, педагогических, хозяйственных обществ, женских организаций и кружков молодежи. Предполагалось издание журнала «Россиянин XIX века». Купили литографский станок для печатания материалов тайного общества, подлежащих распространению, но сначала не сладили с его техникой, тогда крайне несовершенной (станок хранился в доме князя Трубецкого). Согласно новому уставу в тайное общество должны были приниматься не только дворяне, а также купцы, мещане, духовные лица и свободные крестьяне. Предполагалось, что в течение двадцати лет будет готовиться общественное мнение и примерно около 1840 г. произойдет революция.

Число членов тайного общества действительно увеличилось: оно возросло раз в десять и превысило 200 человек. Передовая молодежь повсюду смело выступала против старых, отживших форм жизни, тормозивших движение страны вперед. Она всюду смело заявляла «слово истины», как говорил декабрист Якушкин, и «гремела» в гостиных, театрах и клубах, выступая против Аракчеева, крепостного права, палок и военных поселений. Чацкий, произносящий жаркие речи против старой жизни,— живая фигура того времени, а «Горе от ума» — великий памятник эпохи.

Сохранился интересный документ — политическая утопия «Сон», которая хорошо отражает идеалы движения декабристов. Утопия эта была прочитана на заседании литературного общества «Зеленая лампа», являвшегося побочной управой (управа — отделение) декабристского общества. Автор утопии, декабрист Улыбышев, рассказывает, что он будто бы видел во сне будущий, послереволюционный Петербург. Он даже не смог узнать хорошо знакомый ему город. На Зимнем дворце была надпись «Дворец государственного собрания». На Невском проспекте вместо монастыря автор увидел триумфальную арку,

«как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма». «Общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город». В прекрасном храме, великолепие которого «превосходит огромные памятники Римского величия», шло богослужение особого рода: тут перед мраморным алтарем, на котором горел неугасимый огонь, возносили хвалу Верховному существу. Православное христианство исчезло — несколько ветхих старушек еще исповедуют старую религию, но большинство живет уже по-новому. На почерневших стенах Зимнего дворца вместо двуглавого орла (ему отрубили обе головы) — новый герб России: феникс, парящий в облаках и держащий в клюве венок из оливковых ветвей. В России произошла революция, установилось новое революционное правительство. Произошло невиданное «увеличение общественного благосостояния», расцвели земледелие, промышленность и торговля. Расцвело искусство — написаны новые замечательные литературные произведения, новые драмы и комедии. Драгоценные сокровища народной словесности питают литературу. Люди даже одеты по-новому: они не носят более неудобных европейских фраков; в новой удобной и изящной одежде есть некоторое сходство с русским национальным кафтаном.

Так мечтали декабристы в Союзе благоденствия.

Между тем процессы общественного брожения развивались все дальше. Хотя Александр I, открывая в 1818 г. варшавский сейм, и обещал даровать конституцию всей России, обещания своего он не исполнил. Да этим обещаниям, собственно, никто и не верил.

В то время были распространены острые святочные политические песни под названием «ноэлей» (от французского Noël — святки). В этих песнях действующими лицами были младенец Христос, дева Мария и политические деятели эпохи. Молодой Пушкин, друг декабристов, сам член одного из литературных объединений Союза благоденствия — «Зеленой лампы», в своем «ноэле», написанном к рождеству 1818 г., высмеивал царские обещания. Младенец Христос обрадовался, узнав, что царь обещает конституцию:

От радости в постели
Запрыгало дитя:
— Неужто в самом деле,

Неужто не шутя?
А мать ему:
«Бай-бай, закрой свои ты глазки,
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Эта песня стала широко известна. Ее распевали повсюду.

Далеко не все, задуманное членами Союза благоденствия, было осуществлено — многое так и осталось в замысле. Но все же почти за три года своего существования (1818—1821) Союз благоденствия сделал немало. Прежде всего он оформился организационно и развернул большую работу над своей программой, создал первую часть «Зеленой книги» — устава Союза, начал работать над второй частью, содержавшей изложение его сокровенной цели. Союз вырос численно, создал ряд новых отделов. Главные управы (учредившие не менее трех побочных управ), как показывает Сергей Муравьев-Апостол, «находились в Петербурге, Москве и Тульчине». Главная — Коренная управа общества находилась в столице — Петербурге. По показанию С. Трубецкого, управы Союза благоденствия были заведены в Полтаве, Тамбове и Нижегородской губернии. Большую роль играла Кишиневская управа. По-видимому, существовала и Киевская управа. Всего известно около полутора десятков управ Союза благоденствия. Декабрист Якушкин говорит, что в 1818 г. в Союз было «привлечено более 200 лиц»,— это относится лишь к первому году его существования. Известно, что в последующие годы число членов возросло, но свидетельством о более или менее точном числе членов к концу существования организации мы не располагаем. Лунин показывает, что в Союзе благоденствия находилось «множество членов».

Было организовано несколько обществ. Литературное общество «Зеленая лампа» являлось филиалом Союза благоденствия. Оно собиралось на квартире Никиты Всеволожского, в комнате, освещенной зеленой лампой (отсюда — название; заметим совпадение цвета лампы и устава Союза — «Зеленой книги»: зеленый цвет — символ надежды). После того как найдена часть архива «Зеленой лампы», нет сомнений в том, что ее членов интере-

совали не только литературные, но и политические проблемы. Только что рассказанная утопия Улыбышева «Сон» — из этого архива. В незаконченном послании А. С. Пушкина к «Зеленой лампе» недаром упоминается и о лозунге равенства, и о фригийском колпаке — символе революционной Франции:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равéнство...

Была попытка Николая Тургенева создать «Журнальное общество», или, как он называл его, «Общество 19-го года и 19-го века». В нем и было намечено издавать журнал «Россиянин XIX века», или «Архив политических наук и Российской словесности». Уже готовился первый номер журнала, обсуждались на заседаниях написанные для него статьи. Но царская цензура свирепела день ото дня, было запрещено печатать что бы то ни было о крепостном праве. В этих условиях выход в свет задуманного журнала не мог состояться.

Значительна деятельность декабристов в «Вольном обществе любителей Российской словесности» и особенно в «Вольном обществе учреждения училищ по методе взаимного обучения», т. е. в организации, распространявшей ланкастерские школы. Ланкастерский метод был способом массового распространения просвещения. Его идеей была быстрая передача первоначальных знаний сразу большому числу учеников: учитель давал бесплатный урок группе наиболее способных учеников, которые немедля шли в группы еще не обученных и передавали им знания, полученные на уроке. Таким образом, обученные 10—15 человек сразу же могли обучить более сотни других учеников. Председателем общества был член Союза благоденствия граф Федор Толстой, одним из его заместителей — Федор Глинка, одним из секретарей — В. Кюхельбекер. Общество действовало среди бедного люда. Большую роль ланкастерская система сыграла в армии — в Петербурге в училище для взрослых при штабе гвардейского корпуса и в казармах лейб-гвардии Павловского

полка. Особенно велика была роль ланкастерского обучения на юге, в дивизии декабриста Михаила Орлова. В Петербурге Союз благоденствия обучил около тысячи людей, на юге — полторы тысячи.

Мы видим, что работа Союза благоденствия была немалой.

Особенно стремились члены Союза благоденствия привлечь к себе молодежь, оторвать ее от старого лагеря; они понимали, что надо противодействовать «староверству закоснелого дворянства» и иметь возможность воздействовать «на мнение молодежи». Члены Союза благоденствия открыто протестовали против крепостного права, возмущались Аракчеевым, военными поселениями, жестокой расправой с восстанием поселений в 1819 г., мобилизовывали общественное мнение против мракобесов Магницкого и Рунича, защищали передовую науку своего времени, предавали позору жестоких помещиков, освобождали от крепостной неволи талантливых самоучек, ратовали за распространение ланкастерских школ. Они были, говоря словами Чацкого, сторонниками «свободной жизни», ненавидели деспотизм и произвол царизма, разоблачали старый строй со всей страстностью глубокого убеждения, считали это разоблачение делом своей чести. «Горе от ума» А. С. Грибоедова нарисовало нам художественный образ молодого вольнодумца в его вдохновенной борьбе против сплоченного старого мира, яростно мстящего новатору за его смелое слово.

Сохранилась случайная памятка, написанная для себя активным членом Союза благоденствия Федором Глинкой о том, что он должен порицать, чего желать и что хвалить в разговорах, преследуя цель создания общественного мнения: «Порицать: 1) А[ракчее]ва и Долгорукова, 2) военные поселения, 3) рабство и палки, 4) леность вельмож, 5) слепую доверенность к правителям канцелярий... 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты, 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях. Желать: открытых судов и вольной цензуры. Хвалить: ланкастерскую школу и заведение для бедных у Плавиль[щикова]...»

Декабрист Басаргин активно участвовал в освобождении от крепостной неволи двух беглых дворовых девушек, спасавшихся от грозившей им участи стать наложницами жестокого барина, их собственного отца (случай почти

«радищевский», как бы выхваченный из «Путешествия из Петербурга в Москву»). Помещик не поддавался ни на какие уговоры и отказывался дать девушкам отпускные. Декабристы предали дело широкой огласке (создали общественное мнение!) — и девушки были освобождены. Союз благоденствия выкупил крепостного поэта Сибирякова у рязанского помещика Маслова, который потребовал огромную сумму — 10 тыс. рублей — за своего кондитера («в отечестве — поэт, кондитер в барском доме»,— с негодованием писал П. А. Вяземский в своих стихах, написанных в защиту Сибирякова). Чтобы скопить денег и принять участие в выкупе крепостного поэта, небогатый декабрист Ф. Глинка отказался от питья чая (чай стоил тогда очень дорого) и пил вместо чая только горячую воду, откладывая деньги для своего взноса на выкуп. Все подобные случаи не были простой благотворительностью, а были действиями по программе тайного общества.

Противоборство беззакониям царского суда также входило в программу Союза благоденствия. В результате этой работы Союза, по свидетельству Глинки, «многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем... иные, уже высеченные (по пересмотрении дел) прощены и от ссылки избавлены... купец Савастьев уже с дороги в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семействе, а другой костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу, ...найден невинным и освобожден от крепостной работы, и возвращен восвояси, и отдано ему честное имя» [1].

Ряд членов Союза благоденствия писал обстоятельные записки для подачи царю о вреде крепостного права, о необходимости его отменить, о неотложности реформ. До нас дошли такие записки декабристов Николая Тургенева, Александра Муравьева и других. Записку Тургенева передали царю — «там и сѐло», кратко записал Тургенев в дневнике. А. Муравьеву царь велел передать: «Дурак, не в свое дело вмешался».

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 82 (Ф. Глинка); *Чернов С.* К истории «Союза благоденствия»: (Из бумаг Ф. Н. Глинки).— Каторга и ссылка, 1926, № 2 (23), с. 130—131.

Пушкинская «Деревня» также призывала царя к освобождению крестьян. В последних строках знаменитого стихотворения гораздо более требования к царской власти, нежели надежды на нее:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Но заря не взошла. Стихи Пушкина были вручены Александру I, тот просил передать поэту благодарность — едва ли искреннюю. Но через несколько месяцев царь сказал, что Пушкина надобно сослать в Сибирь, потому что «вся Россия наводнена его возмутительными стихами». Вскоре «по манию царя» Пушкина сослали — не в Сибирь, а на юг — в Кишинев.

В голодный 1820 год Союз благоденствия оказал большую помощь голодающим в Смоленской губернии и накормил тысячи людей. Это вызвало большое беспокойство у Александра I. Его вообще очень тревожили доходившие сведения о Союзе благоденствия: «Ты ничего не понимаешь,— говорил он одному из своих придворных,— эти люди могут кого хотят возвысить и уронить в общем мнении».

К значительной работе Союза благоденствия отнесем и два совещания («съезда») его Коренной управы: Петербургское совещание 1820 г. по вопросу о республике и Московский съезд 1821 г., которые повернули движение декабристов на новую дорогу.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1820 г. РЕШЕНИЕ О РЕСПУБЛИКЕ

Итак, Союз благоденствия был деятельной организацией и немало сделал за три года своей работы. Но все, что он сделал, в сущности не приблизило его к цели. Его основной задачей была отмена в России крепостного права, ликвидация самодержавно-крепостного строя, введение законно-свободного представительного правления. Но сколько бы Чацких ни гремело против крепостного права и аракчеевщины в петербургских, московских, тульчин-

ских, кишиневских и, может быть, тамбовских гостиных, какие бы литературные и ланкастерские общества ни заседали, какие бы журналы ни задумывались и какие бы пламенные стихи о вреде существующего порядка вещей ни писались,— крепостное право не могло пасть от одного «общественного мнения». Члены Союза благоденствия это и раньше понимали, потому и задумали написать вторую часть своего статута «Зеленой книги» с изложением «сокровенной цели» и способов ее достижения, но предложенные тогда решения вызывали разногласия.

Откладывать решения было нельзя: их требовала действительность. Ранее представлялось возможным ждать хоть четверть столетия, пока в результате терпеливых усилий создастся «общественное мнение» и можно будет приступить к действию. А теперь жизнь России, да и всей Европы, столь стремительно пошла вперед, что ждать так долго уже не представлялось возможным. За три года существования Союза благоденствия признаки кризиса феодальной системы грозно нарастали. Это было предельно насыщенное событиями трехлетие, которое выковывало политическую идеологию с невиданной ранее быстротой. Частая и быстрая смена форм декабристского общества и интенсивное развитие его программы зависели прежде всего не от каких-либо личных качеств объединившихся деятелей, а от быстроты развития самой исторической жизни.

Неразработанные стороны «сокровенной цели» становились явственным тормозом движения. Двадцатилетний с лишним срок, отведенный было Союзом благоденствия для подготовки переворота, стал казаться необоснованно длинным, а способы достижения цели — малоэффективными. Политическая цель — конституционная монархия — стала представляться отсталой и не удовлетворяющей созревшему мировоззрению. Численный рост Союза делал организацию рыхлой, принимались иной раз и ненадежные люди, болтуны, занимавшиеся пустяками, вроде Репетилова из «Горя от ума». Резкая неудовлетворенность сделанным все отчетливее сказывалась в спорах, в обсуждении создавшегося положения. Члены общества досадовали, что «все остается в идеях — ничто не переходит в действительность». Николай Тургенев с досадой писал в дневнике: «Мы теряемся в мечтаниях, в фразах. Действуй, действуй по возможности! — и тогда только полу-

чить право говорить... Словам верить нельзя и не должно. Должно верить делам»[1].

Якушкин приехал в Петербург в декабре 1819 г., и резкая неудовлетворенность членов ходом дел в Обществе бросилась ему в глаза. Он признает, что Союз благоденствия, особенно в Петербурге, достиг значительных результатов, и отмечает сильный численный рост его членов. Он полагает, что «общественное мнение» в столице было создано. Но все это казалось уже незначительным. В самом обществе намечалось глубокое внутреннее движение: одни из прежних членов охладели к цели организации, «зато другие жаловались, что Тайное общество ничего не делает; по их понятиям, создать в Петербурге общественное мнение и руководить им была вещь ничтожная; им хотелось бы от Общества теперь уже более решительных приготовительных мер для будущих действий»[2],— таковы были наблюдения Якушкина. Они очень важны. Передовая часть Общества радикализировалась, продвигалась дальше по направлению к демократическим позициям, другая колебалась и отставала. Трубецкой, привыкший все вины валить на Пестеля, и тут (разумеется, неосновательно) приписывал все его личному поведению, но и он приходил к выводу, что в эти годы «общее действие охладело и лишилось единства»[3]. Пестель, со своей стороны, со свойственной ему конкретностью и точностью в описании сложных общественных явлений, свидетельствует, что и в это время существовали вопросы, объединявшие всех: все единогласно желали введения в России «нового порядка вещей» и полагали необходимым численный рост Общества и его значительное территориальное расширение. «Но по всем прочим предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемену в России, и до порядка вещей и образа правления, коими бы заменить существовавшее правительство»,— показывал Пестель[4]. Последнюю формулировку надо признать исчерпывающей, она сделана с глубоким пониманием создавшегося в Обществе положения и соответствует показаниям других декабристов.

---

[1] *Тургенев Н. И.* Дневники и письма. Пг., 1924, т. 3, с. 181, 211.
[2] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 29.
[3] *Трубецкой С. П.* Записки. СПб., 1906, с. 22.
[4] Восстание декабристов, т. 4, с. 84.

Революционное брожение нарастало. Декабристы остро ощущали недостаточность способов для достижения намеченных целей. Очевидно, нечего рассчитывать на решающее влияние «общественного мнения». Это слишком медленный путь. Нет ли другой силы, на которую можно опереться и совершить революционный переворот? Не является ли этой силой армия?

В армии в то время уже давно шло глухое брожение. Солдаты — те же крестьяне, пришедшие из крепостных деревень,— мечтали об освобождении от крепостной неволи, от палочной дисциплины, шпицрутенов и издевательств начальников — дворян из породы скалозубов.

Тем временем на Западе революционная ситуация переросла в революцию. В январе 1820 г. вспыхнула военная революция в Испании. Армия, восставшая под руководством революционеров, была поддержана народом и в три месяца с небольшим совершила революционный переворот: королевская власть была свергнута, восстановлена конституция. Весной того же года произошла военная революция в Неаполе, а в августе — в Португалии. В следующем, 1821 г. произошла революция в Пьемонте и запылало греческое восстание.

В России тех лет также начала складываться революционная ситуация. В 1819 г., как уже сказано, восстали военные поселения. Более двух лет (в 1818—1820 гг.) бушевало восстание на Дону.

В создавшейся обстановке решение Коренной управы Союза благоденствия созвать в Петербурге совещание по основным программным вопросам — для уяснения «сокровенной цели» и выработки правильной линии действий — было вполне своевременным. Работа над «сокровенной целью» сильно продвинулась в сознании ведущего большинства и общее решение уже вызревало — нужно было обо всем окончательно договориться.

Совещание состоялось в январе 1820 г. Произошло оно в обширной холостой квартире Федора Глинки, очень удобно расположенной для конспиративного совещания: Глинка жил в верхнем этаже дома Крапоткина, находившегося на Театральной площади недалеко от Поцелуева моста, в центре города, где скрещивались пути, в самом оживленном месте; в нижнем этаже того же дома находилась адресная контора Петербурга («адресов контора»), куда постоянно входили и откуда выходили люди. Поэто-

му собрание Коренной управы Союза благоденствия в этом доме не могло обратить на себя ничьего внимания. Семьи у Глинки не было, поэтому и домашние не могли помешать совещанию. В деле Глинки сохранился план Театральной площади с прилегающими улицами, мостом и точным обозначением как оперного театра, так и того дома, где находилась его квартира (см. рисунок).

В совещании приняло участие все ведущее ядро движения: Пестель (он был докладчиком), Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев, Михаил Лунин, Николай Тургенев, Иван Якушкин, Иван Шипов и ряд других членов тайного общества. С. Трубецкого не было, он был в это время за границей.

Доклад Пестеля на тему, какое правление лучше — конституционно-монархическое или республиканское, был поставлен, разумеется, с ведома и согласия Коренной управы. Организовано было заседание по всей форме — с председателем, прениями и последующим голосованием.

Обратим внимание на показание Пестеля, что он успел сговориться с Никитой Муравьевым еще до заседаний и что «прежде означенного совещания у Глинки они условились быть там одного мнения». Отсюда следует, что Пестель знакомил Никиту Муравьева с основными положениями своего доклада (Муравьев признался в этом только на очной ставке с Пестелем). Сговориться с Муравьевым Пестелю было легко: Никита Муравьев был тогда его единомышленником и сторонником республиканского правления. Пестель показывает, что Никита Муравьев был в 1820 г. «один из тех членов, которые наиболее в пользу сего последнего говорили».

Председательствовал на совещании знаменитый художник-медальер граф Федор Толстой (двоюродный дядя Льва Толстого), член Союза благоденствия.

Ввиду важности вопроса приведем одно из наиболее полных показаний Пестеля о ходе этого знаменитого совещания:

«Князь Долгоруков по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров было прение заключено и

объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, чего он желает: Монарха или Президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: «Le président, sans phrases!», то есть: «Президент, без дальних толков». В заключение приняли все единогласно республиканское правление» [5].

Таким образом, Союз благоденствия является той организацией в истории русского революционного движения, которая впервые приняла решение бороться за республиканскую форму правления в России (1820).

Ленин всегда указывал на великое значение республиканской традиции в русском революционном движении. Упомянув о декабристах в своей работе «Аграрная программа русской социал-демократии» и останавливаясь на значении республиканского лозунга, он писал: «На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров» [6].

Итак, в жизни тайного общества произошло событие большой важности: члены общества разработали и приняли новую формулировку конечной цели — борьба за русскую республику.

Разумеется, изменение программы вело за собой и изменение тактики.

По-видимому, на другой же день или вскоре после совещания у Федора Глинки было собрано новое совещание, в Преображенских казармах, на холостой квартире подполковника Ивана Шипова, обставленной со спартанской простотой. Цель общества была уяснена — теперь требовалось уяснить «способы действия». Докладчиком был Никита Муравьев. На этом совещании вновь возник вопрос о цареубийстве; по мнению наиболее радикальных членов, лишь цареубийство расчищало путь республике. Произошел жаркий спор между Никитой Муравьевым (в тот момент сторонником цареубийства) и Ильей Долго-

---

[5] Восстание декабристов, т. 4, с. 101—102.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319.

руковым — «осторожным Ильей», как называл его А. С. Пушкин в X песне «Евгения Онегина». Заседание было продолжено и на другой день (Илья Долгоруков на второй день не пришел).

Сохранение дома Романовых рассматривалось как серьезная угроза существованию республики. На вопрос следствия о совещании у Шипова Никита Муравьев отвечал, что только он и Пестель на этом собрании стояли за цареубийство, прочие спорили против этой меры, доказывая, что цареубийство «неминуемым последствием иметь будет анархию и гибель России. Пестель уверял, что общество может отвратить анархию, назначив наперед из среды своей временное Правление, облеченное верховною властью, дабы обеспечить порядок и ввести новый образ правления. Мысль сия нашла во мне одном только защитника и была опровержена прочими. В особенности же восстал противу неосновательности сего предложения князь Долгорукой, с которым и возникло у меня о том прение» [7].

Этот момент в истории общества и самый генезис мысли о диктатуре временного верховного правления надо особо отметить: вопрос о нем не сойдет у декабристов с повестки дня вплоть до открытого выступления.

Поясняя свое понимание вопроса о временном революционном правлении, как он был изложен на совещании у Шипова, Пестель показал: «Опасенья на щет безначалия и беспорядков, при Революции произойти могущих, изъявлял я всегда сам и, говоря о необходимости Временного правления, приводил в подкрепление сей необходимости все опасения на щет безначалия и беспорядков: мнением полагая, что надежнейшее и единственное средство к отвращению оных состояло бы в учреждении Временного правления».

Таким образом, как только уяснилась «сокровенная цель» общества и формула вводимого революцией республиканского правления восторжествовала, естественно, обострилась и внутренняя борьба в обществе. Обострение сказалось прежде всего в понимании «способов революционного действия». Долгоруков — «блюститель» Союза благоденствия (была такая выборная должность), сам

---

[7] Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 312.

голосовавший за республику, показал, что в начале 1820 г., т. е., очевидно, именно после совещания у Шипова, «сложил» с себя должность блюстителя тайного общества.

Но дело было далеко не только в «способах действия». Дело было в самом устройстве республики — в ее основном законе, в конституции. Принятие решения о республике, как бы ни было оно само по себе важно, еще не определяло всего конкретного существа будущей политической системы. Петербургское совещание на квартире у Глинки только начало эту работу, «а подробности будут со временем определены» — так решили члены тайного общества. Вот во имя этого и надо было спешить с составлением республиканского конституционного проекта: он определял основное и мог сконцентрировать вокруг себя силы убежденных сторонников. Потребность в его создании ощущалась как самая неотложная.

И Пестель, и Никита Муравьев садятся в это время за работу над конституционным проектом будущей революционной России.

Как видим, в 1820 г. в среде декабристов заговорили о республике, цареубийстве, Временном революционном правительстве. Возник вопрос и о «действии посредством войск». Старая форма тайного общества становилась помехой, возникали новые планы и решения. Союз благоденствия явно устаревал как форма организации движения. Назревал вопрос о полной реорганизации тайного общества.

МОСКОВСКИЙ СЪЕЗД 1821 г. ЛИКВИДАЦИЯ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

Всего год прошел между Петербургским совещанием 1820 г. и Московским съездом 1821 г. Но год этот был наполнен важнейшими событиями, оказавшими огромное влияние на судьбу декабристского движения.

Общая картина оживления революционного движения была бы неполной без характеристики развивавшихся в это время западноевропейских революционных событий. Напомним, что в 1820—1821 гг. Европа пылала в огне восстаний. Декабристы внимательно прислушивались к гулу возраставшей революционной борьбы, учитывали ее опыт,

Это было закономерно и положительно характеризовало жизнеспособность самого движения.

1 января 1820 г. было началом испанской революции: на этот день приходится первое выступление Рафаэля дель Риего. Никто не сомневался в революционном характере испанских событий, особенно после «резни в Кадиксе» 10 марта того же года. Петербург узнал об этом событии 23 марта (Пестель тогда был еще в Петербурге). Волновали и вести из Франции: 13 февраля рабочий-седельщик Пьер Лувель ударом кинжала убил герцога Беррийского, последнего представителя ненавистного каждому революционеру рода Бурбонов. Легко себе представить, какое обилие размышлений и обсуждений вызвали эти события в среде декабристов. Правительственный лагерь в свою очередь пришел в движение, настороженно следя за малейшим проявлением общественного недовольства внутри России. Тем временем события испанской революции вступили в полосу бурного развития. Восставшая армия, руководимая революционными вождями и окруженная сочувствием народа, достигла невиданных успехов. Военное восстание вспыхнуло в самом Мадриде, революционные войска вступили в столицу Испании. В марте 1820 г. испанский король Фердинанд VII, испуганный революционным натиском, подписал манифест о созыве кортесов (испанского парламента). Абсолютистская Испания стала конституционной страной, восстановив конституцию 1812 г.

Победу испанской революции декабристы встретили с восторгом. «Вчера получено здесь известие, что король испанский объявил конституцию кортесов,— записал Николай Тургенев в своем дневнике (от 24 марта 1820 г.).— Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания показывает, что значит дух народный, что значит любовь к Отечеству... Инсургенты вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна, объявили, что, может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к Отечеству, но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гишпанского народа» [1]. Декаб-

[1] *Тургенев Н. И.* Дневники и письма. Пг., 1924, т. 3, с. 225—226.

рист Беляев вспоминал в своих «Записках»: «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие»[2]. Близкий к декабристам П. Я. Чаадаев писал брату: «Революция, завершенная в восемь месяцев, при этом ни одной капли пролитой крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилия, одним словом, ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело,— что вы об этом скажете? Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революции». При этом он многозначительно прибавлял: «Но во всем этом есть ближе нас касающееся».

Правительству Александра I и российской крепостнической знати испанские события казались грозным предзнаменованием приближающегося революционного взрыва. В России было неспокойно: со всех сторон шли слухи о недовольстве и скрытом брожении крепостных. Донское восстание, о котором уже упоминалось, все еще не удавалось усмирить, и первые месяцы 1820 г., начиная с того же беспокойного января, были временем наивысшего подъема донского сопротивления. Восстание перебросилось в Миусский округ, за ним поднялись Ростовский, Бахмутский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии. Свирепая расправа Чернышева, усмирившего восставших «главнейше пушками», падает на весну 1820 г.

Не успели еще усмирить донские волнения, как в марте того же года вспыхнуло значительное движение на казенном Березовском золотопромывательном заводе, которое не удавалось подавить вплоть до сентября. В волнениях приняли участие более 3 тыс. рабочих. В том же марте возобновились волнения казанских суконщиков фабрики Осокина, продлившиеся до октября 1820 г. Но не успело правительство обрушиться с репрессиями на восставших крепостных людей, как новые вести из-за границы потрясли его: опять революция! Восстал Неаполь. Известие об этом пришло в июле 1820 г.

Революционные события в Неаполитанском королевстве были подготовлены тайным обществом карбонариев. Под предводительством генерала Гульельмо Пепе — чле-

---

[2] *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и прочувствованном, 1805—1850, СПб., 1882, с. 155.

на карбонарской организации — восставшие потребовали провозглашения конституции 1812 г. по образцу испанской. Король Фердинанд I дал на это вынужденное, но притворное согласие, одновременно обратившись за помощью к реакционному Священному союзу. Доносчик Грибовский злобно писал, что члены Союза благоденствия «не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе».

Но только Чернышев утопил в крови Донское восстание, только успели Александр I и Аракчеев разослать губернаторам секретный циркуляр от 10 июля 1820 г. с требованием немедленного усмирения любых волнений и прекращения неповиновения мерами «военного понуждения», как новое известие: революция в Португалии! 24 августа 1820 г. в Опорто вспыхнуло военное восстание против жестокой тирании английского генерала Бересфорда, управлявшего Португалией в качестве регента, а 15 сентября того же года произошло восстание в Лиссабоне. И тут была провозглашена конституция 1812 г. «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние»,— показывал на следствии Пестель.

В октябре 1820 г. собрался контрреволюционный конгресс, созванный Священным союзом в Троппау. 19 ноября он вынес решение о «праве интервенции» в страны, охваченные революционным движением; Австрия и Пруссия подписали протокол об обязательстве силой восстанавливать «порядок» в тех государствах, где произойдет революция. Александр I находился за границей для организации подавления революционного движения.

Чтобы представить себе общую картину положения внутри России хотя бы в приблизительной полноте, надо принять во внимание, что 1820 г. был особенно богат крестьянскими волнениями. Обострил положение, в частности, и сильный голод 1820—1821 гг., особенно тяжело обрушившийся на затронутые войной районы, в том числе на Белоруссию и Смоленскую губернию. Целые деревни питались мякиной, лебедой, древесной корой, голодные эпидемии косили жителей.

Вести о крестьянских волнениях приходили в министерство внутренних дел в 1820 г. не менее чем из 13 губерний: Калужской и Орловской, Тверской и Гродненской, Олонецкой и Московской, Воронежской, Минской,

Тульской, Могилевской, Рязанской, Херсонской; прибавим к этому перечню и Землю Войска Донского, особенно волновавшую правительство. Росло и число жалоб, идущих из крепостной деревни. Жалуются на обременение работами, на «притеснения» разного рода, жестокое обращение помещиков, неправильное «удержание в крепостном состоянии» (жалобы шли из разных губерний). Именно в 1820 г. херсонский военный губернатор Ланжерон опасался, чтобы неповиновение кочубеевских крестьян не «подвигнуло» и других помещичьих подданных на подобные же поступки. В 1820 г. наблюдались серьезные «беспорядки» на уральских заводах княгини Белосельской-Белозерской. Характерно, что вспышка волнений на каком-либо заводе быстро перебрасывалась на соседние заводы. Рабочие бросали работу, скопом двигались в губернский или уездный город для объяснений с начальством, снимая по дороге рабочих других заводов, присоединяя их протест к своему. Фабрикантам приходилось прибегать к силе для усмирения или подчас идти на уступки требованиям рабочих.

В такой обстановке особенное впечатление на современников произвели волнения в самой столице, Петербурге,— выступление лейб-гвардии Семеновского полка, о котором выше мы уже упоминали. Старейший гвардейский полк, основанный еще Петром I, был покрыт славой многих военных походов, начиная с Северной войны со шведами и кончая Отечественной войной 1812 г. и заграничными кампаниями 1813—1814 гг. Многие будущие декабристы — Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Якушкин служили в Семеновском полку. Передовые офицеры ввели в полку вежливое и гуманное обращение с солдатами. «Артель» семеновских офицеров и Союз благоденствия сыграли в этом свою роль. Отечественная война и заграничные походы разбудили гражданское сознание солдат, содействовали их духовному росту.

Оказавшись у власти, Аракчеев стал прежде всего пересматривать командный состав, удаляя неугодных ему лиц. Аракчеевские ставленники начали занимать места командиров на ответственнейших постах, и креатура Аракчеева — полковник Шварц был назначен в 1820 г. командиром лейб-гвардии Семеновского полка. Шварц круто изменил гуманные порядки, установившиеся в пол-

ку: вновь стала свирепствовать палочная расправа, личное достоинство солдат унижалось варварскими наказаниями и бессмысленными служебными требованиями. За пять месяцев своего командования Шварц наказал 44 человека, которые вместе получили 14 250 ударов. Во время учения он собственноручно бил солдат, вырывал им усы. Он не только применял жестокие наказания, но еще стремился унизить и оскорбить «провинившихся»,— например, приказывал двум шеренгам солдат становиться одна к другой лицом и плевать друг в друга. При Шварце сильно ухудшилось и материальное положение солдат: полк раньше имел свои собственные средства, получаемые от солдатских ремесленных работ и огородов, но Шварц положил конец этим «затеям».

Наконец, полк не выдержал крепостнических притеснений полкового командира. Вечером 16 октября 1820 г. головная «государева рота» Семеновского полка самовольно собралась на перекличку и принесла жалобу на полковника. Никакие уговоры не помогали. Командование гвардии оказалось лицом к лицу с невиданным в армии явлением — коллективным, организованным протестом солдат против ненавистного полкового командира. Роту обманным путем увели без оружия в манеж, там арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. Тогда возмутился весь полк: солдаты все как один человек встали за «головную роту», отказываясь выдать зачинщиков. Тогда весь полк был отправлен в крепость. Петербург увидел необычайное зрелище: семеновцы, столь знакомые населению по царским парадам, шли мрачной толпой, без оружия, по улицам Петербурга, по направлению к царской тюрьме. «Куда вы?» — спрашивали встречные.— «В крепость».— «Зачем?» — «Под арест».— «За что?» — «За Шварца» [3]. Народ толпился около манежа еще во время вывода роты, теперь же он собирался на улицах. Среди народа мелькали и боевые товарищи-гвардейцы — солдаты Московского полка. Прощаясь с семеновцами, они обнимали и целовали их. Передавали, что лейб-гренадеры, державшие караул в Петропавловской крепости, когда туда привели семеновцев, кричали: сегодня-де «очередь Шварца, а надо бы, чтобы завтра дошел черед и до их полкового командира» (Стюрлера, он будет убит

[3] См.: *Тургенев Н. И.* Указ. соч., с. 244.

во время восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади).

Не шварцы изменились — они были и раньше, изменились солдаты. Они выросли в суворовских походах, в огне Бородина, в битве под стенами Парижа; они, по наблюдению самих декабристов, уже в военные годы не были «бессмысленными орудиями»; каждый чувствовал себя призванным «участвовать в великом деле». Они росли вместе с ростом самого трудового народа, который вырывался из феодализма и оказывал все более стойкое и сознательное сопротивление тем устоям, которые казались вековым оплотом старого мира. Каразин писал в 1820 г. в своем доносе правительству: «Дух развратной вольности более и более заражает все состояния».

В возмущении Семеновского полка ярко проявился народный протест против крепостнического гнета в армии, против аракчеевского режима. Замечательным памятником этого протеста являются анонимные прокламации, которые во время возмущения семеновцев разбрасывались в соседних казармах. Прокламации содержали призыв к поддержке восставших и свидетельствовали о пробуждении народного сознания в эпоху декабристов. Одна из прокламаций обращалась с призывом о поддержке к другому гвардейскому полку — Преображенскому и ее текст поражает ясным сознанием классовой сути крепостнического строя. Все зло происходит, как утверждалось в прокламации, от дворян, подавивших «людей всякого сословия». Но подавившие всех дворяне сами по себе бессильны, их сила основана на темноте и «глупости» повинующегося им войска. Во главе угнетателей-дворян стоит тиран — царь, который есть «не кто иной, как сильный разбойник». Стоит солдатам взяться за ум — и поработители будут свергнуты. Замечательно то сознание единства угнетенной армии с порабощенным крестьянством, которым пронизана прокламация: «Хлебопашцы угнетены податьми, многие дворяне своих крестьян гонят на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли сих крестьян выключить из числа каторжных?»

Выступление Семеновского полка произвело огромное впечатление на декабристов. Солдатская масса восстала без участия революционного офицерства! Армия, значит, «готова двигаться». Значит, решать вопросы преобразования России надо путем военного выступления. Конечно,

дворянская ограниченность отчетливо сказывалась и в этом вопросе: дворянское понимание революции исключало народную инициативу и руководство движением закреплялось исключительно за революционным дворянством. Примыкающие к движению войска должны были находиться под командой революционеров-дворян. Но и это — шаг вперед в революционной тактике декабристов. Новая тактика — что очень важно,— конечно, не отрицала значения «общественного мнения». Она лишь присоединяла к нему силу военного натиска и получала возросшее могущество революционного удара на старый строй.

Надо было по-новому организовать тайное общество, разработать новую программу (в тесной связи с конституционными проектами), в корне изменить тактику и критерий отбора членов, выработать общий план открытого выступления. Съезд тайного общества собрался сейчас же — всего через два с половиной месяца после выступления Семеновского полка.

После восстания Семеновского полка открытая «проповедь» членов Союза благоденствия становилась очень опасной, нужна была глубокая конспирация. Полное крушение надежды на добрую волю императора и необходимость действовать «силою оружия» требовали новой тактики.

Братья Фонвизины, Михаил и Иван, предоставили для съезда свою московскую квартиру в Староконюшенном переулке. Они взяли на себя оповещение о съезде петербургских и московских членов, а И. Якушкин был отправлен с известием о съезде на юг — в Кишиневскую и Тульчинскую управы Союза благоденствия. Собирался «съезд уполномоченных всех отраслей Союза». Приехав в Тульчин, Якушкин сделал объявление о съезде на квартире Пестеля, где собралась Тульчинская управа. Пестеля умеренная группа на съезд не пустила, втайне боясь его «резких мнений и упорства». Его уверяли, что он, прося отпуска в Москву (поездку на съезд прикрывали служебными командировками или отпуском), нарушит конспирацию, так как ни родных в Москве, ни служебных поводов для отъезда туда у него не было. На съезд были посланы умеренные члены — Бурцов и Комаров.

Якушкин оповестил и Кишиневскую управу — ее представил на съезде Михаил Орлов.

Съезд Союза благоденствия состоялся в начале января 1821 г. на московской квартире Фонвизиных.

На съезде мнения разделились. Михаил Орлов выступил с предложением немедленного открытого военного выступления, причем инициативу его он предлагал сохранить за 16-й дивизией, командиром которой являлся. Далее он развернул проект новой тайной, крайне революционной организации огромного масштаба, которую надо создать вместо устаревшего Союза благоденствия. Предложение Орлова, как крайне решительное, не встретило поддержки съезда, и он, очень взволнованный, объявил, что порывает с обществом.

После Орлова спешно попросил слова П. Граббе для чрезвычайного заявления. Он сообщил, что о существовании тайного общества известно правительству, об обществе уже расспрашивали представители правительственного надзора, а командир гвардейского корпуса, видимо, уже имел о нем данные.

Было решено провести фиктивную ликвидацию общества и под видом его самороспуска отсеять ненадежных членов и организовать новое тайное общество.

Открытое оповещение о ликвидации Союза не терпело отлагательств, так как за Союзом могли уже следить и гроза могла разразиться с минуты на минуту. Поэтому Московский съезд прервал свои заседания и созвал общее собрание всех членов Союза благоденствия, присутствовавших тогда в Москве. Якушкин упоминает в своих «Записках», что на этом совещании присутствовали Сергей Волконский, Комаров, Петр Колошин и «многие другие». «Тургенев, как наш президент, объявил всем присутствующим, что Союз благоденствия более не существует, и изложил пред ними причины его уничтожения» [4].

О последующих совещаниях съезда с полной ясностью пишет их участник декабрист Якушкин: «Прежде всего было признано нужным изменить не только устав Союза благоденствия, но и самое устройство и самый состав Общества... В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определяться с большей точностью, нежели они были определены в уставе Союза благоденствия, и поэтому можно было надеяться, что члены, в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое и, действуя

---

[4] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 45.

единодушно, придадут новые силы Тайному обществу. Затем приступили к сочинению нового устава...»[5]

«Главная цель общества состоит в том,— показывал Якушкин на следствии,— чтобы приготовить государство к принятию представительного правления». «Чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай». Иначе говоря, «способы действия» разрешались уже по-новому; было решено действовать путем решающего революционного удара «посредством войск». Однако это была не тактика немедленного военного выступления, предлагавшегося Орловым, а действие через постепенную подготовку войск, срок же самого революционного военного выступления определен не был.

Новые программа и устав были надлежащим образом оформлены и подписаны («устав был подписан всеми присутствующими членами...»,— пишет Якушкин).

Участники съезда сговорились и о характере дальнейшего подбора членов. Московский съезд решил отсечь от движения как его колеблющуюся, нестойкую часть, так и наиболее радикальные его элементы. Не только «ненадежным» членам, но и Пестелю с его «приверженцами» объявлялось, что общество распущено. Приходится признать, что дальнейшее поведение Бурцова на юге не зависело от его произвольного решения, а было указано съездом. Во всяком случае Якушкин свидетельствует, что Бурцов поставил в известность членов съезда о своем решении не привлекать более Пестеля в тайное общество и не встретил возражений. Бурцов, по характерному выражению Якушкина, брался «привести в порядок» Тульчинскую управу. По приезде в Тульчин он сначала должен был объявить всем об уничтожении Союза благоденствия, а «вслед за тем известить всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава» и выразить надежду, что они «все к нему присоединятся под его руководством».

На этом закрылся Московский съезд 1821 г.

Но произошло еще одно событие. В квартире Фонвизиных вновь неожиданно появился Михаил Орлов. Он приехал в полном дорожном снаряжении, в «дорожной повозке», собранный к окончательному отъезду из Моск-

---

[5] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 44.

вы, приехал будто бы проститься с Фонвизиным и Якушкиным перед отъездом на юг. Но не только проститься. Орлов приехал сообщить, что о Московском съезде — именно о съезде, а не только о тайном обществе — уже известно правительству. Конечно, это было очень существенной информацией. При прощании, показав на Якушкина, Орлов сказал, поминая о своем выходе из общества: «Этот человек никогда мне не простит», на что Якушкин, пародируя письмо Брута к Цицерону, ответил ему: «Если мы успеем, Михайло Федорович, мы порадуемся вместе с вами; если же не успеем, то без вас порадуемся одни»[6]. После этих слов Михаил Орлов бросился обнимать Якушкина.

Двери тайного общества оставались, таким образом, открытыми для Михаила Орлова.

Далее мы увидим, что Михаил Орлов не прекратит своей революционной деятельности. Мы остановимся на этом ниже.

Конечно, постановления Московского съезда 1821 г. носят на себе отчетливо выраженную печать дворянской ограниченности. Она сказывается прежде всего в решении отсечь от движения наиболее радикальные элементы и в признании дееспособной лишь «средней» линии. Она выражена и в колеблющейся формуле конечной цели — борьбы за «представительный» строй без упоминания, о каком именно строе шла речь (явный шаг назад от Петербургского совещания 1820 г.).

В дальнейшем политическая форма, принятая этой линией, окажется конституционной монархией. Сказывается эта ограниченность и в резком делении будущих членов на разряды, причем низший разряд не должен знать о конечной цели.

Вместе с тем постановления Московского съезда 1821 г. имели некоторые положительные черты, которые состояли в признании необходимости решающего революционного удара, в замысле подготовить войска и действовать вооруженной силой, в отсеивании «правых», колеблющихся элементов.

Будущее развитие опрокинуло, однако, преграды умеренных постановлений и пошло дальше решений Московского съезда 1821 г.

---

[6] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 44.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВ

Подполковник Комаров вернулся в Тульчин раньше Бурцова и первый сообщил южной управе Союза благоденствия о постановлении съезда. Конечно, радикальная республиканская южная управа с Пестелем во главе постановления о ликвидации общества не признала, заявив, что съезд превысил свои полномочия. Было решено «общество продолжать». Ждали только второго делегата — подполковника Бурцова, который вез более подробные известия и письменное «объявление Коренного союза» о ликвидации общества.

Квартира Пестеля в Тульчине (маленький домик с двумя белыми колоннами у входа) стала центром, куда сходились недовольные постановлением съезда. Генерал-интендант II армии Юшневский, друг и единомышленник Пестеля, еще до приезда Бурцова развивал мысль о необходимости использовать постановление о ликвидации общества для очищения его от колеблющихся членов. Необходимо «удалить всех слабосердных»,— говорил Юшневский; «лучше их теперь от союза при сем удобном случае удалить, нежели потом с ними возиться».

Бурцов приехал в марте. Немедленно после его приезда было созвано собрание всех членов Тульчинской управы. Кабинет Пестеля, стены которого были сплошь уставлены книжными полками, стал в этот мартовский вечер местом рождения Южного общества декабристов. На собрании присутствовали Бурцов, Комаров, Пестель, Юшневский, Барятинский, Вольф, Аврамов, Ивашев и братья Крюковы. Барятинский был ближайшим другом Пестеля и ревностным членом общества; доктор Вольф был известен еще в Союзе благоденствия решительностью своих политических мнений: он «единственный не выражал опасений по поводу будущих народных восстаний, крови и междоусобий, грозивших повторением «ужасов французской революции»; полковник Аврамов не пользовался большим доверием: его считали колеблющимся человеком; живший тогда на квартире у Пестеля и еще не совсем оправившийся от болезни декабрист Ивашев был близким другом и единомышленником Пестеля. Друзьями и убежденными сторонниками Пестеля были братья Крюковы, Николай и Александр, люди, хорошо осведомленные

в политической и философской литературе своего времени.

Председательствовал Пестель, предложения которого были горячо поддержаны большинством. Он выступил с заявлением, что Московский съезд не был вправе ликвидировать общество; члены бурно выражали свое негодование по поводу привезенного постановления. Бурцов и Комаров настаивали на решении съезда и демонстративно покинули разгоряченное собрание. Но за ними не последовал никто. Линия Пестеля победила.

После их ухода Пестель произнес страстную политическую речь и «увлек всех силою своих рассуждений». Он говорил о любви к Отечеству, о высоких обязательствах, принятых на себя членами общества, призывал основать новое тайное общество. Его предложение было восторженно принято, все громко выражали свое согласие, пожимали друг другу руки. Пестель продолжал свою речь, сосредоточившись на программных вопросах. Прежде всего он остановился на вопросе о республике, подчеркнув необходимость продолжать линию совещания 1820 г., единогласно принявшего республиканское решение.

Таким образом, на первом же своем учредительном заседании Южное общество подтвердило требование республики и подчеркнуло, что тайное общество не уничтожено, действия его продолжаются: «...сим не новая цель вводилась, но старая, уже принятая, продолжалась». Вместе с тем еще раз было подтверждено требование освобождения крестьян от крепостной зависимости. Пестель поставил вопрос и о тактике военной революции — «о революционном способе действия», о «решительном ударе посредством войск». Все это было принято единогласно.

На этом собрании Пестель выдвинул и требование цареубийства. Он находил необходимой казнь бывшего монарха для закрепления республики. Царь, оставленный в живых, представлял бы, по его мнению, постоянную угрозу существованию республиканского режима, оказался бы центром, который притягивал бы монархических заговорщиков, питал бы планы реставрации. Присутствовавшие согласились с Пестелем. После него слово взял Юшневский и произнес горячую речь с призывом остаться в обществе лишь тем, кто согласен с революционным способом действий и кто не остановится ни перед чем. Кто не согласен, пусть оставит общество. Никто не заявил о

своем уходе, все решили остаться. Так возникло Южное общество декабристов.

Сейчас же вслед за первым заседанием было созвано второе, главным образом посвященное организационным вопросам. Пестель избран был председателем, Юшневский — блюстителем общества. Оба избирались и в директорию общества. Третьим членом директории был избран Никита Муравьев, радикальное республиканское выступление которого в прошлом году (1820) на съезде Коренной управы Союза было всем памятно. Главное же было в том, что Южное общество, приняв революционный способ действия «посредством войск», считало начало военных действий в столице основным требованием успеха. Власть можно было захватить лишь в столице, сломив сопротивление царизма, свергнув его. Это было ясно само собой. В частности, об этом свидетельствовал и пример испанской революции: начавшись на окраине, военное восстание с Риего и Квирога во главе, несмотря на небольшие размеры территории страны, оказывалось бессильным до тех пор, пока не вспыхнуло поддерживавшее их военное восстание в самой столице Испании — Мадриде. Именно столичное восстание и определило успех дела. В такой огромной стране, как Россия, начинать действия на окраине было бы просто бессмысленно. Таким образом, в момент зарождения Южного общества декабристов уже был принципиально решен вопрос о необходимости возникновения Северного общества. «Без Петербурга ничего нельзя сделать»,— кратко показал декабрист Василий Львович Давыдов на следствии. Начинать надо было с центра, со столицы: успех столичного выступления решал дело.

Основным вопросом, разрешенным на втором заседании общества, был вопрос о диктаторской власти избранных начальников. Строжайшая дисциплина, безусловное и немедленное повиновение избранной директории были приняты безоговорочно. Особо было указано на право каждого директора в отдельности принимать в случае неотложной необходимости решения от имени всей директории.

В связи с принятием тактики военной революции решительно изменялись и условия вступления в союз новых членов. Уже и не шла речь о привлечении представителей разных сословий. Штатский член организации

был не нужен в момент военного переворота; нужен был военный, и не вообще военный, а более всего тот, кто командует отдельной воинской частью. Новый член, естественно, был тем ценнее, чем большее количество войск находилось под его командой. «Общество имело желание как можно более начальников войск обратить к своей цели и принять в свой союз, особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет. Желало также и прочих начальников в общество приобрести, генералов, штаб-офицеров, ротных командиров»,— показывал Пестель.

После избрания директоров Южное общество разделилось на управы. Сначала их было две, позже образовались три управы. Центральной была Тульчинская управа под начальством Пестеля. Центральное значение Тульчина в жизни Южного общества объясняется тем, что там находился штаб II армии, сюда по служебным делам постоянно приезжали командиры,— приезд военного в Тульчин никого не мог удивить и не вызывал никаких подозрений. Позже была образована управа в Василькове, а затем — третья управа в Каменке. Начальниками Васильковской управы стали Сергей Муравьев-Апостол и его друг Михаил Бестужев-Рюмин. Оба были переведены в армию из восставшего в 1820 г. и расформированного Семеновского полка. Во главе Каменской управы стояли декабристы Волконский и Давыдов. Для планов военной революции чрезвычайно характерно, что Васильковская управа носила военное название «управы левого фланга», а Каменская — «управы правого фланга». Правыми и левыми флангами они были по отношению к линии наступления на Петербург.

Ближайшим делом Южного общества был прием новых членов. Общество стало быстро расти численно, принимались в него исключительно военные. Встречались в нем и отставные военные, например полковник Давыдов, герой 1812 г., хорошо известный в армии; но такие члены обычно были приняты еще в старом Союзе благоденствия, до решения о тактике военной революции. После преобразования общества некоторые отставные военные были сохранены в его составе: опытные военачальники, известные солдатам, они могли сыграть серьезную роль в будущем перевороте. Штатских членов в

Южное общество не принимали совсем, отдельные редкие исключения (прием Рынкевича, например) объясняются случайным стечением обстоятельств.

В то же время в обществе шла углубленная работа над программой и тактикой, соединенная с теоретической политико-самообразовательной работой. «Мы часто собирались вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу свои задушевные помыслы и желания, сообщали все, что могло интересовать общее дело, и натурально, нередко очень свободно, скажу более, неумеренно говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца. Разумеется, в этих соображениях первенствовал Пестель. Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия»,— писал позже Басаргин в своих «Записках». Как освободить крестьян, как разрешить аграрный вопрос, как организовать центральную власть и власть на местах, как провести самый переворот — все это были животрепещущие вопросы, подвергавшиеся постоянному обсуждению. Вопрос о ходе военного переворота имел особую конкретность для декабристов — людей военных, привыкших к детализации оперативных планов. Политическая мысль кипела в Тульчине. Даже не входившие в общество друзья декабристов замечали это оживление и прозвали жителей Тульчина и их постоянных посетителей «тульчинскими политиками».

Отметим, что среди «тульчинских политиков» царило религиозное вольнодумство. Атеистом был лишь Барятинский, остальные были сторонниками широкого деизма вольтерьянского типа. Но знакомые «тульчинских политиков» именовали их «безбожниками».

Пестель был человеком огромной одаренности, широкого и ясного ума, неотразимой логики и глубокого образования. Начальство замечало его недюжинные способности. «Удивляюсь, как Пестель занимается шагистикой, тогда как этой умной голове только и быть министром, посланником»,— говорил о нем корпусной командир Рудзевич. Пестеля отличали известная властность, непримиримость, честолюбие, подчас сознание своего превосходства над противником. Но Пестель был окружен любовью и преданностью товарищей и сам платил им тем же. Больного Ивашева он перевез к себе на квартиру и ухаживал за ним, «как за братом».

Декабрист Н. И. Лорер так описал внешность Пестеля в момент первой встречи с ним: «Пестель был небольшого роста, брюнет, с черными, беглыми, но приятными глазами. Он и тогда и теперь, при воспоминании о нем, очень много напоминает мне Наполеона I. На нем был длинный широкий армейский сюртук с красным воротником, штаб-офицерскими, почерневшими эполетами...» [1]

Александр I относился к Пестелю настороженно и недоброжелательно: подозревая его в политическом вольнодумстве, он тормозил его производство в полковники. А получение Пестелем полка было необходимейшим условием военного выступления, и глава Южного общества всеми силами добивался назначения полковым командиром. После блестяще выполненного Пестелем поручения по секретному сбору сведений о греческом восстании Александр I утвердил его назначение. Таким образом, с точки зрения планов военной революции 1 ноября 1821 г. в жизни тайного общества произошло значительное событие: Пестель был произведен в полковники и через две недели, 15 ноября 1821 г., назначен командиром Вятского пехотного полка. Под начальством члена тайного общества оказались реальные военные силы. В то же время получили непосредственные командные посты и другие члены тайного общества. Не успевшие получить под свою команду военные части усиленно хлопотали о них. Друг Пестеля Барятинский, состоявший при штабе, настойчиво просил, чтобы ему поручили создание учебного кавалерийского эскадрона.

Организацию Северного общества сначала задержал приказ 1821 г. о выводе гвардии из Петербурга на зимовку «в Литву» (точнее, в Минскую и Витебскую губернии). Это была одна из «предупредительных мер правительства» по борьбе с развитием «вольного духа» в гвардии. Надо было проветрить головы вольнодумцев после семеновских волнений. Александр I, вероятно, предполагал, что вольный дух этот повыветрится в обстановке дальнего похода, повышенных требований дисциплины, разрыва привычных столичных связей и походной жизни.

Никита Муравьев — в то время поручик Гвардейского генерального штаба — с осени 1821 г. находился в гвар-

---

[1] Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, с. 70.

дейском походе. После Московского съезда и до «похода в Литву» он успел переговорить с Николаем Тургеневым в Петербурге о создании нового тайного общества. Знал Никита Муравьев и о том, что Южное общество выбрало его в состав директории. Имело место и несколько «совещаний» об «устроении общества»,— очевидно, в марте — апреле 1821 г.

Северное общество возникло на первых порах в виде двух сосуществующих групп: первая — группа Никиты Муравьева, который написал свой проект программы и устава нового тайного общества в духе более радикальном, чем постановления Московского съезда 1821 г.,— он подал тут руку южной, тульчинской, организации с Пестелем во главе; второй была группа Николая Тургенева, опиравшегося на членов общества в Измайловском полку, она была солидарна с программой Московского съезда.

Но в скором времени внезапные события потрясли всех членов тайного общества и на юге, и на севере. В следующем же, 1822 г. правительственные репрессии обрушились на одну из самых активных управ Союза благоденствия — на Кишиневское отделение тайного общества, возглавленное Михаилом Орловым. Произошел первый арест члена тайной организации.

Мы помним, что Орлов объявил на Московском съезде 1821 г., что выходит из тайного общества, поскольку съезд не принял его проекта немедленного начала революционных действий. Но он вскоре же вернулся предупредить тайное общество о том, что оно открыто правительством и что даже о только что закрывшемся Московском съезде уже донесено властям. Прощальный разговор его с Якушкиным все же возродил надежды, что Орлов вернется в организацию. Но теперь над Кишиневской управой нависла прямая опасность. Михаил Орлов оказался под ударом. Был арестован член тайной организации Владимир Раевский, активнейший член тайного общества, друг и первый помощник Михаила Орлова.

РАЗГРОМ КИШИНЕВСКОЙ УПРАВЫ

Владимир Раевский — один из самых выдающихся декабристов. Получив образование в Московском университетском благородном пансионе, затем в кадетском корпусе, он еще на школьной скамье мечтал о создании тайного общества и революционных преобразованиях.

В следственных материалах по делу майора Вл. Раевского находятся два замечательных документа — две его записки: «О рабстве крестьян» и «О солдате».

Владимир Раевский страстно и смело разоблачал основное зло России: «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа оного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков? Не из источника ли грубого, неистового невежества злодейского, скотских страстей и бесчеловечья?» [1]

«Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, чт
он вспоен слезами и кровавым пóтом своих подданны
что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохо
сих несчастных, что элемент его есть корысть и бесчу
ствие. Предки наши, свободные предки, с ужасом взглян
ли бы на презрительное состояние своих потомков. О
в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что ру
ские сделались рабами, и мы, чье имя и власть от непри
ступного Северного полюса до берегов Дуная, от мор
Балтийского до Каспийского дает бесчисленным племенам и народам законы и права, мы, внутри самого нашего величия не видим своего унижения в рабстве народном». Так горячо и убежденно, с радищевской силой разоблачал Раевский крепостное право.

«Дворянство русское, погрязшее в роскоши, разврате, бездействии и самовластии, не требует перемен, с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами. Граждане! Тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар!» Это — речь революционного трибуна.

В беседах с солдатами Владимир Раевский выражал сочувствие Семеновскому полку, сожалея, что не был

---

[1] *Базанов В.* Владимир Федосеевич Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949, с. 22.

А. Н. МУРАВЬЕВ (до 1818 г.)

С. П. ТРУБЕЦКОЙ (1819—1822 гг.)

И. Д. ЯКУШКИН (1816 г.)

Н. М. МУРАВЬЕВ (1824 г.)

2* Заказ. 2191

Уставъ

Союза Благоденствія

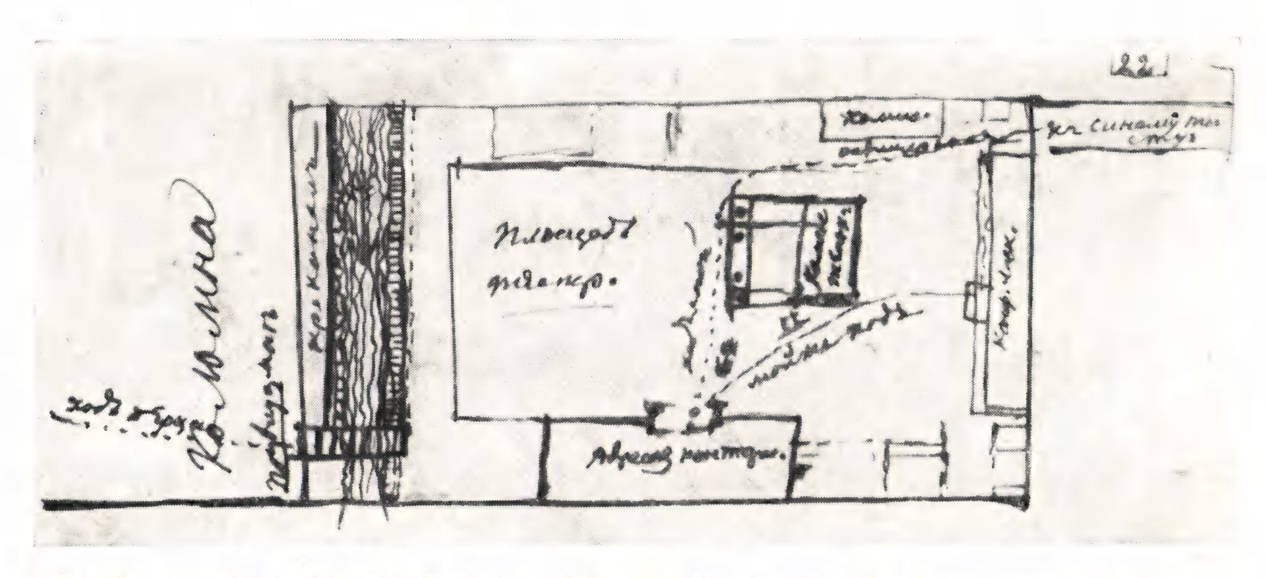
или

Зеленая книга.

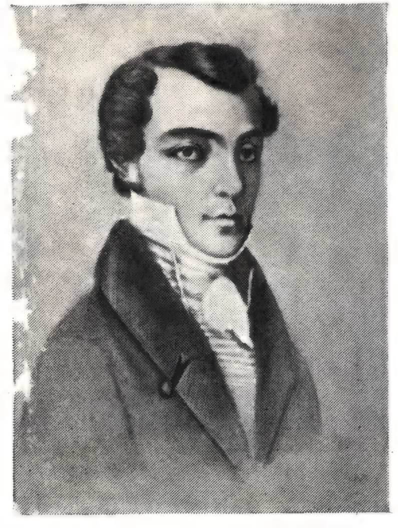
Титульный лист Устава Союза благоденствия — «Зеленой книги»

Лист записной книжки друга Пестеля — декабриста Крюкова 2-го. На рисунке изображен вулкан (Везувий) — символ Неаполитанской революции 1820 г. (ср. у Пушкина: «Волкан Неаполя пылал»)

План местонахождения дома на Театральной площади в Петербурге (составленный Ф. Глинкой), где в 1820 г. состоялось совещание Коренной управы Союза благоденствия, единогласно голосовавшее за республику

К. Ф. РЫЛЕЕВ
(первая половина 1820-х годов)

В. И. ШТЕЙНГЕЛЬ (1823 г.)

[illegible] БУЛАТОВ в молодости
(1[illegible]0-е годы)

Г. С. БАТЕНЬКОВ (1822 г.)

«Так будет же республика!»
(Выступление П. И. Пестеля на собрании Северного общества в Петербурге в 1824 г.) С рис. К. Гольдштейна

Собрание декабристов у Рылеева накануне восстания. С рис. Д. Н. Кардовского

П. Г. КАХОВСКИЙ
(первая половина 1820-х годов)

А. А. БЕСТУЖЕВ (1828 г.)

Н. А. БЕСТУЖЕВ (1825 г.)

Е. П. ОБОЛЕНСКИЙ (1826 г.)

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. С картины Р. Р. Френца

А. Н. СУТГОФ (1839 г.)

А. П. АРБУЗОВ (1830-е годы)

М. А. БЕСТУЖЕВ
(не позже 1830-х годов)

Н. А. ПАНОВ (1839 г.)

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ (1819 г.)

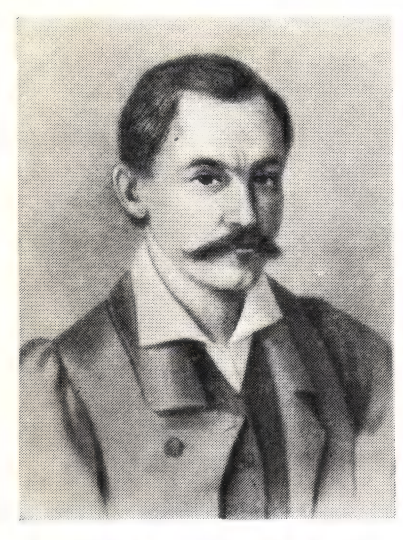
М. П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН на допросе. Рис. А. А. Ивановского (1826 г.)

М. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ (1827 г.)

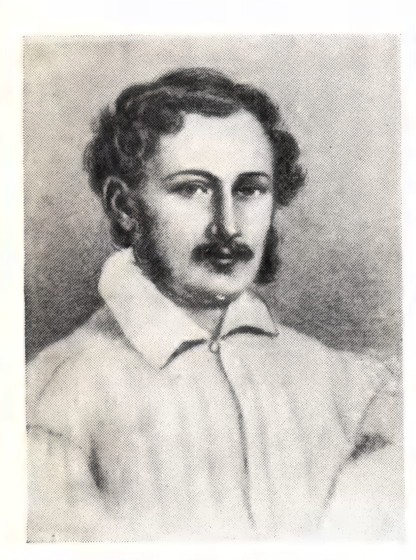
П. И. БОРИСОВ (после 1825 г.)

М. С. ЛУНИН (после 1825 г.)

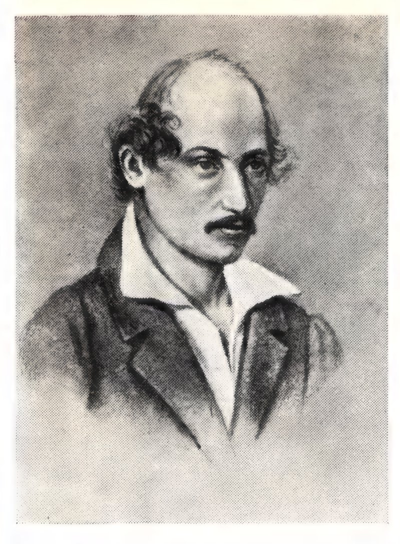
А. И. ОДОЕВСКИЙ (после 1825 г.)

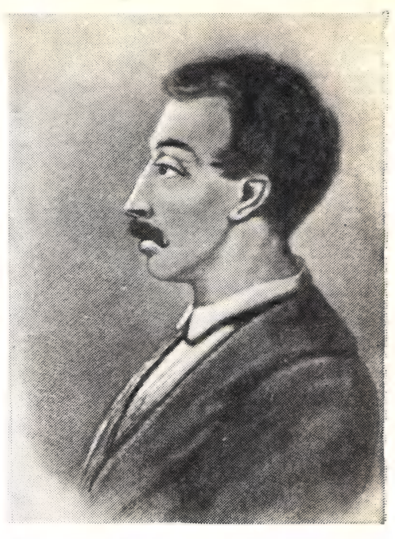
Д. А. ЩЕПИН-РОСТОВСКИЙ (после 1825 г.)

И. И. ПУЩИН (1825 г.)

М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР
(после 1825 г.)

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР
(после 1825 г.)

А. И. ЯКУБОВИЧ (после 1825 г.)

А. П. БЕЛЯЕВ (после 1825 г.)

Обложка журнала А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Полярная звезда» с профилями пяти казненных декабристов (грав. В. Линтон)

тогда в столице. Недавние волнения в военных поселениях и неспокойное их состояние обосновывали его предложение двинуться «за Днестр» и уверенность, что все может запылать от одной «искры». Во всех произведениях Вл. Раевского чувствуется глубокая уверенность, что пришло время действовать, что медлить нельзя.

Кишиневская управа Союза благоденствия, которой руководил генерал-майор М. Ф. Орлов, представляет большой интерес для историка декабристов. Это — одна из самых активных, живущих напряженной жизнью организаций тайного общества, деятельно готовившаяся к выступлению. Она раньше других повела пропаганду среди солдат, причем преследовала определенную цель — подготовку военного выступления. Ей принадлежат и такие наиболее ранние агитационные документы декабристов, как записка Вл. Раевского «О солдате». Вместе с Михаилом Орловым работали такие выдающиеся члены тайного общества, как Владимир Федосеевич Раевский, генерал Павел Сергеевич Пущин, адъютант Орлова ротмистр К. А. Охотников, полковник А. Г. Непенин и ряд других. В тесном общении и дружбе с ними был находившийся в то время в Кишиневе в политической ссылке А. С. Пушкин, член масонской ложи «Овидий», возглавленной генералом П. С. Пущиным.

Мысль о военном выступлении нашла себе наиболее раннее и последовательное применение в Кишиневской управе. Видимо, раньше других пришел к ней генерал-майор М. Ф. Орлов — опытный военачальник, властный организатор, человек большой культуры и широкого кругозора, а вместе с тем и выдающейся личной храбрости. Михаил Орлов, внебрачный сын графа Федора Григорьевича Орлова (младшего брата екатерининских Орловых), родился в 1788 г. и был позже узаконен особым царским указом. Получив воспитание у иезуитов, в одном из лучших аристократических пансионов аббата Николя, Орлов поступил в кавалергардский полк и быстро выдвинулся по службе. Войну 1812 г. он начал в чине штабс-ротмистра и был назначен флигель-адъютантом Александра I. Император относился к нему весьма благосклонно, давал ответственные поручения (в их числе было заключение договора о сдаче Парижа союзным войскам). Вскоре Орлов был послан в Данию, Норвегию и Швецию с ответственным дипломатическим поручением — мирным путем

добиться реализации Кильского трактата 1814 г., согласно которому Норвегия была уступлена Данией Швеции и должна была присоединиться к последней.

Декабрист Н. Тургенев рассказывал потом, что, приехав в Норвегию, Орлов увидел, что «дело норвежцев, восставших против присоединения их отечества к Швеции, справедливо и достойно уважения, и сообразовал с этим свое поведение». И. Д. Якушкин свидетельствовал, со своей стороны, что, попав в Норвегию, Михаил Орлов «сблизился с тамошними либералами и действовал не согласно с данными ему предписаниями»[2]. После попыток подать царю петицию об уничтожении в России крепостного права Орлов окончательно оказался на подозрении у царского правительства. Известно было и о его выступлении в 1817 г. в литературном обществе «Арзамас» (членом которого был и А. С. Пушкин). Михаил Орлов призывал членов общества к широкой политической пропаганде.

Перевод на юг, в армию был чем-то вроде почетной ссылки. Два года Орлов прожил в Киеве, занимая должность начальника штаба при 4-м корпусе, которым в то время командовал Н. Н. Раевский. В 1820 г. Орлов получил командование 16-й дивизией, переехал в Кишинев и быстро стал центром притяжения для политических вольнодумцев. «Прискорбно казалось не быть принятым в его доме, а чтобы являться в нем, надобно было более или менее разделять мнение хозяина... Два демагога, два изувера, адъютант [К. А.] Охотников и майор [В. Ф.] Раевский с жаром витийствовали. Тут был и Липранди... На беду попался тут и Пушкин, которого сама судьба совала в среду недовольных. Семь или восемь молодых офицеров Генерального штаба известных фамилий, воспитанников московской муравьевской школы... с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут западный либерализм. Перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти... Все это говорилось, все это делалось при свете солнечном, в виду целой Бессарабии»[3],— писал в своих злобных записках реак-

---

[2] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 38.
[3] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928, т. 2, с. 211—212.

ционер Ф. Ф. Вигель. Планы греческого военного переворота и планы военного выступления в России обсуждались в одном и том же месте — в доме Михаила Орлова.

Военный переворот опирается на восставшую массу солдат. Михаил Орлов, любимый в армии, стал организовывать пропаганду. Замечательны его приказы по полку. В первом приказе от 3 августа 1820 г. он обращает внимание на частые побеги солдат и для прекращения их требует от командного состава полка отказа от «дисциплины, основанной на побоях». «Я почитаю великим злодеем того офицера, который, следуя внушению слепой ярости, без осмотрительности, без предварительного обличения, часто без нужды и даже без причины употребляет вверенную ему власть на истязание солдат». Приказ этот велено было прочесть в каждой роте, и «буде рота рассеяна по разным квартирам, то сделать общий объезд оным». В армии того времени такой приказ был неслыханным новшеством. 6 января 1822 г. (много позже семеновского восстания, не испугавшего Михаила Орлова) он подписал еще более решительный приказ — отдать под суд некоторых жестоких в обращении с солдатами офицеров дивизии. «В Охотском пехотном полку гг. майор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания». В этом же приказе приносилась благодарность нижним чинам за прекращение побегов.

Одновременно в «орловщине» — так называли 16-ю дивизию настороженные недоброжелатели — велась усиленная агитационная работа среди солдат и юнкеров посредством ланкастерских школ. Душой этой агитации был друг Орлова майор Владимир Федосеевич Раевский, принятый в Союз благоденствия в марте 1820 г.

В прописи, составленной для солдат, Раевский вставлял слова, связанные с революцией, рассказывал о перевороте в Испании. В поданном царю докладе по делу Раевского говорилось: «Для обучения солдат и юнкеров вместо данных от начальства печатных литографических

прописей и разных учебных книг Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова «свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо».

На следствии было показано, что В. Ф. Раевский говорил: «Между солдатами и офицерами не должно быть различия, а равенство должно быть, потому что природа создала нас одинаковыми... кто дал вам право наказывать солдат? Они такие же люди, как и мы».

Капитан Надежный показал, что «во время происшествий италианских неоднократно видел... как Раевский при чтении журналов в квартире аудитора Круглова восхищался и изъявлял желание, чтобы такие новости завести и в России». В вытребованных Следственной комиссией «географических» тетрадках ланкастерской школы значилось: «Конституционное правление есть то, где народ под властью короля или без короля управляется теми постановлениями и законами, кои он сам себе назначил, и представители от народа охраняют святость своих законов. Это правление есть самое лучшее, новейшее». Раевский не скрывал своего сочувствия семеновскому восстанию: сейчас же после него он говорил публично: «Семеновцы — молодцы!», «Жаль, что меня там не было, я бы их поддержал». Своих солдат он призывал с оружием в руках идти «за Днестр». Раевский пользовался огромной популярностью среди солдат. Вся его агитация была явно направлена к подготовке военного выступления.

Записка Раевского «О солдате» — замечательный документ революционной мысли декабристов. «Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых бóльшая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно?». Солдат «клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученья и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная!! Пожертвование, кажется, невозможное!»

Побеги солдат из царской армии Раевский находил «извинительными», поведение жестоких начальников — «беззаконным насилием», а самих начальников — «тиранами» солдат.

В записке скрыто проведена мысль, что правильным выходом из тяжелого положения является вооруженная борьба, восстание.

Важно отметить, что Тульчинская управа находилась в постоянных сношениях с Кишиневской. В ноябре 1820 г. Раевский писал своему другу Охотникову: «Я не был в Одессе, не получал ниоткуда никаких известий и сам прекратил со всеми переписку, ибо на два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у моря жду погоды!» [4]

Пестель не менее трех раз приезжал в Кишинев, виделся с Михаилом Орловым. Как раз в год основания Южного общества с Пестелем несколько раз виделся Пушкин. Он оставил 9 апреля 1821 г. такую запись в своем кишиневском дневнике: «Утро провел с Пестелем: умный человек во всем смысле этого слова: «Mon coeur est matérialiste, mais ma raizon s'y refuse». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю» [5].

Как настойчиво думала о военном выступлении Кишиневская управа, видно и из материалов, касающихся пребывания Пушкина в Кишиневе, а также из его стихов этого времени. Генерала П. С. Пущина, находившегося в дружеских отношениях с Пушкиным, прочили в русские Квироги. Пушкин писал о нем:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога.
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квирога.

В своем дневнике князь П. Долгоруков (не декабрист), нередко встречавшийся в Кишиневе с поэтом, свидетельствует о частых посещениях Пушкиным Орлова и генерала Пущина. Он ярко характеризует враждебные ему атмосферу вольнодумства и темы их политических разговоров. Одна из записей дневника гласит: «За столом у наместника [Инзова] Пушкин, составляя, так сказать, душу нашего собрания, рассказывал по обыкновению разные анекдоты, потом начал рассуждать о

---

[4] Красный архив, 1925, т. 6(13), с. 302.

[5] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1936, т. 6, с. 393. Пушкин передает здесь по-французски слова Пестеля: «Сердце мое за материализм, но разум мой от этого отказывается».

Наполеонове походе, о тогдашних политических переворотах в Европе и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король неаполитанский воюет с народом, прусский воюет с народом, гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов перервал его, повернув разговор на другие предметы». Этот расчет на успех западноевропейского движения связывался с резкой критикой крепостнической России. «Наместник ездил сегодня на охоту с ружьем и собакою. В отсутствие его накрыт был стол для домашних, за которым и я обедал с Пушкиным. Сей последний, видя себя на просторе, начал с любимого своего текста о правительстве в России. Охота взяла переводчика Смирнова спорить с ним, и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» [6].

Хотя Михаил Орлов и уехал из Москвы, заявив о своем выходе из организации, но все же не порвал связей с декабристами. Он был непосредственно оповещен ими, что закрытие организации фиктивно и что под прикрытием этого постановления возникнет новая форма тайного общества. В силу всего этого приобретает особую важность вопрос: существовала ли кишиневская организация после Московского съезда или она распалась в связи с выходом из Союза благоденствия Михаила Орлова?

Она, несомненно, существовала. Это доказывается многочисленными фактами, связанными с делом «первого декабриста» Владимира Раевского. Важнейшие документы программного значения — записки Вл. Раевского — датируются временем после Московского съезда. Записка «О солдате» относится к январю 1822 г., записка «О раб-

---

[6] *Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья.— В кн.: Звенья. М., 1951, т. 9, с. 88, 99—100.

стве крестьян» писалась с июля 1821 г. по февраль 1822 г. Знаменитый революционный приказ Михаила Орлова по 16-й дивизии, отдающий под суд майора Вержейского, капитана Гимбута и прапорщика Понаревского за жестокое обращение с солдатами, также датируется 6 января 1822 г. Активная и планомерная агитационная деятельность Вл. Раевского и Охотникова в ланкастерских школах относится к периоду с весны 1821 г. до времени ареста Раевского (6 февраля 1822 г.).

После Московского съезда слежка за подозрительными элементами еще более усилилась. В Коренном совете Союза благоденствия оказался предатель — М. К. Грибовский, который написал правительству подробнейший донос о тайном обществе. В мае 1821 г. этот донос А. Х. Бенкендорф, будущий шеф жандармов, передал Александру I. По-видимому, вместе с доносом была передана императору и первая часть «Зеленой книги», которую тот по прочтении дал для ознакомления цесаревичу Константину (тот даже возил ее в Варшаву). Но судебного дела не последовало по той причине, что факт продолжения деятельности тайного общества после Московского съезда 1821 г. остался неизвестным доносчику; он сообщил об обществе как о ликвидировавшемся и добавил, что «при судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем обществе: бумаги оного истреблены и каждый для спасения своего станет запираться». Правительство Александра I воздержалось от судебного следствия, но усилило наблюдение за названными в доносе людьми. Среди них было имя Михаила Орлова. Шпионы внимательно следили за ним, и случай, который можно было использовать как повод для отстранения его от командования, скоро представился. Случай этот был для царского правительства чрезвычайно тревожным: солдатская масса начала заявлять о своих правах, проявлять инициативу и оказывать сопротивление начальству. В декабре 1821 г. в одной из рот Камчатского полка, входившего в состав 16-й дивизии, произошли волнения. Полк был расквартирован около Кишинева. При сборе полка на инспекторский смотр одна из рот полка остановилась в десяти верстах от города; подошло время получать провиант; артельщик роты, получив ассигновку, отправился в город и, так как людей кормили на квартирах, продал провиант, как это и полагалось делать в таких случаях. Возвратясь в

деревню, он не явился к капитану — командиру роты, так как хотел всю вырученную сумму полностью сохранить для солдат. «Экономические деньги» за провиант полагалось частью раздавать на руки, частью причислять в артельные суммы; ротные же командиры обычно пользовались этими деньгами для себя, что вызывало ропот солдат. Капитан узнал, что артельщик вернулся, послал за ним и потребовал деньги, но тот объявил ему, что «рота не приказала отдавать ему, а распределила их по капральствам». Возмущенный капитан велел приготовить палки, но когда вестовые вывели артельщика для наказания, солдаты ворвались во двор и потребовали отмены наказания. Капитан отказался выполнить их требование; тогда солдаты закричали, что наказывать не дадут, так как «артельщик исполнил их приказание», вырвали у вестовых палки, переломали их, а артельщика увели с собой. Испуганный событиями капитан через своего денщика «представил роте, что может ожидать ее, когда все это огласится». Последствием было «примирение» капитана с ротой. Прошло дней десять. На инспекторском смотре случай этот стал известен Орлову. Расследование его Орлов поручил бригадному командиру П. С. Пущину, а сам уехал в Киев. «Грядущий Квирога» не торопился с расследованием. Между тем события в полку стали известны высшему начальству, в Кишинев нагрянул корпусный командир Сабанеев и стал производить расследование. Примечательна та быстрота, с которой начальство связало происшествия в Камчатском полку с пропагандой Раевского в армии через ланкастерские школы: очевидно, сведения о пропаганде уже давно были в распоряжении начальства.

Неоценимую услугу Южному обществу оказал в то время А. С. Пушкин. Он жил на квартире наместника Бессарабии Инзова, и ему удалось подслушать разговор Инзова с корпусным командиром Сабанеевым о готовящемся аресте Владимира Раевского. Пушкин тайно предупредил своего друга, и тот успел уничтожить многие компрометирующие бумаги. 6 февраля 1822 г. Раевского арестовали по обвинению в пропаганде среди солдат.

Этот арест мог бы привести к провалу всей организации, но этого не случилось. Раевский проявил удивительную стойкость: заключенный в тюрьму, подвергавшийся при производстве судебного дела «не только строгим, но

и жестоким средствам», он все же не выдал никого.

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу свою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил,—

писал Раевский из тюрьмы товарищам.

Четыре года он провел в тюрьме под угрозой смертного приговора, прошел через пять военно-судебных комиссий и только после восстания 1825 г. следствие по делу декабристов начало выяснять его роль в тайном обществе. Лишь в 1827 г., через два года после восстания, дело его было закончено. Он был лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь на поселение (в село Олонки близ Иркутска).

Следствие над солдатами Камчатского полка было спешно закончено, и 20 февраля 1822 г.— через две недели после ареста Раевского — в Кишиневе была произведена расправа. Описание ее мы находим в дневнике П. Долгорукова, очевидца казни: «У Аккерманского въезда против манежа... происходила торговая казнь. Секли кнутом четырех солдат Камчатского полка. Они жаловались Орлову на своего капитана, мучившего всю роту нещадно, и сами, наконец, уставши терпеть его тиранство, вырвали прутья, коими он собирался наказывать их товарищей. Вот, как говорят, вся их вина... При собрании всего находящегося налицо здесь войска, тысяч около двух, прочитали преступникам при звуке труб и литавр сентенцию военную, вследствие коей дали первому 81, а прочим трем по 71 удару... При мне сняли с плахи первого солдата, едва дышащего, и хотели накрыть военною шинелью. Всякий понесший уже наказание преступник вселяет сожаление, но полковой командир Соловкин закричал: «Смерть военная, не надобно шинели, пусть в одной везут рубахе». На другом конце солдат простой не мог быть равнодушным зрителем. Он упал, и его вынесли за фрунт». В дневнике есть примечание, что первый из наказанных солдат и еще один его товарищ «через двое суток померли» [7].

Понятно, как накалялась в подобной атмосфере ненависть солдат к начальству и как зрели в этой атмосфере

[7] *Долгоруков П. И.* Указ. соч., с. 43—44.

планы военного переворота, разрабатываемые декабристами.

Орлов был отставлен от командования дивизией,— это был, после ареста Раевского, второй сильнейший удар для тайного общества. Орлов требовал формального суда, дело его затянулось и кончилось лишь 18 апреля 1823 г. приказом «состоять по армии», т. е. он был отстранен от дел и оказался под полицейским надзором.

Таким образом, первый год существования Южного общества прошел тревожно. После ареста Раевского общество было на волосок от гибели. Можно было каждую минуту ожидать ареста членов тайного общества и провала всей организации. Однако и в этой трудной обстановке южные декабристы провели большую работу.

«РУССКАЯ ПРАВДА» П. И. ПЕСТЕЛЯ

Уже говорилось о том, какое большое значение придавали декабристы созданию конституционных проектов. Глава Южного общества П. И. Пестель годами трудился над проектом своей конституции. Ее вопросы и предложенные им решения неоднократно обсуждались в Южном обществе. В чем же она состояла?

Пестель был сторонником диктатуры Временного верховного правления во время революции, считал диктатуру решающим условием успеха. Диктатура, по его предположениям, должна была длиться 10—15 лет. Его конституционный проект «Русская Правда» был наказом Временному верховному правлению, облеченному диктаторской властью. Полное название этого проекта гласит: «Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая заветом для усовершенствования Государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления».

Конституционный проект Пестеля «Русская Правда» был плодом длительного и упорного труда. Пестель получил блестящее образование и, по собственному признанию, «особенную имел склонность к политическим наукам», «пристрастился к ним». Работа Пестеля над конституционным проектом длилась почти десять лет.

Пестель собрал у себя обширную политическую литературу. Его конституционный проект показывал, что он был в курсе движения политической мысли своего времени. Друг Пестеля, секретарь Южного общества Н. И. Лорер вспоминает: «Квартиру он [Пестель] занимал очень простую,— на площади, против экзерцицгауза,— и во всю длину его немногих комнат тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще ученого содержания, и всевозможные конституции. Не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку, на многих иностранных языках».

Конституционный проект Пестеля не только многократно обсуждался на заседаниях и съездах руководителей Южного общества, но и к самой работе над текстом проекта привлекались отдельные члены общества. Юшневский признавался на следствии, что он кое-где «переправлял слог» «Русской Правды», но, очевидно, речь шла не только о стиле в узком смысле слова, но и о содержании; вносили свои поправки и другие декабристы; отдельную главу было поручено писать Сергею Муравьеву-Апостолу. На Киевском съезде 1823 г. основные положения «Русской Правды» были обсуждены и единогласно приняты руководителями Южного общества. Таким образом, «Русская Правда», представляя собой плод огромного личного труда Пестеля, в то же время является идейным памятником целой революционной организации, обсужденным и принятым единогласно. Это — крупнейший памятник революционного прошлого первой четверти XIX в.[1]

Свой проект Пестель назвал «Русской Правдой» в память древнего законодательного памятника Киевской Руси. Он хотел этим названием почтить национальные традиции и подчеркнуть связь будущей революции с историческим прошлым русского народа. Название это он дал своему проекту лишь в 1824 г., раньше проект не имел названия.

«Русская Правда» согрета глубокой любовью к Родине, которую Пестель ценит превыше всего. «Любовь к Отечеству — сей источник всех государственных добродетелей и сия сильнейшая подпора существования и благо-

[1] «Русская Правда» П. И. Пестеля опубликована в 7-м томе документального издания «Восстание декабристов».

денствия царств»,— писал он в одном из ранних набросков своего конституционного проекта.

Пестель придавал большое тактическое значение «Русской Правде». Революцию нельзя было, по его мнению, успешно совершить без готового конституционного проекта. Понятно, что по мере приближения срока, назначенного для восстания (сроки эти часто менялись), все острее чувствовалась необходимость в скорейшем окончании «Русской Правды»; «от меня часто требовали ею поспешить»,— показывал Пестель на следствии.

Особенно тщательно разработал Пестель мысль о Временном верховном революционном правлении, диктатура которого, по Пестелю, была оплотом от «ужасов безначалия» и «народных междуусобий», которых он хотел избежать. Декабристы называли этот период «роковым временем». Немедленное установление диктатуры Временного правительства после переворота и наличие готового «верного наказа» Временному верховному правлению — «Русской Правды» обеспечивало, по мнению Пестеля, нужный ход событий в самое опасное для революции время — с момента революционного военного выступления до момента установления республики и введения в действие новых революционных учреждений.

«Русская Правда»,— писал Пестель в своем конституционном проекте,— есть наказ или наставление Временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может... Она содержит обязанности, на верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что Временное правление единственно ко благу Отечества действовать будет. Недостаток в таковой грамоте ввергнул многие государства в ужаснейшие бедствия и междоусобия, потому что в оных правительство действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам, не имея перед собою ясного и полного наставления, коим бы обязано было руководствоваться, и что народ между тем никогда не знал, что для него предпринимают, никогда не видел ясным образом, к какой цели стремятся действия правительства...»

В «Русской Правде» намечалось 10 глав: первая глава — о границах государства; вторая — о различных племенах, Российское государство населяющих; третья — о

сословиях государства; четвертая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него политическому или общественному состоянию»; пятая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него гражданскому или частному состоянию»; шестая — об устройстве и образовании верховной власти; седьмая — об устройстве и образовании местной власти; восьмая — об «устройстве безопасности» в государстве; девятая — «о правительстве в отношении к устройству благосостояния в государстве»; десятая — наказ для составления государственного свода законов. Кроме того, в «Русской Правде» имелось введение, говорившее об основных понятиях конституции, и краткое заключение, содержавшее «главнейшие определения и постановления, Русскою Правдою учиненные».

По свидетельству Пестеля, написаны и окончательно отделаны были лишь две первые главы и большая часть третьей, четвертая и пятая главы были написаны начерно, а последние пять глав вовсе написаны не были, материал к ним остался лишь в виде черновых подготовительных отрывков. Поэтому приходится привлекать добавочный материал, для того чтобы составить представление о конституционном проекте Пестеля в целом: показания о «Русской Правде», данные Пестелем и другими членами тайного общества на следствии, а также краткое изложение основных начал «Русской Правды», продиктованное Пестелем декабристу Бестужеву-Рюмину; последнее называется «Государственным заветом» и сохранилось в следственном деле члена Общества соединенных славян Шимкова [2].

Разберем прежде всего вопрос о том, как разрешался в проекте Пестеля вопрос о крепостном праве, а затем перейдем к вопросу об уничтожении самодержавия. Это два основных вопроса политической идеологии декабристов.

---

[2] Надо отметить, что рукопись «Русской Правды» представляет собой сложное собрание разновременных редакций конституционного проекта, своеобразных напластований текста, из которых некоторые отрывки относятся к первоначальным наброскам, а другие — к более поздним редакциям. Нередко одна и та же тема дается в «Русской Правде» в разновременных редакциях, отличающихся по существу одна от другой.

Проект Пестеля провозглашал решительное и коренное уничтожение крепостного права. Страницы, посвященные крепостному праву, написаны страстно негодующим человеком. Пестель со жгучей ненавистью говорил о «рабстве крестьян». Он объявлял, что крепостное право «есть дело постыдное, противное человечеству», «рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Пестель подчеркивал, что отмена крепостного права — первое и главное дело Временного верховного правления: «Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление яко священнейшая и непременнейшая его обязанность». Если найдется среди дворян такой «изверг», который будет противиться мероприятиям Верховного правления по отмене крепостного права, надо «таковего злодея безизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть строжайшему наказанию яко врага Отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского».

Пестель чрезвычайно высоко ценил личную свободу человека. Будущая Россия, по Пестелю, — это общество прежде всего лично свободных людей. «Личная свобода,— говорится в «Русской Правде»,— есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия».

Освобождение крестьян без земли, т. е. предоставление им только личной свободы, Пестель считал совершенно неприемлемым. Он полагал, например, что освобождение крестьян в Прибалтике, при котором они не получили земли, есть лишь «мнимое» освобождение.

Пестель стоял за освобождение крестьян с землей. Его аграрный проект подробно разработан в «Русской Правде» и представляет значительный интерес.

В своем аграрном проекте Пестель смело объединил два противоречивых принципа: с одной стороны, он признавал правильным, что «земля есть собственность всего рода человеческого», а не частных лиц и поэтому не может быть частной собственностью, ибо «человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать», следовательно, земля — общее достояние всего рода

человеческого. Но, с другой стороны, он признавал, что «труды и работы суть источники собственности» и тот, кто землю удобрил и обработал, имеет право владеть землей на основе частной собственности, тем более что для процветания хлебопашества «нужно много издержек», и их согласится сделать только тот, который «в полной своей собственности землю иметь будет». Признав за правильные оба противоречивых положения, Пестель положил в основу своего аграрного проекта требование разделения земель пополам и признания каждого из этих принципов лишь в одной из половин разделенной земли.

Вся обрабатываемая земля в каждой волости (так предполагалось называть наиболее мелкое административное подразделение будущего революционного государства) по проекту Пестеля делится на две части: первая часть является общественной собственностью, ее нельзя ни продавать, ни покупать, она идет в общинный раздел между желающими заниматься земледелием и предназначена для производства «необходимого продукта»; вторая часть земли является частной собственностью, ее можно продавать и покупать, она предназначена для производства «изобилия». Часть общинная, предназначенная для производства необходимого продукта, делится между волостными общинами.

Каждый гражданин будущей республики обязательно должен быть приписан к одной из волостей и имеет право в любое время безвозмездно получить причитающийся ему земельный надел и обрабатывать его. Это положение должно было, по мнению Пестеля, гарантировать граждан будущей республики от нищенства, голода, пауперизма. «Каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не оставаясь в их зависимости, но от трудов, кои приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей яко члену волостного общества наравне с прочими гражданами. Где бы он ни странствовал, где бы счастия ни искал, но все же в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может». Волостная земля — общинная земля. Крестьянин или вообще любой

гражданин в государстве, получивший земельный надел, владеет им на общинном праве, не может ни дарить его, ни продавать, ни закладывать.

Вторая часть волостных земель, предназначенная для производства «изобилия», находится в частной собственности, частью же может принадлежать и государству. Лишь эти земли могут покупаться и продаваться. Казенная доля этой земли также может быть продана: «Казна является в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому продавать казенные земли право имеет». Каждый россиянин, желающий расширить свое земельное хозяйство, может прикупить землю из этой второй части земельного фонда.

Для осуществления своего аграрного проекта Пестель считал необходимым отчуждение помещичьей земли при частичной ее конфискации. Иначе его проект и не мог быть осуществлен: ведь в каждой волости надо было отдать во владение крестьян половину земли, эта земля отчуждалась от ее владельцев, в первую очередь от помещиков. Имело место отчуждение земли за вознаграждение, имело место и безвозмездное отчуждение, конфискация. «Если у помещика имеется 10 тыс. десятин земли или более, тогда отбирается у него половина земли без всякого возмездия»,— говорится в одном незаконченном отрывке «Русской Правды», озаглавленном «Дележ земель». Если у помещика имелось менее 10 тысяч, но не более 5 тысяч десятин, то тогда половина земли у него тоже отбиралась, но за нее давалось «возмездие» — или денежного характера, или земля где-нибудь в другой волости, но с тем условием, чтобы общее количество десятин у него не превышало 5 тысяч. Таким образом, помещичье землевладение (при полном уничтожении крепостного права!) все же частично сохранялось. Беспощадно сметая устои феодально-крепостного общества, стремясь глубоко перестроить государство на буржуазный лад, Пестель тем не менее не решался отстаивать лозунг передачи всей земли крестьянам.

В записной книжке друга Пестеля, декабриста Крюкова 2-го, сохранились интересные заметки по аграрному вопросу. Ограничение земельной собственности не раз является темой этих записей: «Всякий имеет право объявить правительству, что такой-то гражданин нарушает закон, обладая свыше позволенного имением под чужим именем

или каким бы то ни было другим образом»; «Кто достигнет до количества, положенного законами имения, и захочет иметь больше, того отрешить от должности»; «Бедных всегда будет больше богатых, следовательно, всегда будет достаточное число граждан для исполнения должностей. Исследовать могущее произойти зло». Замечательны следующие записи, очевидно связанные с «дележом земель»: «Приказать измерить чиновникам количество земли каждой губернии и потом другим чиновникам измерить каждый уезд, а потом по исчислении можно узнать, верно ли показание помещиков о количестве их земли». Другая заметка: «Собрать сведения о доходах каждого помещика и о количестве и качестве земли, наметить подати, сообразные количеству земли. На показавших неточное количество земли имеет право донести всякий, наряжать для исследования верных людей и, если донос оказался несправедливым, наказать ложного доносчика» [3].

Несмотря на указанные ограничения, проект Пестеля был для того времени чрезвычайно радикальным. Накануне реформы 1861 г. крестьянская запашка, как известно, занимала лишь одну треть обрабатываемых земель — две трети земли были под барской запашкой. Пестель же отдавал крестьянам половину всей обрабатываемой в государстве земли, т. е. значительно увеличивал крестьянское землепользование по сравнению с тем количеством земли, которым крестьяне могли пользоваться при крепостном праве. Крестьянская реформа 1861 г., как известно, еще отрезала от крестьянского землевладения одну пятую крестьянских земель (знаменитые «отрезки»!) и выселила крестьян «на песочки». Ничего подобного в проекте Пестеля не было.

Таким образом, аграрный проект Пестеля выдвигал требование дать крестьянам значительно больше земли, чем дала спустя три десятилетия правительственная реформа. Отсюда следует, что аграрный проект Пестеля гораздо шире, чем реформа 1861 г., открывал дверь именно буржуазному развитию страны. Говоря о земельных наделах крестьян, закрепленных за ними крепостной ре-

---

[3] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 408, л. 19—20 (так называемая «Записная книжка Пестеля», фактически это была записная книжка Крюкова 2-го).

формой 1861 г., В. И. Ленин писал: «...*чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России*, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки» [4].

Считая землю общественным достоянием, Пестель нигде не говорил о выкупе крестьянами той земли, которую они получат от государства после революции в порядке общинной собственности. По общему смыслу текстов «Русской Правды», посвященных аграрному вопросу, помещики (и то не во всех случаях) получали от государства, а не от крестьян вознаграждение деньгами за отходящую крестьянам землю. Пестель проектировал лишь некоторые виды крестьянских работ на помещика во время переходного периода.

Пестель предполагал, что по его проекту будущая Российская республика будет жить оживленной и кипучей хозяйственной жизнью. Он считал, что полезно будет в каждой волости завести «маленькие банки и ломбарды, а равным образом и страховые учреждения». Банки и ломбарды давали бы крестьянину ссуду как на первоначальное обзаведение, так и на расширение частного хозяйственного предпринимательства.

Таков проект ликвидации крепостного права у Пестеля.

Как думал Пестель поступить с самодержавием и какое государственное устройство намерен он был ввести в России?

Пестель — убежденный противник самодержавия, «зловластия», тирании, как он его называет, иногда награждая его характерным эпитетом — «разъяренное зловластие». Он выражает в «Русской Правде» желание изгладить даже самое воспоминание о прежнем торжестве этой тирании. В будущем своде законов революционной России он запрещает даже упоминать о крепостническом и самодержавном прошлом. Он полон негодования на правительство и дворянство за тяжелое положение России: крестьяне «были доныне несчастными жертвами зловластия

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.

прежнего правительства и безжалостной, безрассудной, бессовестной корысти дворянского сословия». Пестель доказывал антинародность самодержавия: «Прежняя верховная власть (для Пестеля она в момент составления «Русской Правды» была теперешней! — *М. Н.*) довольно уже доказала враждебные свои чувства противу народа русского».

Самодержавие в России по проекту Пестеля решительно уничтожалось. Уничтожался не только самый институт самодержавия, но и физически истреблялся весь царствующий дом: Пестель был сторонником цареубийства, казни всех без исключения членов царского дома в самом начале революции.

«Русская Правда» провозглашала республику. 6-я глава «Русской Правды», по свидетельству Пестеля, еще не была написана; в ней и должно было говориться об организации верховной власти. Но была ли эта глава не написана или была она просто уничтожена, неизвестно. Мы не имеем изложения этого вопроса в «Русской Правде». Общие республиканские установки Пестеля наиболее ясно сформулированы в «Государственном завете» — кратком изложении его конституции и в показаниях Пестеля на следствии: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении». Пестель и его единомышленники «входили в восхищение и, сказать можно, восторг», когда представляли себе «живую картину щастия, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась»,— так показывал Пестель.

Пестель — сторонник идей революционной верховной власти народа: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства».

Все сословия в государстве должны были быть решительно уничтожены и слиты «в единое сословие гражданское». Никакая группа населения не могла отличаться от другой какими-либо социальными привилегиями. Дворянство уничтожалось вместе со всеми другими сословиями, и все россияне объявлялись одинаково «благородными», т. е. «рожденными во благо». Объявлялось равенство

всех перед законом и признавалось «неоспоримое право» каждого гражданина участвовать в государственных делах.

Гильдии и цехи тоже повсеместно уничтожались. Конечно, немедленно уничтожались и военные поселения — эта выдумка «разъяренного зловластия», одна мысль о которых наполняла «каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом».

Гражданского совершеннолетия россиянин по конституции Пестеля достигал в возрасте 20 лет. Все граждане мужского пола, достигшие этого возраста, получали избирательные права (женщины избирательных прав не имели). В конституции Пестеля отсутствовал какой бы то ни было имущественный ценз; враг «аристократии феодальной» [5], Пестель был не меньшим врагом «аристократии богатств», т. е. политических цензовых преимуществ, которые получали капиталисты-собственники в некоторых буржуазных государствах. Чтобы избрать и быть избранным, надо было быть лишь совершеннолетним гражданином Российской республики. Пестель предполагал, что избиратели отдадут предпочтение более просвещенным людям, но ценза грамотности у него в конституции не было: и грамотный и неграмотный имели одинаковое право голосования.

Пестель был врагом всякого федеративного устройства и сторонником единой и нераздельной республики с сильной централизованной властью.

Республика Пестеля делилась на губернии или области, которые в свою очередь делились на уезды, а уезды — на волости. Ежегодно в каждой волости должно было собираться общее волостное собрание всех жителей, так называемое земское народное собрание, которое выбирало своих депутатов в различные «наместные собрания», т. е. местные органы власти, а именно: 1) в свое наместное волостное собрание, 2) в свое наместное уездное собрание, 3) в свое наместное окружное или губернское собрание. В эти три органа власти выборы были прямыми. «Из сего явствует,— пишет Пестель,— что все наместные собрания, как волостные, так и уездные и ок-

---

[5] Пестель и вообще декабристы часто произносили слово «аристократия» по французским правилам — «аристокрасú», отсюда производили слово «аристокрация».

ружные или губернские, будут состоять из членов, назначенных в оные прямо и непосредственно от земских собраний, чем самым и будут все члены всех наместных собраний по всей точности и в полной мере самим народом избираемы». Главой наместного волостного собрания был выборный «волостной предводитель», а главой уездного и губернского наместных собраний — «выборные посадники» (старинное русское слово). Компетенция наместных собраний была довольно широкой: они выслушивали отчеты исполнительных органов власти в волости, уезде, губернии — волостных, уездных и земских правлений, принимали и рассматривали жалобы на местное начальство, выбирали новых чиновников местного управления и утверждали прежних и вообще занимались всеми делами местного значения, «до волости или уезда касающимися». Окружные наместные собрания выбирали, кроме того, представителей в высший законодательный орган власти — Народное вече. Таким образом, выборы в верховный орган власти в республике Пестеля намечались двухстепенные.

Народное вече являлось органом верховной законодательной власти в государстве, оно было однопалатным: принципа двухпалатной системы Пестель не признавал. Исполнительная власть в государстве вручалась Державной думе.

Народное вече предполагалось составить из народных представителей, выбранных на пять лет. Каждый год переизбиралась одна пятая часть Народного веча. Председатель выбирался ежегодно вновь из членов, пребывающих в составе Народного веча последний год. Только Народное вече имело право издавать законы, объявлять войну и заключать мир. Никто не имел права роспуска Народного веча, так как оно представляло «волю» и «душу» народа в государстве [6].

Державная дума состояла из пяти членов, избранных Народным вечем на пять лет. Ежегодно один из членов Державной думы выбывал из ее состава ввиду истечения своего срока и заменялся другим по выбору. Председателем Державной думы являлся тот ее член, который заседает в ней последний (пятый) год.

---

[6] *Пестель П. И.* «Конституция Государственный завет».— Красный архив, 1925, т. 6 (13), с. 280—284.

Кроме законодательной и исполнительной власти Пестель выделял власть блюстительную, которая должна была контролировать точное исполнение конституции в стране и следить за тем, чтобы законодательная и исполнительная власти не выходили из пределов, поставленных им законами.

Центральным органом блюстительной власти был намечен по конституции Пестеля Верховный собор, который должен был состоять из 120 членов, называвшихся «боярами» и избиравшихся пожизненно. Верховный собор назначал, кроме того, главнокомандующего армией во время войны.

Столицей Российской республики по «Русской Правде» должен был стать Нижний Новгород. Он намечался в качестве столицы по пяти причинам: во-первых, он был расположен в центре страны; во-вторых, находился на удобных торговых путях (на Волге); в-третьих, Макарьевской ярмаркой он соединял Европу с Азией в сухопутных торговых отношениях; в-четвертых, «освобождение России от ига иноплеменного через Минина и Пожарского из сего города изошло»; в-пятых, «все воспоминания о древности нижегородской дышат свободою и прямою любовью к Отечеству, а не к тиранам его».

Конституция Пестеля провозглашала буржуазный принцип — священное и неприкосновенное право собственности. Она объявляла полную свободу занятий для населения, свободу книгопечатания и вероисповедания. За содержание печатных произведений виновные отвечали только перед судом. Каждая вера могла свободно исповедоваться в государстве, но запрещались некоторые религиозные обычаи, например многоженство у мусульман. Сословный суд, разумеется, отменялся и вводился гласный суд присяжных заседателей, равный для всех граждан.

Пестель был сторонником широкого развития промышленности в стране, хотя утопическое наделение всех граждан землей и мешало бы в его будущей республике образованию пролетариата. Он был врагом всякого принуждения в промышленности, считая, что «одни вольнонаемные работники должны бы при всяких заводах быть употребляемы».

Пестель отстаивал самую широкую и неограниченную свободу торговли.

Границы Российской республики должны были по конституционному проекту раздвинуться до своих «естественных пределов».

Взгляды Пестеля на национальный вопрос были своеобразны и носили на себе печать дворянской ограниченности. Права отделения от Российского государства других национальностей Пестель не признавал: все народы, населявшие Россию, должны были, по его мнению, слиться в единый русский народ и потерять свои национальные особенности. Пестель не понимал значения национального развития угнетенных народов и не сумел найти путей к разрешению национального вопроса. Правда, формально русский народ не имел каких-нибудь преимуществ перед нерусскими народностями, по конституции Пестеля; все жители России независимо от национальности получали одинаковые политические права. Но в этой же конституции намечались жестокие меры против «буйных» кавказских народов. «Русская Правда» предлагала «разделить все сии кавказские народы на два разряда — мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Пестель считал желательной и христианизацию нерусских народов, и вселение на земли других национальностей русских колонистов.

Что касается польского вопроса, то Пестель признавал за Польшей право отделения от России, но при следующих условиях: в Польше должна произойти революция, уничтожающая феодальное угнетение крестьян и сословий, должна быть провозглашена республика на тех же основаниях, что и в России, по принципам «Русской Правды», со всеобщим избирательным правом, «дележом земли» и пр. После этого Польская республика получала право на самостоятельное политическое существование, отделялась от России, но сохраняла с ней самый «тесный союз» на мирное и военное время, «вследствие коего бы Польша обязалась все войско свое присоединить на случай войны к российской армии, дабы тем в полной мере доказать, что чувства искренней дружбы и преданности к России питает и питать будет». План отделения Польши введен был в «Русскую Правду» «в предположении, что Польша заслужит самостоятельную не-

зависимость поступками своими и образом своего действия в роковое время Российского возрождения и государственного преобразования».

Таков был конституционный проект Пестеля — «Русская Правда». Это был революционный проект буржуазного переустройства крепостной России. Он уничтожал крепостное право и самодержавие, учреждал республику вместо отсталого абсолютистского государства. На нем лежит некоторая печать дворянской ограниченности, но в целом он представляет собой своеобразный план сильного продвижения вперед отсталой феодально-крепостной России. Это был самый решительный, радикальный из конституционных проектов, созданных революционерами-дворянами.

КОНСТИТУЦИЯ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА

Конституция Никиты Муравьева явилась плодом длительной работы. Он начал ее писать с осени 1821 г., но нет сомнений, что подготовительный период ее создания начался ранее. Никита Муравьев изучил всевозможные действовавшие в то время конституции, штудировал основные законы революционной Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов, испанскую конституцию 1812 г. и многие другие.

Конституция Никиты Муравьева использовала опыт Западной Европы. Но она являлась плодом самостоятельного политического творчества на основе переработки западноевропейского и американского политического опыта и применения его к русской действительности. Никита Муравьев был глубоким знатоком современной ему политической литературы, интересовался историей и сам являлся автором работ исторического характера, например разбора «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, «Истории...» Суворова и других работ.

Конституция Никиты Муравьева сохранилась в нескольких вариантах; их изучение показывает нам развитие его политических взглядов, говорит о непрерывной работе над конституционным проектом и об изменении ранее принятых формулировок в сторону большей прогрессивности. В то же время конституционный проект Ни-

киты Муравьева обсуждался среди членов Северного общества; они внимательно взвешивали его формулировки, писали свои подробные замечания и возражения. Был известен проект и членам Южного общества, например Пестелю.

Однако конституция Никиты Муравьева в отличие от «Русской Правды» Пестеля не была обсуждена всем Северным обществом, не была проголосована и принята всей организацией.

Работая над конституцией в 1821 и последующие годы, Никита Муравьев уже отошел от прежних республиканских воззрений. Он в это время склоняется к идее конституционной монархии. Тот сдвиг вправо, который произошел около 1821 г. в политических взглядах Никиты Муравьева, нашел яркое отражение в его конституции. Прежние республиканские воззрения сменились конституционно-монархическими. Классовая дворянская ограниченность сказалась прежде всего в разрешении вопроса о крепостном праве. Никита Муравьев в своей конституции объявлял освобождение крестьян от крепостной зависимости, но одновременно вводил положение: «Земли помещиков остаются за ними». По его проекту крестьяне освобождались без земли. Лишь в последнем варианте своей конституции он под давлением критики товарищей сформулировал положение о незначительном наделении землей: крестьяне получали усадебные участки и сверх этого по две десятины на двор в порядке общинного владения. Конституция Никиты Муравьева характеризовалась высоким имущественным цензом: только земельный собственник или владелец капитала имел право полностью участвовать в политической жизни страны, избирать и быть избранным. При этом землевладелец сначала ценился Никитой Муравьевым вдвое «дороже» капиталиста. Позже Никита Муравьев отказался от двойного ценза и ввел один общий ценз для избирателей — 500 рублей. Лица, не имевшие движимости или недвижимости на эту сумму, не могли участвовать в выборах. Лица, избираемые на общественные должности, должны были обладать еще более высоким имущественным цензом; лишь при выборах низшего представителя местного управления — волостного старшины — отсутствовало требование имущественного ценза; к этим выборам допускались «все граждане, без изъятия и различия». Но для

других выборных должностей ценз сохранялся и был тем значительнее, чем выше была должность; он доходил в некоторых случаях до 60 тыс. рублей серебром.

Женщины по конституции Никиты Муравьева, как и по конституции Пестеля, были лишены избирательного права. Кроме того, Никита Муравьев был намерен ввести образовательный ценз для граждан Российского государства. Избирательные права получали лица, достигшие 21 года. Через двадцать лет после принятия конституции предполагалось ввести обязательное требование грамотности избирателя: неграмотный лишался избирательных прав. Так как образование можно было получать только за плату, введение ценза грамотности было еще одним предпочтением материально состоятельных избирателей несостоятельным. Сверх этого конституция Никиты Муравьева вводила еще ценз оседлости: кочевники не имели избирательного права.

Крестьянин-общинник не считался, согласно проекту Никиты Муравьева, «владельцем»-собственником, его избирательное право было чрезвычайно ограниченно. Первый вариант конституции предоставлял крестьянам-общинникам — «общим владельцам», по терминологии Муравьева,— ограниченное избирательное право: «все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 душ мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с гражданами как уполномоченные целого общества, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старшинами». Во втором варианте конституции Никита Муравьев изменил свою формулировку. Как уже указывалось, к участию в выборах волостного старшины допускались «все граждане без изъятия и различия».

Но при всех чертах сильно выраженной классовой дворянской ограниченности конституционный проект Никиты Муравьева является значительным памятником политического творчества революционера-дворянина. Многие его положения имели прогрессивное значение. Надо представить себе, какой объективный исторический смысл имели перечисленные ниже пункты конституции Никиты Муравьева в бесправной стране крепостного рабства и самодержавного деспотизма, в стране «старого порядка», еще не знавшей революции.

Никита Муравьев проектировал отмену крепостного права, делал крестьянина лично свободным: «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным» [1],— гласил 3-й параграф его конституции. Сословия также отменялись. «Все русские равны перед законом». Даже религия призывалась на помощь, для того чтобы доказать глубокий вред старого феодально-сословного подразделения. «Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле божией, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны».

Конституция Никиты Муравьева утверждала священное и неприкосновенное право буржуазной собственности, но в ней подчеркивалось, что право собственности заключает в себе «одни вещи»: человек не может быть собственностью другого, крепостное право должно быть отменено, а «право собственности, заключающее в себе одни вещи,— священно и неприкосновенно».

По конституции Никиты Муравьева должны были быть ликвидированы и многие другие феодально-абсолютистские учреждения. «Военные поселения немедленно уничтожаются»,— гласил 30-й параграф конституции: военные поселяне должны были немедленно перейти на положение казенных крестьян, земля военных поселений передавалась в общинную крестьянскую собственность. Удельные земли, т. е. земли, на доход с которых содержались члены царствующего дома, конфисковывались и передавались во владение крестьян. Все гильдии и цехи — пережитки феодального общества — объявлялись ликвидированными. Отменялась «табель о рангах», разделявшая военных и гражданских служащих на 14 классов. Национальное чувство Никиты Муравьева было возмущено засильем в России иностранцев: «Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, отменяются сходственно с древними постановлениями народа русского». Все названия сословных групп (дворяне, мещане, однодворцы и пр.) отменялись и заме-

---

[1] Самую исправную публикацию текстов конституции Никиты Муравьева см. в приложениях к работе: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 303—366.

нялись названием «гражданин» или «русский». Понятие «русский» по конституции Никиты Муравьева не относится непосредственно к национальности — оно означает гражданина Российского государства.

Понятие Родины и ее защиты вознесено в конституции Муравьева на большую высоту: «Каждый Русский обязан носить общественные повинности — повиноваться законам и властям Отечества, быть всегда готовым к защите Родины и должен явиться к знаменам, когда востребует того закон».

Конституция Никиты Муравьева утверждала ряд буржуазных свобод: она провозглашала свободу передвижения и занятий населения, свободу слова, печати и свободу вероисповеданий. Отменялся сословный суд и вводился общий суд присяжных заседателей для всех граждан.

Как обстояло дело с царской властью?

Конституция Никиты Муравьева была ограниченно-монархической. Но тут все же необходимо сделать оговорку: в крайнем случае Никита Муравьев предполагал введение республики. «Если бы императорская фамилия,— показал он на следствии,— не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной (фамилии) и предложение республиканского правления».

Законодательная, исполнительная и судебная власти в конституции Никиты Муравьева были разделены. По конституции Никиты Муравьева император есть только «верховный чиновник российского правительства», он является представителем только исполнительной власти, законодательной власти император не имел. Надо представить себе, как резко изменяло это определение прежнее положение, в каком противоречии находилось оно с феодальными утверждениями о «божественности» неограниченной царской власти и о полнейшей безнаказанности всех деспотических действий «от бога помазанного» царя.

Император получал большое жалованье (8 млн. рублей в год) и, если ему угодно, мог за свой счет содержать придворный штат (никаких дополнительных средств ему для этого не давалось). Никита Муравьев хорошо понимал, насколько вредна была роль придворной камарильи, ее интриг и влияний в политике царского правительства. Поэтому его конституция трактовала всю придворную челядь — всех камергеров, гофмаршалов, гофмейстеров, обер-шенков и т. д. — как личных прислуж-

ников царя. Все царские придворные по конституции Никиты Муравьева лишались избирательного права.

Император командовал войсками, но не имел права ни начинать войны, ни заключать мира. Император не мог покидать территории империи, иначе он лишался императорского сана. Декабристы хорошо знали, каково было реакционное значение постоянных поездок императора за границу, где вершились дела Священного Союза. Надо было воспрепятствовать будущему императору находить опору в реакционных силах Европы.

Будущая Россия представлялась Никите Муравьеву (в отличие от Пестеля) федеративным государством, он был сторонником государственного устройства Северо-Американских Соединенных Штатов. Империя делилась на отдельные федеративные единицы, которые Муравьев называл державами. Всех держав (и областей) было пятнадцать. В каждой державе была своя столица. Вот список держав и их столиц:

1. Ботническая — Гельсингфорс
2. Волховская — Город Святого Петра (Петербург)
3. Балтийская — Рига
4. Западная — Вильна (Литва)
5. Днепровская — Смоленск
6. Черноморская — Киев
7. Кавказская — Тифлис
8. Украинская — Харьков
9. Заволжская — Ярославль
10. Камская — Казань
11. Низовская — Саратов
12. Обийская — Тобольск
13. Ленская — Иркутск
14. Московская область — Москва
15. Донская область — Черкасск

Столицей федерации должен был стать, как и у Пестеля, Нижний Новгород — город, славный своим героическим прошлым во время польской интервенции XVII в., центр страны.

Верховным органом законодательной власти по конституции Никиты Муравьева должно было стать Народное вече. Оно состояло из двух палат: верхняя палата носила название Верховной думы, нижняя называлась Палатой народных представителей.

Палата народных представителей должна была состоять из членов, выбранных на два года гражданами держав. От каждых 50 тыс. жителей мужского пола выбирался один представитель. По вычислениям Никиты Муравьева, Палата народных представителей первого созыва должна была состоять из 450 членов. Все члены Народного веча получали жалованье — по 5 рублей серебром за каждый день, когда они присутствовали на заседании. Дорожные расходы возмещались особо.

Дума, по проекту Муравьева, должна состоять из 42 членов: в нее выбирались по три гражданина от каждой державы, два гражданина от Московской области и один — от Донской области. Кроме основной, законодательной, работы в компетенцию Верховной думы должен был входить суд над министрами, верховными судьями и прочими сановниками в случае обвинения их народными представителями. Совместно с императором Дума участвовала в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутными и морскими силами, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя (генерал-прокурора). Каждые два года переизбиралась одна треть членов Верховной думы.

Всякий законопроект должен был три раза читаться в каждой палате. Чтения должны были быть разделены, по крайней мере, тремя днями, посвящаемыми обсуждению закона. Если законопроект принимался обеими палатами, он шел на представление императору и лишь после его подписи получал силу закона. Император мог вернуть неугодный ему законопроект в палаты со своими замечаниями, тогда законопроект обсуждался вторично; в случае вторичного принятия законопроекта обеими палатами проект получал уже силу закона и без согласия императора. Таким образом, принятие закона могло быть отсрочено императором, но не могло быть им самовольно отвергнуто. По конституции Никиты Муравьева император имел, таким образом, только право так называемого суспенсивного вето.

В державах также существовала двухпалатная система. Законодательная власть в каждой державе принадлежала законодательному собранию, состоявшему из двух палат — палаты выборных и Державной думы. Державы делились на уезды. Начальник уезда назывался тысяцким. Должность эта, как и все прочие должности в управ-

лении государством, была выборной. Судьи также были выборными.

Конституция Никиты Муравьева, будь она введена, пробила бы огромную брешь в твердынях феодально-абсолютистского строя и серьезно расшатала бы его основы. Она развязала бы классовую борьбу в стране. Ликвидировать до конца остатки феодализма гораздо легче в конституционной, нежели в абсолютной, монархии. Это историческое значение конституционной монархии указано Энгельсом: «...борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов)» [2]. Ленин, анализируя приведенное выше утверждение Энгельса, писал: «Нельзя не вспомнить... замечательно глубокого указания Энгельса... на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии» [3].

Таким образом, проект конституции Никиты Муравьева, несмотря на яркие черты классовой дворянской ограниченности, должен быть признан прогрессивным для своего времени.

Никита Муравьев хорошо сознавал, какое бешеное сопротивление старых сил может встретить введение его конституционного проекта. Он считал, что в борьбе за него придется воспользоваться «силою оружия». Он показал на следствии:

«Я полагал:

1-е. Распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей конституции, лишь только оная будет мною окончена.

2-е. Произвесть возмущение в войске и обнародовать оную.

3-е. По мере успехов военных, во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей,

---

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 276.
[3] Там же.

выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению областных палат, а в случае великих успехов — и Народного веча.

4-е. Если б и тогда императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления» [4].

Задачи военного выступления, нанесения «решительного удара» правительству, устранения его силой стояли, таким образом, как очередные перед тайным обществом. К этой революции готовилось как Южное, так и Северное общество декабристов.

Как уже сказано, конституция Никиты Муравьева не была идеологическим документом всего Северного общества в целом. Идеология Северного общества была сложной, в ней боролись политические течения разных оттенков. С конституцией Никиты Муравьева письменно спорили декабристы Николай Бестужев, Торсон, Штейнгель, по-видимому, С. Кашкин и др. В ряде вопросов с ней не соглашался Николай Тургенев. Но особенно важно отметить, что в Северном обществе было немало республиканцев по убеждениям. Страстным республиканцем был К. Ф. Рылеев; его переход на республиканские позиции произошел не позже 1824 г. Республиканские воззрения разделял А. Бестужев. «Весною 1825 года Бестужев объявил о революционном намерении Общества и предложил ввести республику»,— свидетельствует Торсон. «Обними за меня Рылеева искренне, по-республикански»,— писал Грибоедов своему другу А. Бестужеву. Декабрист Штейнгель вообще полагал, что «республиканским мнениям общества должно было естественно произойти от распространения либеральных идей в России». Декабрист Беляев «питал свободный образ мыслей и, увлекаясь мечтами о равенстве, склонялся к республике». Та группа декабристов, которая подготовила и организовала восстание 14 декабря на Сенатской площади, в своем руководящем ядре придерживалась преимущественно республиканских убеждений.

---

[4] Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 325 (дело Никиты Муравьева).

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ

Вопрос о выработке общей идеологической платформы, единого плана действий был очередным в жизни тайного общества, но выработать его было нелегко. Пестель и южане крепко держались своей радикальной линии, требовали принятия «Русской Правды» как будущей конституции, настаивали на «разделении земель», диктатуре Временного революционного правительства, требовали отказа от идеи учредительного собрания и убежденно отстаивали республику. Северяне в значительной части своей соглашались на республику, но они сильно сомневались в правильности пестелевского «дележа земель», решительно стояли за учредительное собрание и выступали безоговорочными противниками даже временной (10—15 лет) диктатуры Временного правительства. По их мнению, избрание переходных форм верховной власти должно быть прерогативой «Великого собора» — учредительного собрания.

Большинство северян представляли себе ход дел в случае успеха революции следующим образом: царская власть свергается, назначается Временное революционное правительство, действующее и во время работы немедленно созываемого Учредительного собрания. Члены тайного общества, избираемые в состав Учредительного собрания, вольны предлагать, как и все прочие его участники, свои проекты будущего государственного устройства революционной России. Голосование в Учредительном собрании, а не чья-то диктаторская воля решит вопрос. Проект Пестеля, как мы помним, исключал Учредительное собрание и вводил новый строй диктаторской властью Временного революционного правления.

Северян тревожила и фигура самого Пестеля как будущего диктатора. Даже Рылеев находил, что Пестель «человек опасный для России».

В марте 1824 г. Пестель приехал в Петербург с огромным манускриптом «Русской Правды». Состоялись собрания Северного общества, начались бурные обсуждения предложений Пестеля, загорелись страстные споры. Пестель не хотел уступать ничего и требовал, чтобы «Русская Правда» была принята как идейная платформа будущего переворота. Ему не удалось добиться согласия, но его

приезд сильно всколыхнул Северное общество и побудил его к деятельности. Желая создать себе опору на севере, Пестель еще ранее основал через декабриста Барятинского тайный филиал Южного общества в Петербурге; в него был принят Поливанов и ряд других сторонников южной платформы. Наличие этой южной ячейки в северной столице стало известно членам Северного общества, и они решительно протестовали против действий Пестеля; все принятые им члены были «переприняты» в Северное общество вновь. Но важно, что пропаганда идеологии Южного общества встретила сильное сочувствие в тех северянах, которые и раньше отличались большим радикализмом. Споры 1824 г., очевидно, сыграли известную роль в окончательном переходе Рылеева на республиканские позиции. Декабрист Оболенский — деятельный член общества — защищал справедливость положений «Русской Правды». Шла речь о подготовке открытого выступления во время царского смотра в Белой Церкви, который предполагался в 1825 г. Нужно было торопиться с выработкой окончательных решений, иначе события могли застать членов тайного общества врасплох. Выступать надо только совместно,— это было ясно, об этом никто не спорил.

Было принято решение созвать после серьезной подготовки съезд обоих обществ в 1826 г., на котором предполагалось окончательно выработать общую программу.

Для работы над общей программой и общим планом выступления из Петербурга на юг, в Киев выехал почти на годичный срок Сергей Трубецкой — один из директоров и руководителей Северного общества. Трубецкой выехал в Киев в качестве дежурного офицера штаба 4-го корпуса. Втайне он решил завязать переговоры с Южным обществом через голову Пестеля и опереться на Сергея Муравьева-Апостола, возглавлявшего Васильковскую управу Южного общества.

Но все были склонны выступать только совместно. Большинство склонялось к идее республиканской конституции.

Сергей Муравьев-Апостол свидетельствовал, что главной причиной несогласия обоих обществ была «Русская Правда», признанная Южным обществом и не во всем одобряемая Северным, согласным, однако, на введение республиканского правления в России, но с некоторыми изменениями против «Русской Правды». Сопоставляя это

свидетельство с другими показаниями декабристов, мы приходим к выводу, что речь, очевидно, шла о предложении республиканского конституционного проекта обоих обществ будущему учредительному собранию — Великому собору.

Таким образом, идея республики побеждала идею конституционной монархии, а идея Учредительного собрания начала побеждать идею диктатуры Временного революционного правительства. Окончательно все решить должен был съезд 1826 г.

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

В конце лета 1825 г. члены Южного общества, охваченные идеей подготовки открытого выступления, были поражены внезапной и очень важной вестью. Оказывается, бок о бок с ними уже давно существует другая тайная организация — Общество соединенных славян, о которой они раньше и не подозревали.

Общество соединенных славян имело самостоятельную историю. Первоначально это было Общество первого согласия, возникшее весною 1818 г., одновременно с Союзом благоденствия, но совершенно независимо от него.

Члены «Общества первого согласия», основанного в местечке Решетиловка Полтавской губернии, и не подозревали, что где-то в Москве, среди гвардейской молодежи формируется новое тайное общество — Союз благоденствия.

Общество первого согласия было основано юнкером Петром Борисовым, который, по собственному признанию, «с младенчества был влюблен в демократию» и с детства стал питать «любовь к вольности и народодержавию». Поэтому можно предположить, что Общество первого согласия, вероятно, ставило перед собой и какие-то политические цели, а не ограничивалось лишь моральными целями личного самоусовершенствования и «очищения религии от предрассудков», как показывали о том его члены на следствии.

Однако вскоре общество перестало удовлетворять его членов и преобразовалось в Общество друзей природы с республиканской программой. Оно имело устав и письменное клятвенное обещание, к сожалению, не дошедшее до нас.

Петр Борисов был страстным противником крепостного права: «Несправедливости, насилие и угнетения помещиков, их крестьянам причиняемые, рождали всегда во мне подобное чувствование и укрепляли в моем уме либеральные мысли».

Но вновь найденные формы тайного общества и его новая программа вскоре перестали удовлетворять молодую организацию. Она искала более отчетливого самоопределения, более ясных задач.

В 1823 г. полк, в котором служили Петр и Андрей Борисовы, стоял в Новоград-Волынске. В этом году молодой шляхтич Юлиан Люблинский, студент Варшавского университета, за участие в польском революционном движении был в цепях приведен из Варшавы в свой родной город Новоград-Волынск и отдан под надзор полиции. Борисовы, еще раньше знакомые с его родственниками, быстро завязали через них знакомство и с высланным из Варшавы студентом; вскоре, посвятив его в тайну, они нашли в нем внимательного участника своих споров и рассуждений, связанных с поисками новых программных установок и форм тайной организации. Люблинский, как, впрочем, и они сами, критиковал незрелость и неясность их общества. В сотрудничестве с Люблинским братья Борисовы выработали новую цель: всеславянское революционное единение. Было решено вместо «Друзей природы» организовать тайное Общество соединенных славян, чтобы объединить все славянские народы, освобожденные от крепостного права.

Целью общества стало теперь объединение всех славянских народов в одну демократическую республиканскую федерацию. Членами федерации должны были быть следующие страны: «Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроация». (Венгров члены общества считали славянами.)

Как говорится в замечательном документе истории Общества соединенных славян — в так называемых «Записках» Горбачевского, фактически являющихся коллективным трудом, написанным под руководством и при ближайшем участии основателя общества Петра Борисова [1],

[1] Дальше этот документ называется «Записки» Славянского общества. Они издавались несколько раз: Записки неизвестного. (Из Общества соединенных славян).— Русский архив, 1882, кн. 1,

«предполагалось с точностью определить границы каждого [славянского]государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений».

Таким образом, каждый из объединяемых славянских народов должен был иметь особую конституцию, отвечающую его национальным традициям и местным условиям. Где-то в центре федерации основывалась столица великого славянского федеративного Союза. Тут ежегодно должен был собираться съезд представителей всех славянских республик для решения общих дел. Члены Общества соединенных славян представляли себе свою федерацию как мощное политическое объединение, полное оживленной деятельности, с бурно растущей промышленностью и кипучей торговлей, крупнейшими портовыми городами. Четыре моря должны были омывать берега федерации: Черное, Белое, Балтийское и Адриатическое. Как символ этого, четыре якоря находились в предполагаемом гербе славянской федерации и изображались на печати общества. Их рисунок сохранился в архиве следствия над декабристами.

Клятва членов Общества соединенных славян была составлена по образцу карбонарских клятв [2]. Вступающий в организацию член давал обет бороться «для освобождения себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому». Он клялся: «...самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать тиранам моих друзей и их намерения»; «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу послед-

---

вып. 2, с. 435—555; Записки декабриста И. И. Горбачевского. М., 1916, 324 с.; Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1925, 399 с.; *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963, 354 с.

[2] Карбонары, или карбонарии, были известными в то время участниками итальянского демократического движения, борцами за освобождение Италии от иноземного ига и за воссоединение ее. Они собирались в лесах у тлеющих костров. От итальянского слова «карбо» — уголь — и произошло название этих революционеров (карбонары — угольщики).

ний вздох свободе и братскому союзу благородных славян». Были разработаны и особые «Правила соединенных славян», отмеченные стремлением к решительным революционным действиям: «Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия. Друзья тебе помогут, оружие тебя защитит»,— гласило первое правило. При этом слово «оружие» было зашифровано изображением солдатского штыка.

Необходимо отметить, что революцию «славяне» считали движением народных масс и полагали необходимым опереться именно на народ: «...в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире»,— пишет мемуарист Славянского общества. «Славяне» были противниками военной революции. Они полагали, что военные революции «бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются».

Эти особенности отличают Общество соединенных славян от остальных обществ декабристов. Их революционность несколько отличается от дворянской революционности: некоторые черты славянской идеологии сближают ее с идеологией разночинской демократии.

«Славянский союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности»,— говорится в «Записках» Славянского общества. «Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны как можно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения».

Члены Славянского общества отличались от членов Северного и Южного обществ декабристов и по своему имущественному положению. Они в основном принадлежали к малоимущему дворянству, подчас совсем разорившемуся. Сами члены Славянского общества, как правило, не владели ни землей, ни крестьянами, родители же их в

большинстве случаев или были безземельными дворянами, или владели ничтожным количеством земли и крестьян. «За отцом его крестьян три души»,— значится, например, в формуляре члена Славянского общества поручика Лисовского. По сведениям, собранным губернатором после ареста Лисовского, его мать и сестра жили в Кременчуге «в маленьком деревянном домике, составляющем все их благосостояние», и содержали себя «собственными трудами» — «шитьем женской одежды, белья и прочего». Основатели общества, братья Борисовы — сыновья отставного майора 8-го класса, живущего на скудный казенный «пансион» (т. е. пенсию) в 200 рублей в год: отец имел дополнительный заработок в качестве провинциального архитектора. Большинство членов Славянского общества жили «с одного жалованья» и еще содержали подчас на него своих родных. Так, после ареста члена Славянского общества Бечаснова его мать, «дворянка Бечаснова», осталась без всяких средств: единственным ее имуществом было «необходимое одеяние», и ее из жалости приютило одно знакомое дворянское семейство. Среди «славян» был даже крестьянский сын Павел Фомич Выгодовский (настоящая фамилия Дунцов): он подделал дворянское свидетельство, чтобы поступить на службу в канцелярию волынского губернатора.

Член Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин организовал присоединение Общества соединенных славян к Южному обществу. Это произошло в военных лагерях около местечка Лещин, во время летних сборов для маневров. Бестужев-Рюмин провел со «славянами» несколько заседаний, где возникли бурные прения в связи с изложенной Бестужевым программой Южного общества. «Славяне», как сказано, были противниками военной революции, сторонниками народного выступления и врагами диктатуры. Однако близость открытого революционного выступления и жажда принять участие в революции побудили «славян» дать согласие на вступление в Южное общество.

Главное, что привлекало их к Южному обществу,— его демократические идеи, ярко обрисованные Бестужевым-Рюминым во время присоединения Славянского общества к Южному. «Славянин» Петр Борисов понял его так: «Целию сего общества есть введение в России чистой демократии, уничтожающей не токмо сан монарха,

но и дворянское достоинство и все сословия, и сливающей их в одно сословие — гражданское»[3].

Многие из «славян» дали особую клятву участвовать в цареубийстве; был составлен список цареубийц, принесших клятву выполнить это революционное поручение. Так была заложена основа «cohorte perdue», задуманной еще ранее Пестелем и Луниным.

«Славяне» составили в Южном обществе особую «славянскую управу» и стали деятельно готовиться к выступлению.

Важно все же отметить, что Общество соединенных славян не рассталось со своей заветной целью освобождения и объединения славянских народов, когда влилось в Южное общество декабристов. «Славяне», по выражению «Записок», утешали себя надеждой, «что после переворота мысль Славянского союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения славянских народов». Важно и другое: члены Южного общества во время объединения не чуждались славянской цели, а, наоборот, отозвались о ней весьма сочувственно, только полагали ее более отдаленной, нежели цель освобождения самой России от крепостничества и самодержавия. Член Южного общества Бестужев-Рюмин произнес на объединительном заседании замечательные слова о том, что «преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию, что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование, что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского союза — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеративным союзом».

Таким образом, «славяне» не расстались со своей главной целью, а лишь отодвинули ее в будущее и справедливо сочли первоочередной целью освобождение России от крепостного права и самодержавия, чтобы затем, как они предполагали, перейти к работе над объединением свободных славян.

---

[3] Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. 5, с. 54.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ. ПЛАН ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Между тем события обогнали декабристов и вынудили их выступить раньше тех сроков, которые были ими определены. Все резко изменилось поздней осенью 1825 г.

В ноябре 1825 г. неожиданно умер вдали от Петербурга, в Таганроге, император Александр I. Сына у него не было, и наследником престола являлся его брат Константин. Но женатый на простой дворянке, особе не царской крови, Константин по правилам престолонаследия не мог бы передать престол своим потомкам и поэтому отрекся от престола. Наследником Александра I должен был стать следующий брат, Николай — грубый и жестокий, ненавидимый в армии. Отречение Константина держали в тайне — о нем знал лишь самый узкий круг членов царской семьи. Необнародованное при жизни императора отречение не получило силы закона, поэтому наследником престола продолжал считаться Константин; он воцарился после смерти Александра I, и 27 ноября население было приведено к присяге Константину.

Формально в России появился новый император — Константин I. В магазинах уже выставили его портреты, успели даже отчеканить несколько новых монет с его изображением. Подорожные уже подписывались его именем. Но Константин престола не принимал, одновременно не желал и формально отрекаться от него в качестве императора, которому уже принесена присяга.

Создалось двусмысленное и крайне напряженное положение междуцарствия. Николай, боясь народного возмущения и ожидая выступления тайного общества, о котором уже был осведомлен шпионами-доносчиками, решился, наконец, объявить себя императором, так и не дождавшись от брата формального акта отречения. Была назначена вторая присяга, или, как говорили в войсках, «переприсяга»,— на этот раз уже Николаю I.

«Переприсяга» в Петербурге была назначена на 14 декабря. Междуцарствие и «переприсяга» волновали население и раздражали армию.

Декабристы еще при создании своей первой организации приняли, как мы помним, решение выступить в момент смены императоров на престоле. Этот момент те-

перь и наступил. В то же время декабристам стало известно, что они преданы,— доносы предателей Шервуда и Майбороды уже лежали на столе у императора; еще немного — и начнется волна арестов...

Члены тайного общества приняли решение выступать. Совершенно необоснованно мнение, будто они знали, что идут на верную гибель. Нет, они знали о грозящих опасностях и возможности личной гибели, но верили и в возможность общего успеха. «Мы так твердо были уверены, что или мы успеем, или умрем, что не сделали ни малейших сговоров на случай неудачи»,— говорил Александр Бестужев. Важно отметить, что они чувствовали и моральное обязательство выступать: «Случай удобен,— писал московским декабристам из Петербурга И. И. Пущин.— Ежели мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов» [1].

Невозможно понять, что произошло 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, если не знать, что же именно было задумано декабристами, на каком плане они остановились, что именно надеялись совершить.

На квартире Рылеева, в тот момент больного, был разработан следующий план действия. 14 декабря, в день «переприсяги», на площадь выйдут революционные войска под командованием членов тайного общества. Диктатором восстания был выбран гвардии полковник князь Сергей Трубецкой (именно выбран проведенным голосованием по управам — отделениям тайного общества). Войска, отказывающиеся присягать, должны выйти на Сенатскую площадь. Почему именно на Сенатскую? Потому что тут находится Сенат, тут сенаторы утром 14 декабря будут присягать новому императору. Силой оружия, если не захотят добром, надо не допустить сенаторов до присяги, заставить их объявить правительство низложенным и издать революционный Манифест к русскому народу. Черновик этого Манифеста был найден при аресте у «диктатора» Трубецкого. Это — один из важнейших документов декабризма, поясняющий цель восстания. Сенат, таким образом, волей революции включался в план действий восставших.

---

[1] Письмо И. И. Пущина воспроизведено по памяти декабристом Михаилом Орловым во время следствия. См.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 83 (дело Михаила Орлова), л. 27 об.— 28.

В революционном Манифесте объявлялось «уничтожение бывшего правления» и учреждение Временного революционного правительства. Объявлялось о ликвидации крепостного права и об уравнении всех граждан перед законом; объявлялись свобода печати, свобода вероисповедания, свобода занятий, введение гласного суда присяжных, уничтожение рекрутчины, введение всеобщей воинской повинности и образование «внутренней народной стражи», сложение подушных податей и «недоимок по оным». Все правительственные чиновники должны были уступить место выборным лицам. Можно представить себе, какие широкие народные массы всколыхнул бы этот Манифест!

Было решено, что как только восставшие войска блокируют Сенат, в котором сенаторы готовятся к присяге, в помещение Сената войдет революционная делегация в составе Рылеева и Пущина и предъявит Сенату требование не присягать новому императору Николаю I, объявить царское правительство низложенным и издать революционный Манифест к русскому народу. Добившись этого, декабристы намеревались немедленно опубликовать свой Манифест. Одновременно гвардейский морской экипаж, Измайловский полк и конно-пионерный эскадрон должны были с утра двинуться на Зимний дворец, захватить его и арестовать царскую семью. (Она должна была оставаться под арестом впредь до решения ее судьбы Учредительным собранием).

Затем созывался Великий собор — Учредительное собрание. Оно должно было принять окончательное решение о формах ликвидации крепостного права, о форме государственного устройства России, решить вопрос о земле.

Декабристы намерены были предложить свой переработанный конституционный проект Великому собору, но именно только как проект. Они полагали, что Великий собор будет вправе принять его или отвергнуть. В том случае, если Великий собор решит большинством голосов, что Россия будет республикой, одновременно принималось бы решение и о судьбе царской семьи. Часть декабристов придерживалась мнения, что возможно ее изгнание за границу, часть склонялась к цареубийству. Если же Великий собор придет к решению, что Россия будет конституционной монархией, тогда из состава царствующей семьи намечался конституционный монарх.

Командование войсками при захвате Зимнего дворца было поручено декабристу Якубовичу.

Было решено также захватить и Петропавловскую крепость. Это было поручено лейб-гренадерскому полку, которым должен был командовать декабрист Булатов — друг Рылеева по кадетскому корпусу.

Как раз в то же время гренадеры-гвардейцы несли караулы в крепости. Их полк должен был под командованием полковника Булатова захватить Петропавловскую крепость — главный военный оплот царизма в Петербурге, превратить ее в революционную цитадель декабристского восстания.

Кроме того, Рылеев просил декабриста Каховского рано утром 14 декабря, переодевшись в лейб-гренадерский мундир, проникнуть в Зимний дворец и, совершая как бы самостоятельный террористический акт, убить Николая. Это облегчило бы действия восставших: «Открой нам путь»,— говорил Рылеев Каховскому. Тот сначала было согласился, но потом, обдумав положение, не захотел быть террористом-одиночкой, действующим якобы вне планов общества, и рано утром отказался от этого поручения.

Через час после отказа Каховского к Александру Бестужеву приехал Якубович и отказался вести матросов и измайловцев на Зимний дворец. Он боялся, что в схватке матросы убьют Николая и его родственников и вместо ареста царской семьи получится цареубийство. Этого Якубович не хотел брать на себя и предпочел отказаться. Тем самым резко нарушался принятый план действий, и положение осложнялось. Задуманный план начал рушиться еще до рассвета. Но медлить было нельзя: рассвет наступал.

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. В ПЕТЕРБУРГЕ

14 декабря офицеры — члены тайного общества еще затемно были в казармах и вели агитацию среди солдат.

С горячей речью выступил перед солдатами Московского полка Александр Бестужев. «Я говорил сильно, меня слушали жадно»,— вспоминал он позже. От присяги по-

вому царю солдаты отказались и приняли решение идти на Сенатскую площадь. Полковой командир Московского полка барон Фредерикс хотел было помешать выходу из казарм восставших солдат — и упал с разрубленной головой под ударом сабли офицера Щепина-Ростовского. Был ранен и полковник Хвощинский, желавший остановить солдат. С развевающимся полковым знаменем, взяв боевые патроны и зарядив ружья, солдаты Московского полка первыми пришли на Сенатскую площадь. Во главе этих первых в истории России революционных войск шел штабс-капитан лейб-гвардии драгунского полка Александр Бестужев. Вместе с ним во главе полка шли его брат, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Михаил Бестужев и штабс-капитан того же полка Дмитрий Щепин-Ростовский.

Полк построился в боевом порядке в форме каре около памятника Петру I. Каре (боевой четырехугольник) было проверенным и оправдавшим себя боевым построением, обеспечивавшим как оборону, так и нападение на противника с четырех сторон. Было 11 часов утра. К восставшим подскакал петербургский генерал-губернатор Милорадович, стал уговаривать солдат разойтись, клялся в том, что присяга Николаю правильна, вынимал шпагу, подаренную ему цесаревичем Константином с надписью: «Другу моему Милорадовичу», напоминал о битвах 1812 г. Момент был очень опасен: полк пока был в одиночестве, другие полки еще не подходили, герой 1812 г. Милорадович был широко популярен и умел говорить с солдатами. Только что начавшемуся восстанию грозила большая опасность. Милорадович мог сильно поколебать солдат и добиться успеха. Нужно было во что бы то ни стало прервать его агитацию, удалить его с площади. Но, несмотря на требования декабристов, Милорадович не отъезжал и продолжал уговоры. Тогда начальник штаба восставших декабрист Оболенский штыком повернул его лошадь, ранив графа в бедро, а пуля, в этот же момент пущенная Каховским, смертельно ранила генерала. Опасность, нависшая над восстанием, была отражена.

Избранная для обращения к Сенату делегация — Рылеев и Пущин — еще рано утром отправилась к Трубецкому, который перед этим сам заходил к Рылееву. Выяснилось, что Сенат уже присягнул и сенаторы разъехались. Оказалось, что восставшие войска собрались перед

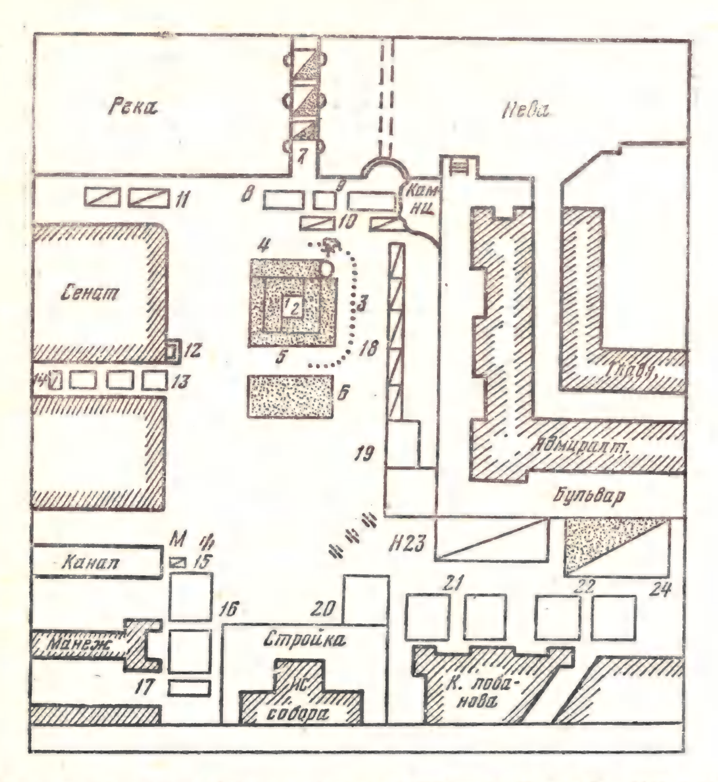

Схема расположения войск на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. (по Г. С. Габаеву)

Восставшие (около 3.000 чел. пехоты): ***Каре А. Бестужева*** **— Л.-гв. Московск. полк (671 чел.). 1. Фас М. Бестужева (2½ роты); 2. Фас кн. Щепина (2 роты); 3. Цепь кн. Е. Оболенского (около 40 чел.); Л-гв. Гренад. п. (около 1.250 чел.); 4. Фас Сутгофа (1 рота); 5. Фасы Панова (1 бат. — 4 роты).** ***Колонна Н. Бестужева*** **— Гвард. экипаж — около 1100 чел. 6. 1 бат. (8 рот и арт. команда).**

Нейтральные (около 500 чел. пехоты): 7. Л.-гв. Финлянд. п. бар. Розена (2½ роты).

Правительственные войска (пехота — ок. 9.000 чел., кавалерия около 3.000 чел. и артиллерия — 36 орудий): 8. Л.-гв. Преображ. полк 1 рота; 9. Л.-гв. Финлянд. полк 1½ роты; 10. Л.-гв. Конного полка (2 эск.); 11. Л.-гв. 1-го Конно-пион. 1¾ эск.; 12. Л.-гв. Финлянд. п. караул (около 25 чел.); 13. Л.-гв. Павловск. п. сводн. бат. (3 роты); 14. 1-го Конно-пион. ¼ эск.; 15. Кавалерг. п. ¼ эск.; 16. Л.-гв. Семеновск. п. 2 бат. (8 рот); 17. Л.-гв. Гренад. п. св. рота (137 чел.); 18. Л.-гв. Конного п. 5 эск.; 19. Л.-гв. Преображ. п. (1¾ бат.— 7 рот); 20. Л.-гв. Московск. п. св. бат. (641 чел.); 21. Л.-гв. Измайловск. п. 2 бат. (8 рот); 22. Л.-гв. Егерск. п. 2 бат.; 23. Кавалерг. п. 6¾ эск.; 24. Л.-гв. 1 арт. бриг. 2⅔ роты — 32 оруд.

пустым Сенатом. Таким образом, первая цель восстания не была достигнута. Это была тяжелая неудача. От плана откалывалось еще одно задуманное звено. Теперь предстоял захват Зимнего дворца и Петропавловской крепости.

О чем именно говорили Рылеев и Пущин в это последнее свидание с Трубецким — неизвестно, но, очевидно, они договорились о каком-то новом плане действий и, придя затем на площадь, принесли вместе с собой уверенность, что Трубецкой сейчас придет туда же, на площадь, и приступит к командованию. Все нетерпеливо ждали Трубецкого.

Но диктатора все не было. Трубецкой изменил восстанию. На площади складывалась обстановка, требовавшая решительных действий, а на них-то и не решался Трубецкой. Он сидел, терзаясь, в канцелярии Генерального штаба, выходил, выглядывал из-за угла, много ли собралось войска на площади, прятался вновь. Рылеев искал его повсюду, но не мог найти. Кто же мог догадаться, что диктатор восстания сидит в царском Генеральном штабе? Члены тайного общества, избравшие Трубецкого диктатором и доверявшие ему, не могли понять причины его отсутствия и думали, что его задерживают какие-то причины, важные для восстания. Хрупкая дворянская революционность Трубецкого легко надломилась, когда пришел час решительных действий.

Вождь, изменивший делу революции в самый решительный момент, конечно, является в некоторой мере (но лишь в некоторой!) выразителем классовой ограниченности дворянской революционности. Но все же неявка избранного диктатора на площадь к войскам в часы восстания — случай беспрецедентный в истории революционного движения. Диктатор предал этим и идею восстания, и товарищей по тайному обществу, и пошедшие за ними войска. Эта неявка сыграла значительную роль в поражении восстания.

Восставшие долго выжидали. Солдатские ружья стреляли «сами». Несколько атак, предпринятых по приказу Николая конной гвардией на каре восставших, были отбиты беглым ружейным огнем. Заградительная цепь, выделенная из каре восставших, разоружала царских полицейских. Этим же занималась и «чернь», находившаяся на площади (палаш одного разоруженного жандарма был

передан брату А. С. Пушкина Льву Сергеевичу, который пришел на площадь и присоединился к восставшим).

За оградой строившегося Исаакиевского собора располагались жилища строительных рабочих, для которых было заготовлено много дров на зиму. Поселок в народе называли «исаакиевской деревней», оттуда и летело в царя и его свиту немало камней и поленьев [1].

Мы видим, что войска были не единственной живой силой восстания 14 декабря: на Сенатской площади в этот день был еще один участник событий — огромные толпы народа.

Общеизвестны слова Герцена — «декабристам на Сенатской площади не хватало народа». Понимать эти слова надо не в том смысле, что народа вообще не было на площади,— народ был, а в том, что декабристы не сумели опереться на народ, сделать его активной силой восстания.

В течение всего междуцарствия на улицах Петербурга было оживленнее обычного. Особенно это было заметно в воскресенье 13 декабря, когда прошел слух о новой присяге, о новом императоре и отречении Константина. В день восстания, еще затемно, народ стал скопляться то тут, то там у ворот казарм гвардейских полков, привлеченный толками о готовящейся присяге, а возможно, и широко распространившимися слухами о каких-то льготах и облегчениях для народа, которые сейчас объявят при присяге. Слухи эти, несомненно, шли и от прямой агитации декабристов. Незадолго до восстания Николай Бестужев с товарищами ночью объезжал военные караулы у казарм и говорил часовым, что скоро отменят крепостное право и уменьшат срок солдатской службы. Солдаты жадно слушали декабристов.

Любопытно впечатление современника о том, как «пусто» в этот момент было в прочих частях Петербурга: «Чем далее отходил я от Адмиралтейства, тем менее встречал народа; казалось, что все сбежались на площадь, оставив дома свои пустыми». Очевидец, фамилия которого осталась неизвестной, рассказывал: «Весь Петербург стекался на площадь, и первая адмиралтейская

---

[1] По последним архивным данным, полученным Г. С. Габаевым, стройка Исаакиевского собора занимала бо́льшую площадь, чем показано на схематической карте (см. с. 110) и сужала поле действий войск.

часть вмещала в себе до 150 тысяч человек, знакомые и незнакомые, приятели и враги забывали свои личности и собирались в кружки, рассуждали о предмете, поразившем их взоры» [2].

Надо отметить поразительное единодушие первоисточников, говорящих об огромном скоплении народа.

Преобладало «простонародье», «черная кость» — ремесленники, рабочие, мастеровые, крестьяне, приехавшие к барам в столицу, мужики, отпущенные на оброк, «люди рабочие и разночинцы», были купцы, мелкие чиновники, ученики средних школ, кадетских корпусов, подмастерья... Образовались два «кольца» народа. Первое состояло из пришедших пораньше, оно окружало каре восставших. Второе образовалось из пришедших позже — их жандармы уже не пускали на площадь к восставшим, и «опоздавший» народ толпился сзади царских войск, окруживших мятежное каре. Из этих пришедших «позже» и образовалось второе кольцо, окружившее правительственные войска. Заметив это, Николай, как видно из его дневника, понял опасность этого окружения. Оно грозило большими осложнениями.

Основным настроением этой огромной массы, которая, по свидетельствам современников, исчислялась десятками тысяч человек, было сочувствие восставшим.

Николай сомневался в своем успехе, «видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится». Он распорядился заготовить экипажи для членов царской семьи с намерением «выпроводить» их под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Николай считал Зимний дворец ненадежным местом и предвидел возможность сильного расширения восстания в столице. О том же говорило поручение охраны дворца саперам: очевидно, при охране Зимнего царю мерещились даже какие-то наспех возведенные укрепления для батарей. Николай еще яснее выразил эти настроения, записав, что в случае кровопролития под окнами дворца «участь бы наша была более чем сомнительна». И позже Николай много раз говорил своему брату Михаилу: «Самое удиви-

---

[2] *Телешев И. Я.* 14 декабря 1825 г. в С.-Петербурге.— Красный архив, 1925, т. 6 (13), с. 287; Рассказ очевидца о 14 декабря.— В кн.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. М., 1899, ч. 5, с. 244.

тельное в этой истории — это то, что нас с тобой тогда не пристрелили». В этих словах мало оптимистической оценки общего положения. Надо признать, что в этом случае историк должен полностью согласиться с Николаем.

В этих условиях Николай и прибег к посылке для переговоров с восставшими митрополита Серафима и киевского митрополита Евгения. Оба уже находились в Зимнем дворце для благодарственного молебна по случаю присяги Николаю. Но молебен пришлось отложить: было не до молебна. Мысль послать митрополитов для переговоров с восставшими пришла Николаю в голову как способ пояснить законность присяги ему, а не Константину через духовных лиц, авторитетных в делах присяги, «архипастырей». Казалось, кому лучше знать о правильности присяги, как не митрополитам? Решение ухватиться за эту соломинку укрепилось у Николая тревожными вестями: ему сообщили, что из казарм выходят лейб-гренадеры и гвардейский морской экипаж для присоединения к «мятежникам». Если бы митрополиты успели уговорить восставших разойтись, то новые полки, пришедшие на помощь восставшим, нашли бы уже основной стержень восстания надломленным и сами могли бы выдохнуться.

Вид приближающейся духовной делегации был довольно внушителен. Узорчатый зеленый и пунцовый бархат облачений на фоне белого снега, сверкание бриллиантов и золота на панагиях, высоких митрах и поднятых крестах, два сопровождающих дьякона в пышных, сверкающих парчой стихарях, надетых для торжественного придворного богослужения,— все это должно было приковать к себе внимание солдат.

Но в ответ на речь митрополита о законности требуемой присяги и ужасах пролития братской крови «мятежные» солдаты стали кричать ему из рядов, по авторитетному свидетельству дьякона Прохора Иванова: «Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул... Ты — изменник, ты дезертир, николаевский калугер. Не верим вам, пойдите прочь!.. Это дело не ваше: мы знаем, что делаем...»

Внезапно митрополиты ринулись бегом влево, скрылись в проломе загородки Исаакиевского собора, наняли простых извозчиков (в то время, как справа, ближе к

Неве, их ждала дворцовая карета) и объездом вернулись в Зимний дворец. Почему произошло это внезапное бегство священнослужителей? К восставшим подходило огромное подкрепление. Справа, по льду Невы, поднимался, пробиваясь с оружием в руках через войска царского окружения, отряд восставших лейб-гренадер. С другой стороны вступали на площадь ряды моряков — гвардейский морской экипаж. Это было крупнейшим событием в лагере восстания: его силы сразу увеличивались более чем вчетверо.

«Гвардейский экипаж, следовавший на Петровскую площадь, встречен был лейб-гвардии Московским полком с восклицаниями «ура!», на что гвардейский экипаж ему ответствовал, что повторялось на площади несколько раз», — показывает Михаил Кюхельбекер.

Таким образом, порядок прибытия восставших полков на площадь был следующий: первым пришел лейб-гвардии Московский полк с декабристом Александром Бестужевым и его братом Михаилом Бестужевым во главе. За ним (значительно позже) — отряд лейб-гренадер — 1-я фузилерная рота декабриста Сутгофа со своим командиром во главе; далее — гвардейский морской экипаж под командой декабриста капитан-лейтенанта Николая Бестужева (старшего брата Александра и Михаила) и декабриста лейтенанта Арбузова. Вслед за гвардейским экипажем вступили на площадь последние участники восстания — остальная, наиболее значительная часть лейб-гренадер, приведенная декабристом поручиком Пановым. Рота Сутгофа примкнула к каре, а матросы построились со стороны Галерной другим воинским построением — «колонной к атаке». Пришедшие позже лейб-гренадеры под командой Панова составили отдельное, третье на Сенатской площади, построение — вторую «колонну к атаке», расположенную на левом фланге восставших, ближе к Неве. На площади собралось около трех тысяч восставших солдат при 30 офицерах-декабристах — строевых начальниках. Все восставшие войска были с оружием и при боевых патронах.

Артиллерии у восставших не было. Все восставшие были пехотинцами.

За час до конца восстания декабристы выбрали нового «диктатора» — князя Оболенского, начальника штаба восстания. Он трижды пытался созвать военный совет,

но было уже поздно: Николай успел взять инициативу в свои руки и сосредоточить на площади против восставших вчетверо бóльшие воинские силы, причем в его войсках были кавалерия и артиллерия, которыми не располагали декабристы. В распоряжении Николая было 36 артиллерийских орудий. Восставшие, как уже сказано, были окружены правительственными войсками со всех сторон.

Короткий зимний день клонился к вечеру. «Пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте»,— вспоминали потом декабристы. Наступали ранние петербургские сумерки. Уже было 3 часа дня, и стало заметно темнеть. Николай боялся наступления темноты. В темноте народ, скопившийся на площади, повел бы себя активнее. Из рядов войск, стоявших на стороне императора, начались перебежки к восставшим. Делегаты от некоторых полков, стоявших на стороне Николая, уже пробирались к декабристам и просили их «продержаться до вечера». Более всего Николай боялся, как позже сам записал в своем дневнике, чтобы «волнение не сообщилось черни».

Николай дал приказ стрелять картечью.

Команда раздалась, но выстрела не последовало. Канонир, зажегший фитиль, не вложил его в пушку. «Свои, ваше благородие»,— тихо ответил он набросившемуся на него офицеру. Офицер Бакунин выхватил запал из рук солдата и выстрелил сам. Первый залп картечью был дан выше солдатских рядов — именно по «черни», которая усеяла крышу Сената и соседних домов. На первый залп картечью восставшие отвечали ружейным огнем, но потом под градом картечи ряды дрогнули, заколебались — началось бегство, падали раненые и убитые. «В промежутках выстрелов можно было слышать, как кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом сама, алея, замерзала»,— писал позже декабрист Николай Бестужев. Царские пушки стреляли по толпе, бегущей вдоль Английской набережной и Галерной. Толпы восставших солдат бросились на невский лед, чтобы перебраться на Васильевский остров. Михаил Бестужев попытался на льду Невы вновь построить солдат в боевой порядок и идти в наступление. Войска построились. Но ядра ударялись о лед — лед раскалывался, многие тонули. Попытка Бестужева не удалась.

К ночи все было кончено. Царь и его клевреты всячески преуменьшали число убитых,— говорили о 80 трупах, иногда о сотне или двух. Но число жертв было гораздо значительнее — картечь на близком расстоянии косила людей. По приказу полиции кровь засыпали чистым снегом, спешно убирали убитых. Всюду ходили патрули. На площади горели костры, от полиции послали по домам с приказом, чтобы все ворота были на запоре. Петербург походил на город, завоеванный врагами.

Наибольшее доверие вызывает документ чиновника Министерства юстиции по статистическому отделению С. Н. Корсакова, опубликованный П. Я. Канном. В документе одиннадцать рубрик. Мы узнаем из них, что в день 14 декабря было «убито народа»: «генералов — 1, штаб-офицеров — 1, обер-офицеров разных полков — 17, нижних чинов лейб-гвардии Московского полка — 93, Гренадерского — 69, [морского] экипажа гвардии — 103, Конного — 17, во фраках и шинелях — 39, женска пола — 9, малолетних — 19, черни — 903. Общий итог убитых — 1271 человек»[3].

В это время на квартире Рылеева собрались декабристы. Это было их последнее собрание. Они договорились лишь о том, как держать себя на допросах... Отчаянию участников не было границ: гибель восстания была очевидна. Рылеев взял слово с декабриста Н. Н. Оржицкого, что он сейчас же отправится на Украину, чтобы предупредить Южное общество, что «Трубецкой и Якубович изменили»...

В ночь на 15 декабря в Зимний дворец начали свозить арестованных.

ЮЖНОЕ ВОССТАНИЕ (ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА)

Восстание 14 декабря послужило сигналом к восстанию на юге.

Южное общество и соединившееся с ним Славянское общество напряженно ожидали восстания. Южные декабристы узнали о смертельной болезни императора Алек-

[3] *Канн П. Я.* О числе жертв 14 декабря 1825 г.— История СССР, 1970, № 6, с. 115.

сандра I раньше, чем в Петербурге. Фельдъегери из Таганрога в Варшаву проезжали через южную станцию Умань и сообщили декабристу Волконскому, что император при смерти. Кроме того, южане раньше узнали и о доносах на тайное общество, поданных покойному императору. Было ясно, что в сложившейся обстановке междуцарствия обязательно произойдет выступление тайного общества. По принятому еще ранее решению, первым должен был выступать Петербург. И лишь после сигнала из Петербурга, при известии, что восстание в столице не разбито, а имеет хотя бы первый успех, должны были выступить южные войска. В обстановке междуцарствия Пестель и его товарищи напряженно ждали вестей с севера. Но вести не приходили. Было решено, что Пестель и Барятинский при первом известии о столичном восстании выедут в Петербург и восстание на юге пойдет под руководством Сергея Муравьева-Апостола. Сведения о доносах заставляли предполагать возможность арестов. Сергей Муравьев-Апостол стоял на той точке зрения, что начало арестов само по себе является сигналом к восстанию. «Если хотя бы один член будет взят, я начинаю дело»,— писал Сергей Муравьев-Апостол Пестелю.

Ожидая событий, Пестель позаботился о сохранности «Русской Правды»: ее укрыли в местечке Немирове, у майора Мартынова, затем в Кирнасовке, у братьев Бобрищевых-Пушкиных и Заикина. Конституционный проект должен был понадобиться: его, по планам декабристов, надо было публиковать во всеобщее сведение в начале восстания и поэтому надо было сохранить его любой ценой.

В этот напряженный момент «Русскую Правду» приходилось не только скрывать от правительства, но и беречь от представителей правого течения. Охладевший к обществу Юшневский настойчиво требовал уничтожения «Русской Правды». «Я важную вещь имею вам сообщить,— говорил спешно прискакавший от него в Кирнасовку доктор Вольф,— скорее велите сжечь бумаги Пестеля»[1]. Но Бобрищевы-Пушкины решили, что «крайней опасности еще нет»[2], и отказались уничтожить ру-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 422, л. 19 об. (показания Бобрищева-Пушкина 1-го).
[2] Там же.

копись; однако для успокоения Юшневского и его сторонников распустили слух, что уже сожгли «Русскую Правду». Ночью они зарыли ее недалеко от Кирнасовки «под берег придорожной канавы». Она была вырыта лишь в 1826 г. во время следствия над декабристами.

Но весть о столичном восстании все не приходила. Напряженность ожидания возрастала. И именно в этот момент в жизни Южного тайного общества произошло неожиданное событие, подорвавшее его планы. Начальство вытребовало Пестеля из Линцов в Тульчин, где находился штаб II армии. Хотя приказ предписывал явку в Тульчин всем полковым командирам, Пестель и друг его Лорер, не покидавший его в те дни, чувствовали что-то недоброе. «Чуя приближающуюся грозу, но не быв уверены совершенно в нашей гибели, мы долго доискивались в этот вечер какой-нибудь задней мысли, дурно скрытого намека в приказе по корпусу, но ничего не нашли особенного, разве то, что имя Пестеля было повторено в нем 3 раза»,— пишет в своих «Записках» декабрист Лорер. Пестель решил не ехать и сказал бригадному командиру: «Я не еду, я болен... Скажите Киселеву, что я очень нездоров и не могу явиться» (Пестель действительно был нездоров в тот момент). В эту тревожную ночь на 13 декабря Пестель то принимал, то вновь отбрасывал какое-то решение. В нем шла глухая внутренняя борьба. Только Лорер ушел от Пестеля, узнав о его решении не ехать в Тульчин, как к нему спешно — уже ночью — прибежал «пестелев человек» с известием, что полковник опять передумал и в Тульчин едет. «Не постигая таких быстрых перемен, я наскоро оделся и побежал к полковнику... Он был уже одет по-дорожному и коляска его стояла у крыльца... «Я еду... Что будет, то будет»,— встретил он меня...» [3]

Решив ехать, Пестель взял с собой яд. В протоколе следственного комитета записано: «Яд взял он с собой для того, чтобы, приняв оный, спасти себя насильственной смертью от пытки, которой опасался».

Видимо, Пестель обдумывал вопрос о сигнале к восстанию. Отказ ехать в Тульчин был бы открытым вызовом штабу, был бы равносилен даче сигнала. Но было еще рано. Во-первых, предположения об аресте могли

[3] Записки декабриста Н. И. Лорера, с. 83—84.

оказаться неосновательными. Во-вторых, вестей из Петербурга еще не приходило. Пестель предупредил Лорера, что, может быть, пришлет ему с дороги записку, и попрощался с ним. «...Мы обнялись, я проводил его до коляски и, встревоженный, возвратился в комнату... Свечи еще горели... Кругом была мертвая тишина. Только гул колес отъехавшего экипажа дрожал в воздухе» [4].

13 декабря при въезде на Тульчинскую заставу Пестелю передали приказ дежурного генерала II армии Байкова немедленно явиться к нему. Пестель повиновался. Байков объявил его арестованным и поместил у себя на квартире, приставив караул. По случаю болезни к нему допустили доктора Шлегеля — члена тайного общества. На квартире Байкова виделся с ним и Волконский. «Не падайте духом»,— сказал он Пестелю по-французски (Байков не понимал французского языка). «Будь спокоен, я ни в чем не сознаюсь, хотя бы в кусочки меня изорвали,— спасайте только «Русскую Правду»,— отвечал ему Пестель» [5].

Пестеля не сразу отвезли в Петербург, он оставался на юге под арестом до 26 декабря — 14 дней. Все это время на вопросы следствия он отвечал полным отрицанием, утверждая свою непричастность к какому бы то ни было тайному обществу.

Почему Пестель не отдал приказа о начале выступления? Он мог это сделать.

На этот вопрос ответить трудно. Правдоподобнее всего такой ответ: сначала он не отдал приказа о восстании, потому что ждал вести о начале восстания в Петербурге. Лишь 23 декабря Пестель, уже будучи под арестом, узнал о восстании 14 декабря. Но это была весть не о начале восстания, а о поражении восстания. Пестель всегда считал, что восстание на юге не имеет самостоятельного значения. Оно было нужно только для поддержки восстания в столице. Брать в руки власть можно только в Петербурге. Восстания на местах имели, по его мнению, значение лишь как поддержка восстания в центре. Но поддерживать было уже нечего. Восстание было разгромлено. Планы рухнули. Видимо,

---

[4] Записки декабриста Н. И. Лорера, с. 84.

[5] Восстание декабристов. М., 1953, т. 10, с. 138; ср.: с. 141 (дело С. Г. Волконского).

именно поэтому Пестель так и не отдал приказа о выступлении. Конечно, ему нужна была весть не просто о победившем восстании, а хотя бы о начавшемся и продолжающемся, еще не побежденном восстании. Но крах восстания был для него ясен.

26 декабря Пестеля увезли в Петербург.

Самыми деятельными членами Южного общества, в руках которых после ареста Пестеля оставалось большое число организационных нитей, были руководители Васильковской управы — Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Членам тайного общества было необходимо послать в столицу своего гонца для связи в столь ответственный момент. Сергей Муравьев-Апостол со своим братом Матвеем выехали 24 декабря из Василькова в Житомир к корпусному командиру генералу Роту под предлогом поздравления его с праздником; настоящей же причиной была необходимость выхлопотать у корпусного командира отпуск другу Муравьева-Апостола — Бестужеву-Рюмину, поручику Полтавского полка, стоявшего в тот момент в Бобруйске. Бестужев-Рюмин приехал для этого к Муравьеву-Апостолу в Васильков. Именно он намечался связным в столицу. Бывшим семеновским офицерам в армии отпусков не давали, и получить его для Бестужева Сергей Муравьев-Апостол надеялся только в порядке исключения (был и предлог: у Бестужева-Рюмина в Москве только что умерла мать, и ему нужно было повидаться с отцом). При въезде в Житомир Муравьевы-Апостолы узнали важнейшую для них весть: 14 декабря в Петербурге произошло восстание. Им сообщил об этом сенатский курьер, развозивший присяжные листы. Это известие было бы бесспорным сигналом к южному восстанию, если бы речь шла о восстании, еще не подавленном. Но курьер сообщал не вообще о восстании, а о разгроме восстания правительством Николая I.

Правда, Сергей Муравьев-Апостол и ранее всегда расходился с Пестелем в оценке места восстания. Он полагал, что начинать можно и не в столице, а в любом месте. Тем не менее в создавшейся обстановке сразу принять решение было трудно. Сергей Муравьев-Апостол колебался. Из Житомира оба брата поехали в Троянов, оттуда — в Любар к Артамону Муравьеву, члену Южного общества, командиру гусарского Ахтырского

полка, который давно обещал поднять свой полк первым в начале восстания. Кавалерийские войска были особенно нужны для восстания. Артиллерией Южное общество располагало: большинство «славян» были артиллеристами. Черниговский же полк был пехотным; кавалерийским прикрытием артиллерии должен был командовать Артамон Муравьев. Но разгром столичного восстания спутал все карты: большинство членов Южного общества стало отказываться от выступления. Предложение Муравьева-Апостола не встретило поддержки.

Тем временем в Василькове события приняли новый оборот.

25 декабря был день полкового праздника, совпадавший с рождеством; по этому случаю командир Черниговского полка Гебель давал бал. Среди многочисленных военных, чиновников и членов их семей на балу присутствовали и командиры 2-й и 3-й мушкетерских рот Черниговского полка — Соловьев и Щепило, решительные и жаждавшие действия члены Общества соединенных славян. Внезапно на балу появились два прискакавших во весь опор жандарма; они привезли Гебелю приказ об аресте и опечатании бумаг подполковника Сергея Муравьева-Апостола и его брата Матвея. Бумаги Сергея Муравьева были немедленно забраны при обыске у него на квартире, где в то время находился и Бестужев-Рюмин.

Сейчас же после обыска на квартиру Сергея Муравьева пришли узнавшие о приезде жандармов члены Общества соединенных славян — офицеры Черниговского полка И. И. Сухинов, А. Д. Кузьмин, М. А. Щепило и В. Н. Соловьев. Они почувствовали, что настал момент неизбежного выступления, иного выхода они не видели. Первым решением «славян» было арестовать немедленно командира полка Гебеля, собрав для этого преданных солдат. Но по случаю рождества солдаты были отпущены и разбрелись по деревням; немедленно собрать их было невозможно. Решено было, что Бестужев-Рюмин помчится в Житомир, приложит все усилия, чтобы обогнать поскакавших туда с Гебелем жандармских офицеров, и предупредит Сергея Муравьева-Апостола об обыске и грозящем аресте. «Славяне» же в это время взялись подготовить восстание. С их стороны не было по этому вопросу никаких колебаний: они всегда стояли на точке зрения

целесообразности восстания даже при условии разгрома выступления тайного общества в столице. «Славяне» предполагали, что, подняв восстание в военных частях, состоявших под их командой, и в частях, находившихся под командой членов Южного общества, можно будет захватить Киев. Испанская революция тоже началась на окраине государства. Сдаваться без боя «славяне» не хотели и, по-видимому, надеялись, что выступление на Украине еще может оказаться призывом к новому восстанию. По свидетельству «Записок» Общества соединенных славян, мысль о восстании подало «славянам» именно «известие о неудачном происшествии 14 декабря в Петербурге: зная несчастные следствия оного, они хотели произвести новое восстание на юге и тем спасти тайное общество от конечной гибели».

Действительно, Бестужеву-Рюмину удалось обогнать жандармов, настичь С. Муравьева-Апостола с братом в Любаре у Артамона Муравьева и сообщить им о готовящемся аресте.

27 декабря братья Муравьевы выехали из Любара на Паволочь. Сергей Муравьев, по собственному признанию, хотел доехать до своего полка и, «скрывшись там, узнать все обстоятельства... и по сим известиям решаться уже на что-нибудь».

Доехав до деревни Трилес, где находилась квартира командовавшего 5-й ротой Черниговского полка поручика Кузьмина (члена Общества соединенных славян), братья остановились. Бестужев-Рюмин направился в соседний Алексопольский полк, на который имел большое влияние бывший командир, находившийся еще при полку, Повало-Швейковский, член Южного общества, обещавший оказать решительную поддержку восстанию. Из Трилес в тот же вечер С. Муравьев-Апостол послал в Васильков записку членам Общества соединенных славян — Кузьмину, Соловьеву и Щепило с просьбой приехать немедленно в Трилесы и обсудить положение.

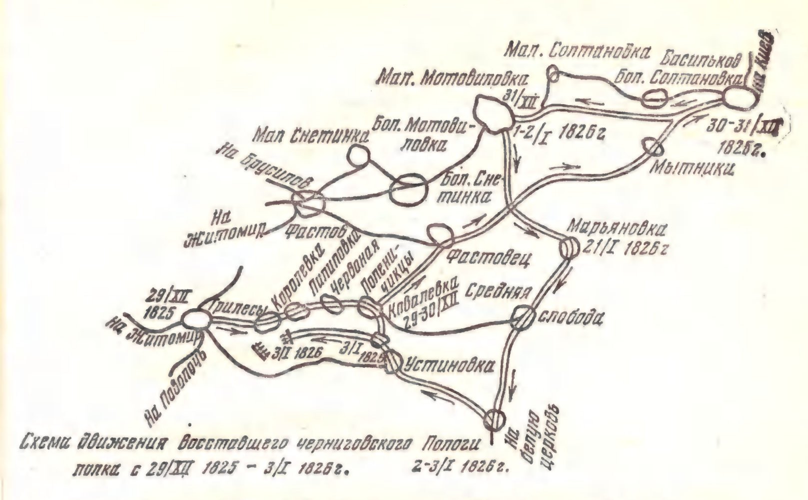
Гебель с жандармами мчался между тем по следам Муравьевых-Апостолов, не находя их ни в Житомире, ни в Любаре. По дороге он съехался с жандармом Лангом, имевшим приказ арестовать Бестужева-Рюмина. Остановившись в Трилесах, Гебель пошел на квартиру поручика Кузьмина погреться и узнать, не проезжали ли здесь Муравьевы, и... застал там обоих Муравьевых. Они не

оказали сопротивления при аресте, сдали оружие. Наступало утро.

Черниговские офицеры, твердо и без колебаний решившие начать восстание, предполагали, что оно не ограничится только Черниговским полком; они немедленно решили поднять и окрестные полки, которыми командовали члены Южного общества. С этой целью они послали из Василькова гонца для извещения этих полков о начале восстания; гонцом был избран член Общества соединенных славян Андреевич 2-й. Узнав о восстании в Петербурге, он сам приехал 26 декабря в Васильков из Киева, где состоял при арсенале, и отправился сразу в Радомысль — к члену тайного общества полковнику Повало-Швейковскому — поднимать на восстание Алексопольский полк.

Тем временем, получив записку С. Муравьева, все четыре члена Общества соединенных славян — Кузьмин, Щепило, Сухинов и Соловьев — бросились в Трилесы. Они быстро заручились согласием стоявших в карауле солдат освободить арестованных Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов. Нет сомнения, что «караул» был распропагандирован ими раньше. С помощью караульных солдат они с оружием в руках освободили из-под ареста Муравьевых, ранили Гебеля. В этих условиях Сергей Муравьев, освобожденный из-под ареста, принял решение начать восстание. Дата его начала — утро 29 декабря 1825 г.

Маршрут восстания сложился следующим образом: первой восстала 5-я рота Черниговского полка, стоявшая в Трилесах. Вечером того же 29 декабря она пришла в деревню Ковалевку, где соединилась с другой ротой того же полка — 2-й гренадерской. Ранним утром 30 декабря С. Муравьев-Апостол во главе двух рот вступил в Васильков, где к нему присоединились другие роты Черниговского полка. Полк оказался, таким образом, почти весь в сборе. Из Василькова 31 декабря после полудня восставшие войска двинулись в деревню Мотовиловку, куда пришли к вечеру. 1 января в Мотовиловке полку была объявлена дневка. Это вызвало недовольство солдат, требовавших быстрых действий. Из Мотовиловки восставшие двинулись на Белую Церковь, но, не доходя до нее, остановились в селении Пологи, откуда еще раз, резко переменив маршрут, стали дви-

Схематическая карта движения восставшего Черниговского полка

гаться к Трилесам и, пройдя деревню Ковалевку, не дойдя до Трилес, встретили отряд генерала Гейсмара, который их разбил. Таков маршрут восстания. Если взглянуть на карту местности, видно, что этот маршрут имеет приблизительную форму восьмерки. Этот зигзаг становится понятен, если с помощью документов вникнуть в мотивы изменения маршрутов. Все движение восстания состоит из осколков начатых и брошенных маршрутов, изучение которых раскрывает надежду на присоединение новых полков (что было характерно и для 14 декабря) и борьбу противоречий во внутренней жизни восстания.

Движение из Трилес в Васильков было целесообразным и неизбежным: там стояла основная масса полка. Днем 30 декабря 1825 г. авангард Черниговского полка под командой Сухинова вошел в Васильков. Оставшийся на стороне правительства майор Трухин (старший в Черниговском полку после Муравьева) бросился навстречу авангарду и «начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями», пишет мемуарист Общества соединенных славян, но, «когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в середину колонны. Мгновенно изчезло миролюбие солдат. Они бросились на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, ра-

сорвали на нем в клочья мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями». Подоспевший С. Муравьев приказал арестовать майора Трухина. Восставшие захватили город Васильков. Приехавший из Белой Церкви подпоручик Вадковский (из 17-го егерского полка) обещал С. Муравьеву поднять на восстание если не весь полк, то, по крайней мере, батальон и с этим намерением отправился в Белую Церковь, но был арестован при въезде на заставу.

Полк собрался на площади. Полковые знамена, полковая казна — все было в руках восставших. «Собравшиеся роты были построены в густую колонну,— рассказывается в «Записках» славян.— Подошедши к ней, Муравьев приветствовал солдат и в коротких словах изложил им цель восстания... представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторг был всеобщий; офицеры и солдаты изъявили готовность следовать всюду, куда поведет их любимый и уважаемый начальник».

Подъем духа достиг в Василькове особенно высокой точки. С. Муравьев позвал полкового священника Даниила Кейзера, и тот по его поручению прочел перед полком сочиненный С. Муравьевым революционный политический катехизис, который, по словам «славян», «состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятиям каждого».

В революционном движении того времени (например, испанском) была распространена подобная «катехизисная» форма прокламаций, составленная из вопросов и ответов.

«Катехизис» Муравьева дошел до нас. Вот некоторые его вопросы и ответы:

«Вопрос: Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ: Такое, где нет царей. Бог создал нас всех равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос: Стало быть, бог не любит царей?

Ответ: Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа.

Вопрос: Отчего же упоминают о царях в церквах?

Ответ: От нечестивого приказания их самих, для обмана народа» [6].

---

[6] Восстание декабристов. М.; Л., 1929, т. 6, с. 128—129.

Но уже в Василькове проявилась борьба двух направлений в руководстве восстанием: штаб восстания состоял из четырех офицеров-«славян» (Сухинова, Щепило, Кузьмина и Соловьева), с одной стороны, и Сергея Муравьева-Апостола, его брата Матвея и Бестужева-Рюмина — с другой. «Славяне» стояли за немедленное, быстрое, решительное действие и за привлечение на сторону военного восстания крестьян. Муравьев-Апостол и его сторонники придерживались выжидательной тактики. С. Муравьев медлил, потому что ждал присоединения других восставших полков под командованием членов Южного общества. В Василькове славяне умоляли Муравьева немедленно идти на Киев: там были сочувствующие офицеры и распропагандированные «славянами» части (например, пропаганду среди рабочих арсенала вел Андреевич 2-й); этот план имел некоторые реальные основания. Но С. Муравьев не решился принять этот план и предпочел выжидать. Осколок замысла «славян» — идти на Киев — виден в небольшой уступке Муравьева: он послал в Киев офицера Мозалевского с записками к «верным людям» и с экземплярами цитированного выше революционного «катехизиса» для распространения в народе.

Позже (в 1861 г.) член Общества соединенных славян Горбачевский, который «всегда... жалел о проигранном» и этого никогда не мог забыть, писал из Сибири своему другу Михаилу Бестужеву: «[С.] Муравьев-Апостол заразился петербургскою медленностью... когда славяне отбили его и вырвали из когтей арестовавших его, эти же славяне упрашивали его и умоляли идти в один переход и упасть, как снег на голову, на Киев, и взять его; тем более, там была бригада в карауле, с готовыми членами тайного общества, ожидавшими его» [7].

Движение из Василькова на Мотовиловку имело своей целью Брусилов, место, которое С. Муравьев-Апостол, веря в присоединение других полков, полагал удобным сборным пунктом для восставших войск: в том же районе стояли Алексопольский полк и уже упомянутый гусарский Ахтырский, на которые С. Муравьев продолжал рассчитывать. В случае удачи Муравьев предполагал идти дальше, на Житомир, вокруг которого были расположены

---

[7] Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. М., 1925, с. 361.

воинские части под командой членов Общества соединенных славян. Но в Мотовиловке новые полки не присоединились. Положение становилось тревожным. Бестужев-Рюмин, посланный для связи с Алексопольским полком, принес самые неутешительные вести: член Южного общества Повало-Швейковский отказался принять участие в восстании. С. Муравьев переменил маршрут и направился на Белую Церковь, где стоял 17-й егерский полк, в котором был верный человек — член Южного общества офицер А. Ф. Вадковский, приезжавший во время восстания к Муравьеву в Васильков и обещавший поднять свой полк. Но Муравьев не знал, что при возвращении из Василькова в Белую Церковь Вадковский был арестован.

В Мотовиловке произошел резкий перелом настроения солдат, не понимавших смысла дневки во время восстания и тревожившихся за исход дела. Бегство ряда офицеров восставшего полка также произвело на солдат тяжелое впечатление. «Славяне» разделяли их волнение и недовольство, но всеми силами поддерживали дисциплину и единство в восстании.

В Мотовиловке декабристы имели случай убедиться в сочувствии крепостных крестьян. Восставший полк проходил по землям графини Браницкой, крупнейшей помещицы края. Крестьяне в ее селениях находились в самом бедственном положении. Слухи о цели восстания — отмене крепостного права — быстро распространялись по деревням; крестьяне приходили к Муравьеву, желали успеха. Некоторые из них шли в обозе восставшего полка.

«Славяне» вели агитацию среди крестьян, читали и объясняли им революционный «катехизис». Через некоторое время после восстания декабристов в том же районе развилось сильнейшее брожение в крестьянской массе, и связь между тем и другим, несомненно, была.

Подойдя к деревне Пологи, восставший полк остановился. По настоянию Сухинова была сделана рекогносцировка. Оказалось, что 17-го егерского полка в Белой Церкви уже нет: он двинулся совсем по иному маршруту — на Сквиру (начальство знало о противоправительственных настроениях в полку и поспешило удалить его от опасного места). Пришлось ухватиться за последний, уже совсем несбыточный план: идти на соединение со «славянами» к Житомиру. Но Житомир был в стратегическом смысле глухим углом, приход туда не сулил никаких перспектив.

Восставшие опять направились через Ковалевку к Трилесам — исходному пункту восстания.

Около Ковалевки Черниговский полк встретил отряд генерала Гейсмара, высланный правительством для усмирения восстания. С. Муравьев был уверен, что отряд перейдет на сторону восставших; уверенность эта передалась и солдатам. Но первые залпы картечи разрушили эту иллюзию. С. Муравьев был ранен в голову картечью. В последний момент вспыхнуло солдатское возмущение. «Обманщик!» — крикнул рядовой 1-й мушкетерской роты, бросаясь на С. Муравьева. Соловьев закрыл собой Муравьева и этим спас его.

На месте восстания остались убитые — в их числе крестьяне, шедшие за полком в его обозе, и три офицера. Со стороны правительственных войск убитых и раненых не было. Было арестовано 869 солдат и пять офицеров восставшего Черниговского полка. Брат Муравьева-Апостола Ипполит, только что прибывший из Петербурга вестником северного восстания, застрелился на поле боя. Щепило был убит. Сухинов бежал. Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были арестованы на поле боя с оружием в руках. Раненый Кузьмин скрыл в рукаве пистолет и застрелился в первой корчме, где остановился его конвой.

Члены Славянского общества пытались оказать всяческую поддержку восстанию. Всюду, где они были,— в Житомире, Новоград-Волынске, деревне Барановке, Кузьмине, Старо-Константиновке — они всеми силами стремились поднять восстание в других частях на помощь Черниговскому полку. Особенно много усилий приложили к этому Андрей и Петр Борисовы, Андреевич 2-й, Бечаснов, Иванов, но попытки их не дали результатов. Члены Южного общества — командиры полков — не соглашались выступать в создавшемся положении (ведь восстание в Петербурге было разгромлено! — они это знали). Попытки «славян» действовать через голову командиров не имели успеха: «славян»-офицеров никто не знал, и голос их не имел авторитета.

Попытка прапорщика С. Трусова, члена Славянского общества, поднять восстание в Полтавском полку — самое позднее по времени усилие «славян» осуществить революционный замысел; она относится уже к февралю 1826 г. Трусов действовал вместе с подпоручиком Полтавского

полка Емельяном Троцким. Во время смотра Трусов выбежал перед первым батальоном с обнаженной шашкой, крича солдатам: «Ребята! Бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость! У нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран!» Но на призыв никто не откликнулся. Оба участника были арестованы и заключены в Бобруйскую крепость.

СЛЕДСТВИЕ И «СУД» НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Сразу же после восстания на Сенатской площади, в ночь на 15 декабря в Петербурге начались аресты. Декабристов возили на допрос непосредственно к самому Николаю I в Зимний дворец, из которого, по меткому выражению декабриста Захара Чернышева, в эти дни «устроили съезжую». Николай сам выступал в роли следователя и допрашивал арестованных (в комнатах Эрмитажа). После допросов «государственных преступников» отсылали в Петропавловскую крепость, в большинстве случаев с личными записочками царя, где указывалось, в каких условиях должен содержаться данный арестант. Декабрист Якушкин был, например, прислан со следующей царской запиской: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея».

Следствие было сосредоточено не на идеологии декабристов, не на их политических требованиях, а на вопросе цареубийства.

Поведение декабристов на следствии было различно. Многие из них не проявили революционной стойкости, потеряли почву под ногами, каялись, плакали, выдавали товарищей. Но были случаи и личного геройства, отказа давать показания и выдавать заговорщиков. В числе стойких и державших себя с достоинством были Лунин, Якушкин, Андреевич 2-й, Петр Борисов, Усовский, Ю. Люблинский и другие. Пестель сначала отвечал на все вопросы полным отрицанием: «Не принадлежа к здесь упоминаемому обществу и ничего не знав о его существовании, тем еще менее могу сказать, к чему стремится истинная его цель и какие предполагало оно меры к достижению оной»,— отвечал он, например, на вопрос о це-

ли тайного общества[1]. Позже, многими выданный, он был вынужден давать подробные ответы.

«Я никем не был принят в число членов тайного общества, но сам присоединился к оному,— гордо отвечает следователям декабрист Лунин.— Открыть имена их [членов] почитаю противным моей совести, ибо должен бы был обнаружить Братьев и друзей»[2].

Замечательно одно место следственного дела Михаила Орлова. Даже под арестом, во время допросов, прорвалась у него внезапно мысль о том, что восстание могло бы победить при других обстоятельствах. На вопрос, почему он не выдал заговорщиков, хотя знал об их планах и даже в самое последнее время, Михаил Орлов ответил: «Теперь легко сказать: «Должно было донести», ибо все известно и преступление совершилось. Но тогда не позволительно ли мне было, по крайней мере, отложить на некоторое время донесение. *Но, к нещастию их, обстоятельства созрели прежде их замыслов* и вот отчего они пропали». Набранные курсивом слова Николай I дважды подчеркнул, а над словами «но к нещастию» поставил одиннадцать восклицательных знаков, причем справа, на полях около этого места поставил еще один, дополнительный — двенадцатый — восклицательный знак огромного размера[3].

Но вместе с тем многие следственные дела декабристов содержат многочисленные покаянные обращения к царю и членам комиссии, слезливые письма раскаявшихся «преступников», клятвы заслужить прощение. Почему так много членов общества не проявили стойкости? Ответ представляется ясным. За заключенными в Петропавловской крепости участниками восстания 14 декабря не стояло революционного класса. За стенами тюрьмы они не чувствовали опоры, и многие упали духом. В тюрьме происходили и случаи самоубийства (так, разбил себе голову о стену тюремной камеры декабрист Булатов). Заковывание «в железа» было формой физической пытки (других форм, по-видимому, не применяли), но не менее тяжелы были и моральные пытки — запугивание, обнадеживание, влияние на семью, угрозы смертной казни и пр.

---

[1] Восстание декабристов, т. 4, с. 47.
[2] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 115, 121.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 83, л. 24 об. (дело Михаила Орлова).

Царские власти были заинтересованы в широком оповещении дворянского общества о якобы «глубоком раскаянии» заключенных, признающих-де ошибочность выступления и восхваляющих милосердие царской власти. Между прочим, для этой цели широко распространялся через полицию и губернскую администрацию один документ, представлявший собой объединение трех писем — предсмертного письма Рылеева к жене, письма декабриста Оболенского к отцу и покаянного письма Якубовича, также к своему отцу. Все три письма распространялись правительством официальным путем: об этом ярко свидетельствует особое «дело» канцелярии петербургского гражданского губернатора, в котором эти покаянные письма аккуратно подшиты к официальным сообщениям о следствии и суде, выдержкам из сенатских ведомостей и пр.[4]

Во время следствия очень быстро — при первых же допросах — прозвучало имя А. С. Пушкина. Открылось, какое огромное значение имели для декабристов его стихи. Немало вольнодумных стихов — Рылеева, Языкова и других известных и безвестных поэтов — нашлось при обыске и было записано при допросах. Открылись неизвестные армейские поэты (Жуков и др.), сочинявшие стихи в подражание Пушкину и Рылееву.

Николай I особенно боялся стихов; они могли легко распространиться, их могли списать или запомнить наизусть даже писцы Следственной комиссии. Поэтому во время следствия царь отдал приказ, который никогда не забудет история русской литературы: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Приказ был выполнен, стихи были сожжены; среди них, вероятно, было много произведений, так и оставшихся нам не известными, немало и пушкинских стихов. Случайно уцелела запись лишь одного пушкинского стихотворения «Кинжал». Его записал на память по требованию следствия декабрист Громнитский (член Общества соединенных славян). Бестужев-Рюмин, показал он, «в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно... не менее вольнодумное. Вот оно...» Далее следовал записанный наизусть текст пушкинского «Кинжала». Его

---

[4] Государственный исторический архив Ленинградской области, д. 45-А, оп. 253, «Книга. Происшествие 14 декабря 1825 г.»,

не удалось «вынуть и сжечь» согласно царскому приказу: он расположился на двух смежных страницах показаний, обороты которых были заняты важными текстами допроса, не подлежавшими уничтожению. Тогда военный министр Татищев, председатель Следственной комиссии, все же нашел выход из положения: он густо зачеркнул текст пушкинских стихов, в начале и конце поставив «скрепу» следующего содержания: «С высочайшего соизволения вымарал военный министр Татищев» [5].

«В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу,— писал Жуковский поэту, томившемуся в ссылке в Михайловском.— Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» [6].

Никакого суда над декабристами в сущности не было. Пародия на суд происходила при закрытых дверях, в глубокой тайне. Вызываемым декабристам спешно предлагали засвидетельствовать их подписи под показаниями на следствии, после чего читали заранее заготовленный приговор и вызывали следующий «разряд». «Разве нас судили? — спрашивали потом декабристы.— А мы и не знали, что это был суд...»

Пятеро декабристов были поставлены «вне разрядов» и приговорены к четвертованию. Но Николай заменил четвертование повешением.

Выписка из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 г. гласила: «Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленным... Верховный Уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти приговорил: вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, сих преступников, за их тяжкие злодеяния, повесить» [7].

В ночь на 13 июля на кронверке Петропавловской крепости при свете костров устроили виселицу и рано утром вывели заключенных декабристов из крепости для совершения казни. На груди у приговоренных к повешению

[5] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 447, л. 19 и след. (дело И. И. Иванова).

[6] Письмо от 12 апреля 1826 г.— В кн.: *Пушкин А. С.* Сочинения. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1906, т. 1.

[7] Декабристы / Изд. В. М. Саблина. М., 1906, с. 107.

висели доски с надписью: «Цареубийца». Руки и ноги были у них закованы в тяжелые кандалы. Пестель был так изнурен, что не мог переступить высокого порога калитки,— стража вынуждена была приподнять его и перенести через порог.

Утро было мрачное и туманное. В некотором отдалении от места казни собралась толпа народа.

Начальник кронверка позже рассказывал: «Когда отняты были скамьи из-под ног, веревки оборвались и трое преступников... рухнули в яму, прошибив тяжестью своих тел и оков настланные над ней доски. Запасных веревок не было, их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, все было заперто, почему исполнение казни промедлилось. Однако операция была повторена и на этот раз совершилась удачно». К этому страшному рассказу можно добавить цинически лаконичное «всеподданнейшее донесение» санкт-петербургского генерал-губернатора Голенищева-Кутузова, где указаны имена сорвавшихся с виселицы: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев — сорвались, но вскоре были опять повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему величеству всеподданнейше доношу» [8].

Всех прочих заключенных декабристов вывели во двор крепости и разместили в два каре: в одно — принадлежавших к гвардейским полкам, в другое — прочих. Все приговоры сопровождались разжалованием, лишением чинов и дворянства: над осужденными ломали шпаги, срывали с них эполеты и мундиры и бросали в огонь пылающих костров.

Моряков-декабристов отвезли в Кронштадт и в то утро исполнили над ними приговор разжалования на флагманском корабле адмирала Кроуна. Мундиры и эполеты были с них сорваны и брошены в воду. «Можно сказать, что первое проявление либерализма старались истреблять всеми четырьмя стихиями — огнем, водою, воздухом и землею»,— пишет в своих воспоминаниях декабрист В. И. Штейнгель.

---

[8] Былое, 1906, № 3, с. 232.

Свыше 120 человек декабристов было сослано на разные сроки в Сибирь, на каторгу или поселение. Разжалованные в рядовые были сосланы на Кавказ. Были декабристы, побывавшие и в Сибири, и на Кавказе (Лорер, Одоевский и др.): по отбытии известного срока наказания в Сибири они в качестве «милости» были определены рядовыми в Кавказскую армию, где производились военные действия. Их посылали под пули.

К числу казненных надо прибавить насмерть запоротых солдат-декабристов, иные из которых были прогнаны сквозь строй 12 раз, т. е. получили 12 тысяч шпицрутенов. В числе этих солдат были рядовые Саратовского пехотного полка (из бывших семеновцев) Федор Николаевич Анойченко и Федор Николаев, солдаты Черниговского полка Алимпий Борисов и Прокопий Никитин, фельдфебель Черниговского полка Михей Шутов и другие.

Часть солдат-декабристов была прогнана сквозь строй меньшее количество раз, менее активные были лишены знаков отличия и сосланы на Кавказ; туда же был отправлен и весь штрафной Черниговский полк. Существовало мнение, что на каторгу в Сибирь солдаты — участники восстания не ссылались, но не так давно в сибирских архивах были отысканы документы, показывающие, что некоторые солдаты были сосланы в Сибирь, причем начальство принимало все меры, чтобы они не столкнулись там с сосланными декабристами.

СИБИРСКАЯ КАТОРГА И ССЫЛКА. ЗАГОВОР В ЗЕРЕНТУЙСКОМ РУДНИКЕ. ГЕРОИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА М. С. ЛУНИНА

О сибирском периоде жизни декабристов имеется богатая литература и огромное количество документального материала. Особенно богаты подробностями об этом периоде жизни декабристов их мемуары.

Отправка в Сибирь началась в июле 1826 г.; «преступники» препровождались туда большей частью в повозках, скованными, в сопровождении фельдъегерей. Каторжные работы отбывались сначала главным образом в Нерчинских рудниках. Сюда ко многим декабристам приехали их жены. Они не воспользовались разрешением

Николая I вторично выйти замуж и бросили ради мужей-декабристов свободную и обеспеченную дворянскую жизнь. Революционная традиция высоко чтит этих женщин. Памятником преклонения перед ними является поэма Некрасова «Русские женщины». Особо надо отметить Александру Григорьевну Муравьеву (жену Никиты Муравьева), взявшую на себя передачу декабристам революционного стихотворения Пушкина — послания декабристам в Сибирь.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье,—

писал Пушкин декабристам: он верил в правоту их дела. Все мы знаем эти революционные стихи наизусть. Смелая женщина, несмотря на большой риск, передала эти стихи декабристам. От имени декабристов Пушкину ответил декабрист Александр Одоевский. Рукой, закованной в цепи, он писал:

Но будь покоен, бард! Цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы,
Как встарь, смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

К осени 1827 г. всю каторжную «колонию» декабристов перевели в Читу. Но боязнь побега заставила правительство подумать о специальной тюрьме, где декабристы были бы изолированы и не могли бы найти сообщников для пугавшего правительство побега.

Однако в связи с этим необходимо сказать о таком событии, как заговор в Зерентуйском руднике. Он был организован в 1828 г. членом Общества соединенных славян И. Сухиновым, сыгравшим значительную роль в восстании Черниговского полка.

После восстания Сухинов бежал, долгое время скрывался, был арестован и сослан на каторгу. Вместе со своими товарищами Мозалевским и Соловьевым он отбывал

каторгу отдельно от других декабристов — в Зерентуйском руднике. На каторгу Сухинов принес самую жгучую ненависть к правительству: «Вредить правительству чем бы то ни было,— вспоминают о нем его близкие товарищи,— сделалось для него потребностью; освободить себя и всех было его любимой мыслью. Он жил только для того, чтобы до последней своей минуты быть вредным правительству. Любовь к Отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасла, но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему правительству». Сухинов составил план обширного заговора, имевшего целью освободить декабристов и всех остальных каторжан Нерчинского округа. Но он не искал среди самих декабристов союзников и помощников в выполнении своего замысла. Не надеясь на их поддержку, он стал вербовать сторонников из среды других каторжан, вероятно, в большинстве случаев крестьянского происхождения.

План заговора, по материалам следствия, был таков: решено было навербовать большую группу сторонников, затем в назначенный день и час поднять восстание — сначала в Зерентуйском руднике. Захват оружия был обязательным условием восстания. Товарищ Сухинова Соловьев рассказывал, что заговорщики, готовясь к выступлению, в лесу тайком «лили пули, делали патроны, которых более 1000 было сделано» [1]. Было решено в начале действий прежде всего напасть на цейхгауз, захватить солдатские ружья с патронами, затем идти «в казармы, где проживают рабочие», поднять их, разбить тюрьму, освободить «колодников», а тюремных чиновников самих «посадить в тюрьму и зажечь». Далее восстание должно было перекинуться на Нерчинские рудники.

Там также первым делом необходимо было захватить оружие — не только ружья, но и пушки; таков был план. Восставшие должны были дальше «проходить по заводам и рудникам, забирать в партию людей, с коими пройти свободно до читинского острога и, буде возможно, освободить из оного всех содержащихся там государственных преступников (т. е. декабристов.— *М. Н.*), с коими соединясь, сделать тогда особое распоряжение...» Восстание

---

[1] *Нечкина М.* Заговор в Зерентуйском руднике.— Красный архив, 1925, т. 6(13), с. 258—279.

было назначено на 25 мая 1828 г. в 10 часов вечера. Пунктом сбора было кладбище.

Но нашелся предатель — участник заговора ссыльный Алексей Казаков: он выдал рудничному начальству заговорщиков и их планы. Предательство было открыто. Казаков был убит заговорщиками, но было уже поздно.

Участники заговора были арестованы и предстали перед судом. Генерал Лепарский получил полномочия действовать по законам военного времени. На следствии Сухинов «ни в чем признания не учинил» и держался исключительно стойко. По приговору он должен был подвергнуться наказанию плетьми и клеймению лица раскаленным железом. Товарищи тайно оповестили его о приговоре. Сухинов в тюрьме дважды пытался отравиться, но оба раза насильственная врачебная помощь отдаляла смерть. Накануне казни, 1 декабря 1828 г. Сухинов повесился на ремнях, поддерживавших его цепи. Он прикрепил ремни к печной заслонке и задушил себя в лежачем положении.

Казнь над заговорщиками была одной из самых ужасных, которые видела Сибирь: одновременно производились расстрелы, наказания кнутом и плетьми, «подновление штемпельных на лице знаков». Ружья солдат были ветхи и испорчены; «преступники», раненные многими пулями, но все еще живые, были по приказанию начальства приколоты штыками. К смертной казни были приговорены шестеро: Иван Сухинов, Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Тимофей, не помнящий прозвания, и Василий Михайлов; избежал такой смертной казни лишь один Сухинов. Так погиб последний декабрист, носивший замысел вооруженного восстания и до конца своей жизни горевший желанием осуществить его.

Заговор в Зерентуйском руднике заставил правительство поторопиться с тюремным строительством. Местом для новой тюрьмы был выбран Петровский каторжный завод близ Иркутска, куда декабристы были переведены из Читы осенью 1830 г. Они должны были содержаться там в камерах без окон под бдительнейшим надзором не отходящих от них часовых.

Длительный переход на Петровский завод декабристы прошли пешком. На пути к ним пришла весть о революции 1830 г. во Франции. Они встретили это известие с восторгом.

Условия каторги были, конечно, очень тяжелы. Среди декабристов были случаи психических заболеваний.

Очень тяжелым оказалось и положение ссыльнопоселенцев: каторга в Сибири, вопреки предположениям правительства, оказалась чуть ли не более «легким» наказанием, чем поселение. Незнакомые с условиями сибирской жизни правительственные чиновники в Петербурге руководствовались при размещении ссыльнопоселенцев лишь географической картой. Между тем часто какой-нибудь заштатный «город», назначенный для поселения, фактически как город и в природе-то не существовал, а оказывался крохотным поселком из двух-трех юрт. Попавшие туда декабристы страдали от невозможно тяжелых условий жизни, голода, отсутствия медицинской помощи, невозможности найти работу.

В особенно трудном положении оказались те декабристы, которым родственники по бедности ничего не могли присылать и не могли хлопотать при дворе об улучшении их участи. Большинство этой группы составляли члены Общества соединенных славян. Им помогали их более обеспеченные товарищи по заключению, получавшие поддержку от семей. Вообще «славяне» держались на каторге несколько обособленно. Это подметил в своих «Записках» И. Якушкин. По его словам, славяне составляли особый кружок — «наиболее замечательный»; «...приглядевшись к ним поближе, можно было убедиться, что для каждого из них сказать и сделать было одно и то же и что в решительную минуту ни один из них не попятился бы назад». Огромным авторитетом среди «славян» продолжал пользоваться Петр Борисов, которому «славяне», по словам того же мемуариста, «оказывали почти безграничную доверенность». Когда в Сибирь пришла «монаршая милость» — разрешение снять с декабристов оковы, лишь члены Общества соединенных славян отказались от нее. Они гордились оковами. Конечно, тюремное начальство не приняло во внимание этого требования, и оковы были сняты со всех.

Декабрист Михаил Сергеевич Лунин и в Сибири повел с царизмом борьбу не на жизнь, а на смерть.

Под видом писем к своей сестре (в замужестве Уваровой) он развернул невероятно смелую противоправительственную пропаганду. В письмах он клеймил самодержавие, разоблачал его преступления. Он считал, что на

каторге борьба с царизмом не кончается, и смело продолжал ее один на один. Письма Лунина к сестре переписывались и распространялись по России в копиях. Лунин дал разоблачающую критику на «Донесение Следственной комиссии» — отчет следствия по делу декабристов. Рукопись сочинения Лунина «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год» попала в 1841 г. в руки III отделения; у Лунина был сделан внезапный обыск, он был арестован и заключен в страшную Акатуевскую тюрьму при Нерчинских горных заводах. Можно сказать, что смертная казнь Лунина была предрешена царизмом: в Акатуе были созданы такие условия, которых не мог бы вынести человек. Лунин погиб в 1845 г.

По делу Лунина (в 1842 г.) был арестован также член Общества соединенных славян Громнитский — секретарь, переписывавший сочинения Лунина, Громнитский был отдан под особый надзор местной полиции.

В 1856 г., после смерти Николая I, в связи с коронацией нового императора Александра II был издан манифест об амнистии декабристов и разрешении им возвратиться из Сибири. В живых декабристов оставалось только человек сорок — около ста человек уже погибли на каторге и в ссылке.

Многие декабристы возвратились, но некоторые остались в Сибири. Декабрист Горбачевский, например, и после этого разрешения остался на Петровском заводе: связи с европейской Россией были у него разорваны, родных там не осталось, а те, кто остался, уже были чужими людьми.

Возвратившись после амнистии в европейскую Россию, некоторые декабристы (например, Оболенский) приняли участие в крестьянской реформе 1861 г., оказавшись на стороне либерального помещичьего лагеря. Но были декабристы, резко отрицательно отнесшиеся к куцей крестьянской реформе, руководимой дворянами-крепостниками. В их числе был и только что упомянутый член Славянского общества И. Горбачевский. «Постепенность, переходное состояние, благоразумная медленность — все это для меня такая философия, которую я никогда не понимал,— писал он своему другу Оболенскому.— Помещикам сказать стоило бы только (крестьянам) — делайте, что хотите, слушайте, кого хотите, берите свое и что вам нужно и необходимо тоже, идите, куда хотите... управляйтесь сами, как знаете». Горбачевский предвидел неизбеж-

ность крестьянских восстаний в связи с реформой: «Струна была слишком натянута, чтобы пущенная стрела не пошла прямо к цели».

ИЗ ОТКЛИКОВ НА ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Как отразилось восстание декабристов в массовом движении их времени? Вопрос этот очень мало исследован. Но уже сейчас ясно, что восстание декабристов оказало известное влияние на массовое движение последующих лет.

Характерные факты находим мы, изучая крестьянское движение на Украине в 1826—1827 гг., развернувшееся в тех местах, где прошло восстание Черниговского полка. Оно имело самостоятельный характер, но важно, что среди восставших крестьян жила память о восстании Черниговского полка. Непосредственная связь крестьянского движения с событиями того времени была ясна даже царскому правительству, потратившему немало усилий на его ликвидацию.

Восставший Черниговский полк прошел по украинским крепостным деревням, главным образом расположенным на землях графини Браницкой, во владении которой находилось в общей сложности 27 тысяч крепостных душ. Графиня была близка ко двору: племянница всесильного фаворита Екатерины II Потемкина, она вышла замуж за верного сторонника Екатерины, коронного гетмана Браницкого; сила и влияние Браницкой были так велики, что она по своему произволу обращала в крепостную зависимость свободное некрепостное население, в том числе старинных украинских казаков. Современники восстания Черниговского полка вспоминали потом, что в Белой Церкви восставших ожидали для соединения не менее 4 тысяч крепостных Браницкой, готовых поддержать восстание.

Неудивительно поэтому, что архивы сохранили довольно большое количество дел, связанных с крестьянским движением 1826—1827 гг. Тут и дела о распространении «нелепых слухов», дела о «разглашении мнений к общему возмущению», «об ослушании и бунтах», «о под-

говорах крестьян к произведению бунта» и т. п.[1] Крепостной крестьянин Браницкой Иван Медведенко подговорил четырех рядовых поднять восстание, «подобно тому как произошло с Черниговским пехотным полком». Крестьянка Александра Ткачукова грозила помещику: «Не бейте и не лайте нас — на третий день праздника (близилась пасха.— *М. Н.*) наступит резанина и колиивщина»[2]. Зиновия Самодаенко призывала резать богачей, когда «москали» начнут восстание. Брожение облекалось в «слухи»: в южной части Киевской губернии рассказывали, будто священники получили указы закончить исповедь прихожан и освящение куличей обязательно к четвергу на страстно́й неделе, потому что на пасху якобы все церкви будут «запечатаны», и все крестьяне от мала до велика должны идти истреблять панов. На Уманщине ходили слухи о появлении «Гонтина сына», который будто бы разослал панам указы с требованием отдать всю землю крестьянам, а который пан «до светлого праздника» не отдаст, тот будет убит. Выступления крестьян сопровождались отказом работать на барщине. Когда пасха прошла, а всеобщее восстание не вспыхнуло, крестьянская молва перенесла срок на Фомину неделю. В некоторых селах составлялись даже на случай восстания списки «ополчения» — привычной для крестьян формы набора военной силы. Ожидание восстания, конечно, привело и к появлению руководителя. Таким явился в Уманском уезде солдат Днепровского полка Алексей Семенов, возвращавшийся в апреле 1826 г. в полк. Он назвался майором, посланным от государя «забирать помещиков и везти их всех в Петербург». Семенов с толпой сторонников ездил по селам Уманского уезда, поднимал крестьянские волнения: имущество помещиков захватывалось крестьянами, объявлялось освобождение от барщины, управляющих имениями крестьяне пороли розгами, заковывали в кандалы. Семенов был приговорен к смертной казни. Из 150 арестованных крестьян часть была сослана в Сибирь, на

---

[1] *Иконников В.* Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени. СПб., 1905.
[2] Колиивщина — гайдамацкое восстание 1768 г. под предводительством Максима Железняка и Ивана Гонты на Правобережной Украине.

каторгу или поселение, часть подвергнута наказанию плетьми.

В ответ на донесение об уманском «самозванце» главнокомандующий Витгенштейн, находившийся тогда в Петербурге, писал, что доложил об этой истории царю, и оказалось, что «эта самая история происходила и во многих других губерниях, все в том самом смысле, что помещиков берут в Петербург, а крестьянам дается вольность. Наиболее неповиновений мужиков в С.-Петербургской, в Нижегородской, в Псковской, Рязанской и еще некоторых других губерниях. Правительство берет меры в некоторых местах и усмирило оных».

Волнения крестьян были столь значительны, что Николай I 12 мая 1826 г. (за два месяца до казни декабристов) вынужден был издать манифест, в котором говорилось, что во многих губерниях распространились ложные слухи об освобождении крестьян «от повиновения господам», от платежа податей и пр. Предписывалось: крестьянам «беспрекословно повиноваться установленным над ними властям под страхом наказания ослушников по всей строгости законов, а равно подвергать суду и составителей просьб, вызванных этими слухами и представляемых на имя государя». Так как манифест этот, конечно, не прекратил волнений, то царь распорядился, чтобы в случаях неповиновения, которые произойдут после оглашения манифеста 12 мая, виновных крестьян на месте предавать военному суду (практически это означало расстрел).

Манифест 12 мая вызвал сильнейшую ответную волну недовольства, захватившую не только крестьянство помещичьих имений, но и городские низы, городских господских дворовых и кантонистов. Один из тайных агентов правительства в доносе «о настроении умов» в Петербурге после казни декабристов писал: «Манифестом мая 12-го очень недовольны и до сих пор толкуют, что это господа принудили царя издать оный».

Манифест этот было велено повсеместно читать в течение шести месяцев, и это обстоятельство, по донесению того же агента, «простым народом», т. е. теми же городскими низами, дворовыми и кантонистами, толковалось так: «Только шесть месяцев господа будут владеть нами, а там мы будем вольные». Из всех этих слухов агент делал очень верный вывод: «Всеобщая безнадежность, ни-

щета у многих и у некоторых совершенная невозможность существования имеют свою опасность. Голодный превращается в зверя, и, не имея никаких способов к пропитанию, неимущие могут решиться резать и грабить тех, кои имеют что-либо».

После восстания декабристов правительство повсеместно усилило наблюдения за настроением народа, и не только в деревне, но и в городе. Изучение молвы о восстании декабристов, ходившей по городам, ясно показывает, что крестьянство, дворовые, солдаты, городские низы связывали самым непосредственным образом восстание с вопросом о «воле», об отмене крепостного права. Обеспокоенное дворянство требовало, чтобы на улицах не разрешали собираться «толпами по десяти человек» и чтобы «пушки были готовы для истребления всякого, спокойствие нарушающего, движения». Особенно характерно требование не дозволять солдатам «сообщаться с жителями»: в солдате перепуганному дворянству был отчетливо виден крепостной крестьянин.

Характерный случай произошел в мае 1826 г.: сторож-инвалид при Московском архиве коллегии иностранных дел говорил караулу, наряженному от Тульского пехотного полка: «Господа хотят извести царскую фамилию, чтоб и звания не было, а дабы не могла при сем взбунтоваться российская армия, приготовлено для раздачи 300 миллионов рублей... к начальнику его, генералу, который при конторе, съезжаются и собираются многие знатные господа и, бывая там с восьми по второй час ночи, говорят все про царскую фамилию, намереваясь перевести их поодиночке». Когда инвалид ушел, караульные солдаты стали толковать о том, что надо бы об этом новом заговоре довести до сведения царской фамилии. Но нашлись несогласные с этим предложением: унтер-офицер Горбунов, сидевший тут же на лавке, сказал: «Кто может допустить (до царя)? И кто доложит об этом? Так и быть! Не наша воля». Рядовой Яковлев подтвердил: «Верно, такие годы приходят, нечего делать». Слухи о новом заговоре оказались вздорными, но характерно нежелание солдат доносить по начальству о заговоре против царя [3].

---

[3] *Сыроечковский В. Е.* Московские «слухи» 1825—1826 гг.— Каторга и ссылка, 1934, № 3, с. 66.

Федор Федоров, дворовый человек поручика Зимбулатова, по собственному почину вел запись московских «слухов» и составил целую тетрадь под любопытным заглавием: «Московские новости, или новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить ни одних не могу, но решился на досуге списывать для дальнего времени незабвенного, именно 1825 года с декабря 25 дня» — дата — через десять дней после восстания 14 декабря — говорит за себя. Всего в тетрадке — под номерами — записан 51 «слух». Среди них «13-й слух» гласит: «В Москве во время государева привозу[4] очень многие говорят, будет бунт, даже многие имение прячут, а купцы 1-й гильдии уезжают из Москвы по страху». «15-й слух» утверждал: «Всех в оном заговоре замарано господ 60 000 тысяч»[5]. В этих «случаях» сказывается общее возбуждение и ожидание «бунта», что проявляется и в фантастическом преувеличении численности участников заговора. «49-й слух» свидетельствует о прочности причин, породивших заговор, и появлении мысли о неизбежности его повторения: «Один адъютант, разговаривая с государем, вынул из кармана заряженный пистоль и уставил против его величества, сказав оные слова: «Тебе смерть и мне смерть!» и выстрелил выше головы, немножко не утрафил. И как его схватили, то сказал он, что никак сего не выведет уже: оный корень так глубоко посажен, что вывесть нельзя, а государь сказал: «Я стану обрезать, чтобы не разрастался»[6].

Чрезвычайно любопытен рассказ одного сапожника, бывшего в толпе на Сенатской площади 14 декабря. Сапожник работал в какой-то лавчонке около Сенатской площади, а потом переселился в поволжское село, где его рассказ и был записан А. Александровским. «Господа офицеры», по мнению сапожника, вышедшие на Сенатскую площадь, «волю крепостному народу требовали». Пришли они «не с просьбою, а с грозьбою и полки с собой привели; полки привели с ружьями, а пушки забыли: пушками их и перестреляли...» Волю народу «господа офи-

---

[4] Т. е. во время «провоза» через Москву гроба с телом Александра I.
[5] Так в подлиннике.
[6] *Сыроечковский В. Е.* Указ. соч., с. 80—85.

церы», по мнению сапожника, «требовали за двенадцатый год». Далее давалось и «документальное» обоснование требования: царь Александр в манифесте объявил русскому простому народу за войну благодарность, «а уж известное дело — царское спасибо только вольный человек может получить, а не раб». Все дело, оказывается, было в «невежестве» Сената, напечатавшего от себя неправильный указ, по которому крепостных людей и после 1812 г. по-прежнему можно было продавать «и семьями и вразбродь — как угодно». Сенат и взялся «за пушки», чтобы взять верх «над господами офицерами, которые крестьян жалели», и «отстоять свой указ». Сапожника в деревне называли «декабристом»; и царская благодарность, и сенатский указ были у него в рукописных выписках.

Свидетельство это замечательно: в рассказе сапожника налицо ясная продекабристская тенденция и превосходное понимание антикрепостнического лозунга, как известно скрытого от народа и царскими официальными сообщениями о мятеже, и «Донесением», и книгой Корфа. Из «Донесения» все сведения о желании декабристов освободить крестьян были, по личному приказу Николая I, тщательно вычеркнуты. Явная связь событий 14 декабря с Отечественной войной 1812 г.— выдающаяся черта рассказа. Он служит живой иллюстрацией к замечательному афоризму декабриста Лунина: «Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание».

В русском потаенном фольклоре XIX в. есть народная песня о декабристах. Песня обычно в большинстве вариантов начинается словами: «Собирайся, мелка чернядь, собирайся на совет». Далее во всех вариантах имеются в том или ином виде слова: «Не в показанное время царя требуют в Сенат». В рассказе В. Гаршина «Из воспоминаний рядового Иванова» песню эту запевает ефрейтор Федоров, запевала роты, а остальные солдаты подхватывают как хорошо знакомую. Песня эта, несомненно, отдаленно отражает план восстания: предположение о военном захвате Сената и о принуждении сенаторов к подписанию манифеста. Исследователи русского фольклора (Н. Е. Ончуков) давно и совершенно правильно определили песню как «декабристскую», но вопрос о Сенате крайне затруднял всех исследователей. Изучение плана восстания и роли в нем Сената вносит в этот вопрос полную ясность.

Народная песня о декабристах «Собирайся, мелка чернядь» довольно широко распространилась по России, хотя была и в сознании самого народа «потаенной», пелась редко и лишь при верных людях. Собиратели русского фольклора записали ее в Мосальском уезде Калужской губернии (1883), в Череповецком уезде Новгородской губернии (1895 и 1909), в Минусинском уезде Енисейского округа (1895—1897), во многих местах Архангельской губернии, в Переславль-Залесском уезде, в Каргопольском уезде Вологодской губернии, в советское время — в ряде пунктов Карельской АССР (1926).

Все социальные группы так или иначе реагировали на восстание декабристов — тут были и дворяне, и купцы, и крестьяне, и дворовые люди. Для всех восстание оказалось силой, по-своему будившей политическое сознание.

Отметим случай отголосков восстания декабристов в среде рабочих. Уже отмечалось, что на Сенатской площади среди «черни», принимавшей активное участие в восстании и швырявшей каменьями и палками в Николая и его войска, были рабочие с постройки Исаакиевского собора, из «исаакиевской деревни» за оградой стройки. Восстание Черниговского полка сопровождалось распространением «катехизиса», составленного С. Муравьевым-Апостолом. Есть сведения о том, что один экземпляр этих прокламаций был отобран у двух мастеровых суконной фабрики. Член Общества соединенных славян Андреевич 2-й вел агитацию среди рабочих Киевского арсенала и надеялся на их помощь в восстании. Вот еще один отголосок: в конце января 1826 г. приказчики купца Посылина привели в шуйскую полицию рабочего Николая Рогожкина, который рассказывал на ситцевой фабрике этого купца о событиях 14 декабря и «дерзновенно говорил, будто его императорское величество вступил на престол усильно (т. е. насильно.— *М. Н.*), будто присяга требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов, наконец, что если бы он в это время был в Петербурге, то также взял ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били».

Сведения о росте волнений шли не только из крестьянских губерний — происходили волнения и в рабочих районах. Так, заводы Расторгуевых, уже восставшие в 1822 г., поднялись вновь в конце 1826 г. Связи с петер-

бургскими событиями эти волнения не имели, но обстановка была такова, что в условиях 1826 г. это восстание показалось правительству особо опасным. Расторгуевы владели рядом заводов: Каслинским, Верхнекыштымским, Нижнекыштымским и Нязепетровским. Правительство в спешном и «чрезвычайно секретном» порядке предприняло общие меры, разослав всем заводчикам строжайшее предписание: идти на уступки рабочим требованиям и обращаться с рабочими «по-христиански». Об этом всеобщем обращении к фабрикантам сохранилось особое секретное дело.

Крестьянские волнения 20-х годов, особенно волнения, связанные с манифестом 12 мая 1826 г., заставили царя «заботиться» о крестьянском вопросе. В том же 1826 году, когда был издан упомянутый царский манифест против крестьянского движения, был основан секретный комитет по улучшению всех отраслей государственного устройства, а больше всего — по крестьянскому делу. На одном из заседаний этого комитета был прочитан «свод» показаний «членов злоумышленного общества» о внутреннем состоянии государства. Николай I поручил составить такой «свод» на основании дел декабристов правителю дел Следственной комиссии Боровкову, держал его у себя на столе и постоянно пользовался им для справок.

Недавно найдены новые, очень интересные архивные материалы, освещающие крестьянское движение в Петербургской губернии вскоре после восстания декабристов, в первой половине 1826 г., еще до казни первых русских революционеров [7]. Надо обратить особое внимание на усиление массового движения около столицы. Из этих материалов мы узнаем, что в ряде уездов Петербургской губернии возникло довольно широкое крестьянское движение — всего за указанное время там произошло 78 крестьянских выступлений, о которых ранее историки не имели сведений. Значительность волнений была такова, что для усмирения крестьян пришлось вызывать войска и подавлять крестьянские выступления силою оружия. С участием воинских подразделений движение было усмирено в 43 име-

---

[7] Документы найдены и изучены В. Д. Чернышовым (Калинин), ряд из них опубликован под названием «Документы о крестьянском движении в 1826 году» со вступительной статьей В. Д. Чернышова в журнале «Вопросы истории», 1975, № 8, с. 102—111.

ниях, что составляет более половины всех выступлений в данном районе. Командовать войсками, брошенными на подавление, был назначен царем полковник Н. Л. Манзей. Ему не раз пришлось просить начальство о пополнении военных сил для выполнения данного ему поручения.

На запрос Манзея, в чем же причина волнений и от кого происходит «неповиновение» крестьян, гдовский уездный исправник дал любопытный ответ: «По учиненному на местах неповинующихся крестьян разведыванию, сколько можно было из ответов собрать сведения, умозаключительно положить можно, неповиновение произошло от крестьян, кои по занятиям своим бывают часто в столице...» Известно, как много народа, в том числе и крепостного, приехавшего по делам господ в столицу, скопилось на Сенатской площади в день 14 декабря 1825 г. Ясно, что рассказы о происшедшем в Петербурге услышали ранее других от своих же односельчан, приехавших из столицы, крестьяне окрестных деревень.

Конечно, прямых ссылок на восстание 14 декабря гдовский уездный земский исправник дать не осмелился, угодливо заменив их упоминанием, что крестьяне-де распустили слух о «милостливости» нового императора (с чего бы это?), который-де «входит в положение всех сословий», в силу чего крепостные крестьяне «непременно могут надеяться получить вольность». Для историка ясно, что объективная связь того, что произошло на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., с усилением волнений крепостных крестьян в Петербургской губернии более чем вероятна.

Главных «зачинщиков» гдовскому исправнику сначала выявить не удалось. Потом к полковнику Манзею иногда поступали сведения об отдельных «зачинщиках». Одним из них оказался отставной унтер-офицер бывшего лейб-гвардии Семеновского полка Борис Иванов, другим «главным зачинщиком» был староста вотчины помещика Дружинина крестьянин Василий Яковлев. Называли мужика из имения Татищевых, который, приехав из Лужского уезда по своим надобностям в деревню Высокую, принадлежавшую тем же господам, увидел, что крестьяне собрались идти на барскую работу, и сказал им: «Что вы, дураки, слушаетесь и идете на работу, у нас в Лугском уезде никто к Татищевым на работу не ходит». 20 человек крестьян немедленно послушались агитатора и на работу не пошли.

Перед нами пример связи одной восстающей против крепостного права деревни с другой. «Ни в одной вотчине,— сообщает исправник,— не в силах были кроткими внушениями обратить их (крестьян.— *М. Н.*) к своей обязанности». Крестьяне говорили: «Делайте с нами, что угодно, но мы к помещику на работу не пойдем». Ряд крестьянских выступлений носил бурный характер. Исправник Лужского уезда доносил, что крестьяне, вооруженные кольями и вилами, напали на военную команду и ранили нескольких солдат. Свыше 200 крестьян из имения помещика Дондукова-Корсакова напали около деревни Гусевы горы на воинскую команду в 45 человек, ранили нескольких солдат и повредили их оружие. Крестьяне были вооружены дубинами и кольями. Им удавалось ломать и гнуть солдатские штыки, разбивать приклады ружей. Восставших «усмирили» штыковой атакой. Часто отмечается «большое упорство» крестьян, а лозунг требования «вольности», освобождения от крепостного права — повсеместен. Усиление движения в Петербургской губернии повторилось и в соседней Псковской губернии.

Рост крестьянских волнений около столицы, конечно, чрезвычайно обеспокоил царское правительство. Эти волнения явились одной из важных причин издания Николаем I особого Манифеста от 12 мая 1826 г., прямым образом связанного с волнениями, как мы только что видели, не только в Петербургской губернии, а также на Украине и в других местах.

Манифест говорил «о возникшем в губерниях неповиновении крестьян», грозил карами распространителям слухов о скором освобождении крестьян, запрещал подачу прошений об освобождении на имя царя. В Гдовском уезде, как сообщал по начальству Манзей, «ослепленные крестьяне мнимою вольностью не хотят верить, чтобы сия была воля государя императора, но полагают, что это происки и хитрость помещиков». Иначе говоря — не верят подлинности Манифеста,— в этом ярко сказывается темнота крестьян и вера их в возможность существования «доброго царя». Один из главных зачинщиков движения, отставной унтер-офицер Семеновского полка Борис Иванов, о котором упоминалось выше, «по прочтении Манифеста в церкви явно насмехался над оным и поощрял мужиков не верить». Всего усмирители выявили четверых «зачинщиков» движения около Петербурга — крестьян из имения

Корсаковых Павла Григорьева и Никиту Дмитриева, а также уже упоминавшегося старосту из имения помещика Дружинина Василия Яковлева и только что упомянутого бывшего унтер-офицера знаменитого Семеновского полка Бориса Иванова. Напомним, что Семеновский полк восставал в столице осенью 1820 г., еще за пять лет до восстания декабристов, но был ли отставной семеновец Иванов в свое время причастен к этому важному событию, мы сейчас с точностью сказать не можем. Во всяком случае, он, наверно, знал о них.

Заметим, что среди дворян — царских расследователей о причинах волнений крестьян около Петербурга — нашелся честный человек — майор А. Бойко, написавший в своем докладе Манзею без боязни о тяжком положении крестьян помещика Чеблокова, подавших на барина жалобу (на долю Бойко пришлось расследование этого вопроса): «Что мне сказать в оправдание помещика?— писал майор Бойко.— Разве то, что просьба крестьян не только может назваться священной по своей правде, но в ней многое еще и не помещено...» Расследуя просьбу, Бойко «удостоверился» в ее «совершенной справедливости». Он гневно разоблачает помещика: «Как беспристрастный человек, могу сказать, что г[осподин] Чеблоков не только не заслуживает названия помещика, священного имени отца своих подданных, но он — упрек своему сословию, упрек в сребролюбии нещастных подданных и упрек богу на земле, потому что какой властелин изберет себе пищу приводить в нищету то, что его питает и нежит, один только человеконенавидец имеет сии правила, которым, по-видимому, г. Чеблоков следует...»

В дневнике сенатора Дивова 5 апреля 1826 г. записано: «Ходят слухи о возмущении крестьян; они отказываются платить подати помещикам, говорят, что покойный император дал свободу, а ныне царствующий император не хочет этого исполнить. Подобные слухи несомненно являются последствием заговора 14 декабря». Заключение сенатора вполне соответствует историческим материалам. Важно, что и в этом свидетельстве отражена темнота крестьянского сознания, вера крестьян в «доброго» царя: покойный царь был-де добрым, хотел освободить крестьян от крепостного права, а новый вот не желает... Понимания истинного существа царской власти у крестьян не было.

Понятно теперь, почему император Николай I не осмелился упомянуть в официальном документе следствия о том, что декабристы, «государственные преступники», по его терминологии,— требовали освобождения крестьян. Ведь «Донесение Следственной комиссии» печаталось в типографии и широко распространялось по стране. Оно было всем доступно и должно было уверить население, что декабристы были злокозненными юнцами, «сердцами развратными» и «мечтателями дерзновенными», не знавшими толка в серьезных государственных делах, обманувшими солдат, издавна душевно преданных государю и отечеству, верных самодержавию. Вызвать презрение к первым русским революционерам, возмущение их «дерзкими» и «бессмысленными» поступками, даже показать их «едва вероятное и смешное невежество» было главной целью «Донесения Следственной комиссии». Вот для этого и надо было оболгать декабристов, скрыть программу тех, кого А. С. Пушкин назвал «умнейшими людьми России». По указанию Николая I из «Донесения» было изъято все, что касалось этого вопроса. Были вычеркнуты все упоминания о том, что подсудимые требовали освобождения крестьян от крепостного права и «разделения земель», хотели уничтожить рекрутчину и уменьшить больше чем вдвое срок обязательной военной службы, рассчитывали поднять восстание и в военных поселениях. Но слухи о правде все же — хоть и глухо — дошли до народа. И народ ответил на них, как умел и мог. Но давнее требование народа — сокрушение давившего его крепостного строя — осталось невыполненным. Первое русское революционное восстание было разгромлено.

Реакционный лагерь вместе с тем чувствовал, что опасность для него не уничтожена. Призрак революционного движения виделся ему то тут, то там, в каждом углу. Движение декабристов было разгромлено, но революционная борьба не была убита. За нею было будущее.

МЕСТО ДЕКАБРИСТОВ В ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

Ленин высоко оценил первое выступление против самодержавия — восстание декабристов.

Историю русского революционного движения Ленин, как уже сказано, начинает с декабристов.

«В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»,— говорил Ленин в «Докладе о революции 1905 года», прочитанном в Цюрихе на собрании рабочей молодежи в 1917 г.[1] В день памяти первой русской революции 1905 г. Ленин счел нужным вспомнить и о дне 14 декабря 1825 г., когда дворяне-революционеры впервые в истории России выступили с оружием в руках против самодержавия. Декабристы не только выдвинули лозунги борьбы с самодержавием и крепостным строем, но впервые в истории революционного движения в России организовали открытое выступление во имя этих требований.

Декабристы были деятелями первого, дворянского, этапа революционного движения в России.

Периодизация русского освободительного движения ярко очерчена Лениным в произведении «Из прошлого рабочей печати в России».

«Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего *класса* из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» *сословия* не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической)

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев...»* [2].

Таким образом, восстание декабристов имело большое значение в истории революционного движения в России. Это было первое открытое выступление против самодержавия с оружием в руках. До этого времени в России происходили лишь стихийные крестьянские волнения. Восставшее крестьянство героически боролось против крепостного гнета, и значение этой борьбы было прогрессивно: она расшатывала устои крепостного строя и сокращала сроки его существования. Но стихийное крестьянское движение было политически темным, его не освещало политическое сознание; крестьяне шли на борьбу против помещиков, но в своей темноте были бессильны подняться до сознательных лозунгов борьбы с царизмом, с крепостным строем в целом, верили в «доброго царя» и были во власти темной идеологии «наивного монархизма». Революционным движением еще нельзя назвать стихийные крестьянские восстания. Революционная борьба ведется политически сознательными людьми, сложившимися в организацию. Революционеры имеют политическую программу и сознательно разработанную тактику действий.

Между стихийными крестьянскими восстаниями Разина и Пугачева и выступлением декабристов легла целая полоса мировой истории: ее новый этап был открыт победой революции во Франции конца XVIII в., вопрос ликвидации феодально-абсолютистского строя и утверждения нового — капиталистического — встал во весь рост перед Европой. Декабристы принадлежат к этому новому времени, и в этом существенная сторона их исторического значения. Их восстание было политически сознательным, ставило себе задачу ликвидации феодально-абсолютистского строя, было освещено передовыми идеями эпохи. Впервые в истории России мы можем говорить о революционной программе, о сознательной революционной тактике, анализировать конституционные проекты. Радищев был идейным предшественником декабристов, но условия ис-

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

торического развития России тогда еще не созрели до такой степени, чтобы было можно создать революционную организацию. Он написал революционную книгу, но не замышлял и не мог замышлять открытого и в какой-то степени организованного выступления. Между тем декабристы не только замыслили, но и организовали первое в истории России восстание против самодержавия. Они совершили его открыто, на площади столицы, перед лицом собравшегося народа. Их действия отмечены печатью классовой ограниченности, они были «страшно далеки от народа», но они принадлежали к тем передовым деятелям своего времени, которые «помогли разбудить народ».

Лозунги борьбы против крепостного права и самодержавия, выдвинутые декабристами, не были лозунгами случайного и преходящего значения: они имели большой исторический смысл и остались на долгие годы действенными и актуальными в революционном движении. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция в качестве «побочного продукта» своей пролетарской борьбы до конца выкорчевала в России средневековье. «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы»,— говорил Ленин, отмечая четырехлетнюю годовщину Октябрьской революции [3].

Своим горьким опытом декабристы показали следующим поколениям, что протест ничтожной горсточки революционеров бессилен без поддержки народа. Неудачей своего движения, всем своим, по словам Пушкина, «скорбным трудом» декабристы как бы завещали последующим революционерам строить свои планы в расчете на активное участие народных масс. Тема народа как главной силы революционной борьбы прочно вошла с тех пор в сознание деятелей революционного движения. «Декабристам на Исаакиевской площади не хватало народа»,— сказал преемник декабристов Герцен,— и эта мысль уже была результатом усвоения опыта декабристов.

Восстание декабристов имело большое значение и для революционной агитации. Подвигом декабристов вдохновлялись участники тайного общества братьев Критских,

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 147.

раскрытого в 1827 г. Они считали себя преемниками декабристов. Михаил Критский, «выхваляя конституции Англии и Гишпании, представлял несчастным тот народ, который состоит под правлением монархическим, и называл великими преступников 14 декабря, говоря, что они желали блага своему Отечеству»[4],— говорилось на следствии об организации братьев Критских. Воспоминание о декабристах не раз играло агитационную роль в последующем революционном движении, и не только в русском. Так, в польском восстании, 13(25) января 1831 г., в день детронизации Николая I, была организована в Варшаве Патриотическим обществом большая демонстрация в честь декабристов. Член клуба Адам Гуровский произнес политическую речь на площади, была отслужена панихида по пяти повешенным Николаем I декабристам. Этим актом был заявлен протест против самодержавия и подчеркнута братская солидарность русских и польских революционеров в борьбе с царизмом.

На Герцена и Огарева декабристы оказали огромное влияние. «Я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы...— писал Герцен в «Былом и думах».— Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души». Знамя, выпавшее из рук декабристов, было подхвачено Герценом — еще в юные годы осознал он себя борцом за те же идеи: «Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийство. Вся царская фамилия молилась, около нее Сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без киверов, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля... Мальчиком 14 лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил: гвардия и трон, алтарь и пушки — все осталось, но через 30 лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу»,— вдохновенно писал Герцен. В письмах к декабристам Герцен и Огарев называли себя «питомцами вашего союза».

---

[4] Показание участника кружка Лушникова. См.: *Мих. Лемке.* Тайное общество братьев Критских.— Былое, 1906, № 6, с. 45.

Огарев писал о поэте-декабристе Рылееве:

Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый русский вольный день
В виду младого поколенья
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Символ восстания декабристов — профили пяти казненных — изображен был на обложке революционного журнала «Полярная звезда», издававшегося Герценом за границей.

Восстание декабристов изучалось петрашевцами, искавшими пути для организации восстания в России. Петрашевцы жадно расспрашивали бывшего в Сибири Черносвитова о сосланных декабристах, вели с ним «исторические разговоры» о тайных обществах в России: «Говорить случилось мне о государственных преступниках в Сибири, сосланных по 14-му декабря, их вообще в Сибири называют декабристами; главные вопросы были о их образе мыслей»[5],— показывал Черносвитов на следствии.

Крестьянский революционер, великий украинский поэт-демократ Т. Г. Шевченко преклонялся перед декабристами. Он называл их «невольниками святыми», хотел на крыльях полететь за Байкал, взглянуть «в вертепы темные и норы», мечтал освободить «поборников святой неволи». С благоговением поцеловал он изображения казненных декабристов на обложке «Полярной звезды» Герцена.

Революционное движение ушло далеко вперед после декабристов; революционеры-демократы, действовавшие в разночинский период революционного движения, были гораздо ближе к народу и гораздо последовательнее декабристов решали задачи революционного движения. Но память декабристов продолжала быть дорогой для революционеров, служила целям их агитации.

Великие революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов чтили память декабристов. Молодой Добролюбов в нелегальной рукописной газете «Слухи», которую он составлял и распространял еще будучи студентом Петербургского педагогического института, посвящал декабристам целые страницы. № 9 «Слухов» от 17 октября

---

[5] Дело петрашевцев. М.; Л., 1937, т. 1, с. 448.

1855 г. имел подзаголовок «Тайные общества в России 1817—1825 года», где кратко рассказана вся история декабристов. Н. Г. Чернышевский умел говорить о декабристах «эзоповским языком», намеками доводя до «друга читателя» мысль о восстании 14 декабря, о революционной борьбе декабристов. В декабре 1855 г. Чернышевский начал публиковать в «Современнике» «Очерки гоголевского периода русской литературы». В этом месяце исполнялось 30 лет со дня восстания декабристов. Чернышевский писал: «Чтобы составить себе справедливое понятие о современном состоянии европейской науки и цивилизации, надобно, действительно, изучать его в произведениях передовых мыслителей Запада. И кто поймет значение их трудов, тому общий вопрос о Европе и об отношении России к Западной Европе представится столь же простым, как представлялся, по мнению автора, *тридцать лет тому назад»*[6]. Прокламации 60-х годов, сыгравшие такую значительную роль в революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов, агитировали именем декабристов. Прокламация Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению» начиналась стихотворением Рылеева «Гражданин». Прокламация Заичневского «Молодая Россия» призывала русское войско к восстанию, надеялась, что оно «вспомнит и свои славные действия в 1825 году, вспомнит бессмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики».

Разгром восстания декабристов был важнейшим уроком для последующих поколений революционеров. Декабристы завещали им свой революционный опыт, и опыт этот показал, что восстание, не опирающееся на активную поддержку народных масс, обречено на поражение.

ДЕКАБРИСТЫ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Движение декабристов тесно переплетается со многими важными вопросами развития русской культуры. Стремясь освободить страну от самодержавно-крепостного гнета, оно тем самым объективно способствовало росту культуры, большему распространению ее в народе, развитию более передовых форм культуры.

---

[6] *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы.— Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 83—84. (Курсив мой.— *М. Н.*)

В преобразовательных планах декабристов немалую роль занимали вопросы культуры. Они сознательно ставили своей целью борьбу за передовую культуру, за просвещение народа, за новое передовое искусство, за процветание науки. Это отразилось и в конституционных проектах декабристов, и вообще в их идейном творчестве. О будущем расцвете послереволюционной русской литературы писал в своей утопии «Сон» декабрист Улыбышев: «Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения. Стали вскрывать плодоносную и почти нетронутую жилу нашей древней народной словесности, и вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь, который и теперь с таким блеском горит в наших эпопеях и трагедиях. Нравы, принимая черты все более и более характерные, отличающие свободные народы, породили у нас хорошую комедию, комедию самобытную. Наша печать не занимается более повторением и увеличением бесполезного количества этих переводов французских пьес, устаревших даже у того народа, для которого они были сочинены. Итак, только удаляясь от иностранцев, по примеру писателей всех стран, создавших у себя национальную литературу, мы смогли поравняться с ними и, став их победителями оружием, мы сделались их союзниками по гению».

Связь декабристов с русской культурой многообразна. Декабристы оказали воздействие на творчество крупнейших русских писателей — Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Некрасова и других. Со своей стороны, Пушкин и Грибоедов воздействовали на декабристов, создавая высочайшие по художественным достоинствам произведения, соответствующие духу декабристской идеологии.

Пушкин сам считал себя певцом декабристов. В стихотворении «Арион» (1827) поэт аллегорически рисует крушение декабризма. Как один Арион уцелел при кораблекрушении, так и он, Пушкин, не погиб и остался певцом «прежних гимнов» после 14 декабря.

С будущими декабристами Пушкин сдружился еще на лицейской скамье — Пущин, Кюхельбекер, Вальховский были его товарищами. «Мой первый друг, мой друг бесценный»,— сказал Пушкин о декабристе Иване Ивановиче Пущине. Кончив лицей, Пушкин вращался в декабристской среде как в Петербурге, так и на юге во время

своей ссылки. Он был дружен с декабристами Михаилом Орловым, Владимиром Раевским, был хорошо знаком с Пестелем.

Таким образом, творчество Пушкина, которым гордится наша культура, было связано с передовым движением своего времени — с движением декабристов.

Вообще связь русских писателей с передовой идеологией своего времени составляет одну из замечательных особенностей русской литературы. Другой пример мы видим в творчестве Грибоедова.

В Московском университете, где учился Грибоедов, в то время училось более двадцати будущих декабристов. В Петербурге в годы после наполеоновских походов Грибоедов вращался в оживленной декабристской среде. Впервые мысль написать «Горе от ума» пришла ему в голову в 1816 г., в том же году, когда возникло и первое тайное общество. В своем великом произведении Грибоедов отразил основное явление того времени — столкновение молодого человека, новатора, проповедника свободолюбивых идей со старым, косным миром крепостников, с миром фамусовых и скалозубов. Он отразил деление общества на два противоположных лагеря. Это было глубоким и правдивым художественным изображением той действительности, из которой выросло движение декабристов. «Это — декабрист»,— сказал Герцен о Чацком.

Грибоедов был дружен с декабристами Кюхельбекером, Александром Бестужевым, Рылеевым. Он, как и Пушкин, сочувствовал делу декабристов и знал о готовящемся перевороте. Однако, следует сказать, что он не считал правильной тактику военной революции: «Сто прапорщиков хотят перевернуть весь государственный быт России»,— горько говорил Грибоедов. Но в «необходимость и справедливость» дела декабристов Грибоедов верил вполне. Декабристы недаром считали Грибоедова «своим» («Он — наш»,— говорил о нем Рылеев) и давали ему ответственные поручения. Грибоедов был арестован по делу декабристов и просидел под арестом с января по начало июня 1826 г. Освободиться ему удалось лишь благодаря ходатайству своего влиятельного родственника, любимца Николая I — генерала И. Ф. Паскевича.

Глубокое воздействие оказали идеология декабристов и их движение на Лермонтова. Более юный по возрасту, он не мог вращаться в декабристской среде; он встречал-

ся лишь с сосланными декабристами. Но он глубоко задумался над смыслом движения декабристов.

Вопрос о народе — одна из глубочайших и органических тем русской литературы. Это одна из ее замечательных особенностей. Тема народа начинает укрепляться и раскрываться в русской литературе именно после восстания декабристов. Нет сомнения, что разгром восстания 14 декабря и горький опыт неудачи революции «без народа» оказали значительное влияние на самый характер разработки этой темы. Великие русские писатели той эпохи глубоко продумывали печальный опыт декабристов, и это отразилось на идейной стороне их произведений. Раздумывая над борьбой передовых людей своей страны за лучшее будущее Родины, деятели русской культуры, русские писатели останавливали свое внимание и на декабристах — первых борцах против самодержавия и крепостного права. Герцен советовал молодому поколению «понять все величие, всю силу этих блестящих юношей, выходящих из рядов гвардии, этих баловней знатности и богатства, оставляющих свои гостиные и свои груды золота для требования человеческих прав, для протеста, для заявления, за которое — и они знали это — их ждали веревка палача и каторжная работа».

Среди декабристов было немало и непосредственных деятелей культуры — писателей, поэтов и ученых, которые внесли свой вклад в культурное развитие России.

Общеизвестно имя замечательного русского революционера — поэта-декабриста Кондратия Федоровича Рылеева, одного из активнейших участников восстания 14 декабря, сторонника республики. Творчество Рылеева — это образец вдохновенной гражданской поэзии. В бурный 1820 год он опубликовал талантливое стихотворение «К временщику», в котором бесстрашно и резко разоблачал Аракчеева:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец!

В 1821—1825 гг. Рылеев опубликовал свои «Думы», посвященные романтическому воспеванию патриотических образов русской истории, борцов за дело народа — Вадима Новгородского, Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Волынского, Ермака и других. Поэмы Рылеева «Войнаровский» и «Наливайко» дышат ненавистью к угнетателям. Широкие круги русских читателей с волнением читали пророческие слова поэта в «Исповеди» Наливайко:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Вдохновением и глубоким убеждением в правоте дела революции дышит стихотворение Рылеева «Гражданин», звавшее молодежь на подвиг революционной борьбы:

Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.

. . . .

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

Произведения Рылеева были запрещены после восстания, распространяли их тайно. Герцен вспоминал, как молодой преподаватель русского языка тайно приносил ему мелко переписанные от руки заветные тетрадки, и юноша читал их с бьющимся сердцем. Герцен и его друг Огарев печатали стихи Рылеева в заграничном революционном журнале «Полярная звезда», откуда они широко распространились по России.

Рылеев и его друг писатель Александр Бестужев сочиняли революционные народные песни, которые позже

получили широкое распространение. Их пели простые солдаты и матросы:

Ах, тошно мне
И в родной стороне!
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ?
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Декабрист Александр Бестужев был известным романистом, писавшим под псевдонимом «Марлинский». Его перу принадлежат многие произведения, написанные в романтическом духе: «Ревельский турнир», «Замок Венден», «Лейтенант Белозор», «Аммалат Бек» и другие. Собрание его сочинений составляет четыре объемистых тома. Его произведения пользовались широкой известностью и имели обширный круг читателей. Александр Бестужев известен не только как романист, но и как один из первых русских критиков. Ему принадлежат выдающиеся критические обзоры русской литературы, носившие название «Взгляд на русскую словесность». Пушкин относился к А. Бестужеву с самым теплым, дружеским чувством и высоко ценил его критические работы. Ожидая печатного экземпляра статьи своего друга, Пушкин заранее писал ему: «Предвижу, что буду с тобою согласен в твоих мнениях литературных...»

Декабристы сразу высоко оценили «Горе от ума» Грибоедова. Они вступили в жаркий бой за эту великую русскую комедию с критиками из крепостнического лагеря. А. Бестужеву принадлежат пророческие слова: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных». Его предсказание сбылось.

Рылеев и Бестужев издавали широко известный альманах «Полярная звезда», в котором печатались Пушкин, Грибоедов. Другое известное литературное издание — альманах «Мнемозина» — выпускал друг Пушкина В. Кюхельбекер совместно с двоюродным братом декабриста А. И. Одоевского — Владимиром Одоевским. Сам Кюхельбекер был поэтом, автором многих лирических

стихотворений и поэм. Поэзия Кюхельбекера дышит вольнолюбием:

Века шагают к славной цели —
Я вижу их — они идут!
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О, радость! Грянул час, веселый час свободы!

Так писал Кюхельбекер в стихах, посвященных восставшей Греции. Известны трагедии Кюхельбекера «Аргивяне» и «Прокопий Ляпунов», поэма «Давид», ода «На смерть Байрона».

Декабрист Федор Глинка был также известным для своего времени писателем. Когда царское правительство сослало Пушкина из Петербурга на юг, Глинка не побоялся напечатать стихотворение в честь опального поэта. Это смелое дружеское участие в его судьбе растрогало и нравственно поддержало Пушкина. Он посвятил Ф. Глинке благодарное стихотворение:

Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин! —

писал Пушкин.

Известным писателем и крупным театральным деятелем был друг Пушкина и Грибоедова П. А. Катенин, автор многих театральных пьес и замечательный переводчик. Современники высоко ценили сделанные им переводы пьес великого французского драматурга Корнеля. Пушкин говорил о нем в «Евгении Онегине», описывая русский театр:

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый.

Широко известна была революционная песня Катенина против самодержца: «Отечество наше страдает под игом твоим, о злодей». Катенин оказал большое влияние на молодых Пушкина и Грибоедова. Знаток театрального искусства, он был учителем многих выдающихся русских актеров.

Замечательным поэтом был декабрист Владимир Раевский. До нас дошли не все произведения из его боль-

шого поэтического наследства. В нем выделяется послание Пушкину, полное высоких гражданских чувств:

Оставь другим певцам любовь,
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где кат с насмешливой улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой?

Раевский использовал стихи для пропаганды в армии, диктуя их на уроках юнкерам и солдатам. Обращаясь к самодержавному тирану, он писал:

Доколе, в варварстве не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья,
Властитель и тиран моих плачевных дней?
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? Какой закон? Одной рукой природы
Создан и ты, и я, и всей земли народы.

Писал стихи и декабрист Сергей Муравьев-Апостол. Публиковали свои литературные произведения декабристы Батеньков и братья Бобрищевы-Пушкины (оригинальные стихи, басни, а также переводы). Писал стихи участник восстания 14 декабря моряк-декабрист Н. А. Чижов, пришедший на Сенатскую площадь в строю вместе с морским экипажем. Стихи и повести печатал декабрист Николай Бестужев. Сборник своих стихотворений «Часы досуга в Тульчине» (на французском языке) издал в 1824 г. декабрист А. П. Барятинский, друг Пестеля; в этом сборнике есть поэма на сюжет из американской жизни, посвященная Пестелю, и стихи, посвященные декабристу Ивашеву. В рукописи сохранилось (также на французском языке) большое атеистическое стихотворение Барятинского о боге, где он спорит с Вольтером. Вольтер пришел к выводу, что если бы бога не существовало, его надо было бы выдумать. Барятинский держится иного мнения:

О, разобьем алтарь, которого он не заслужил!
Или он благ, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ.
Вникните в природу, вопросите историю,
Вы поймете тогда, что для собственной славы бога,
Если бы он даже существовал,
Надо было бы его отвергнуть!

К младшему поколению поэтов-декабристов принадлежит Александр Одоевский, оставивший много проникновенных лирических стихотворений. Среди них выделяются большая стихотворная повесть «Василько», стихотворения памяти Грибоедова и «Княгине М. Н. Волконской». Все знают прославленный ответ Одоевского на пушкинское послание декабристам в Сибирь:

Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

Декабристы выступали и как организаторы литературной жизни своего времени. Два крупных периодических издания связаны с их именами — альманахи «Полярная звезда» (Рылеев и Бестужев) и «Мнемозина» (Кюхельбекер). Нужно упомянуть еще об «Обществе любителей российской словесности», во главе которого стоял декабрист Федор Глинка. Оно объединило многих выдающихся русских писателей своего времени. Общество, несомненно, действовало в духе декабристских идей.

Выдающимся художником был декабрист Николай Бестужев. В условиях каторжной тюрьмы он сумел в Сибири написать портреты всех заключенных декабристов, и благодаря ему нам, его потомкам, осталась целая галерея замечательных портретов «первенцев русской свободы» — мы всех их знаем в лицо.

Говоря об искусстве эпохи декабризма, нельзя не вспомнить о том, что знаменитый художник-медальер Федор Толстой (двоюродный дядя Льва Толстого) был членом декабристского «Союза благоденствия». Его великолепная, тончайшей работы серия классических медалей в честь 1812 г. была художественным выражением патриотических чувств.

Были среди декабристов и хорошие музыканты (декабрист Ивашев и др.). Некоторые из них сами сочиняли музыку (сохранился набросок музыкального произведения Пестеля).

Декабристы интересовались и педагогическими вопросами, особенно передовой для их времени массовой системой ланкастерского обучения. Кюхельбекер принимал живое участие в педагогическом обществе, которое пропагандировало эту систему. Южные декабристы организовали ланкастерские школы (Вл. Раевский).

Декабристы внесли свой вклад не только в область искусства, но и в науку. Ранее уже упоминалось о крупном ученом-экономисте своего времени — декабристе Николае Тургеневе, авторе большой работы «Опыт теории налогов» (1818). Подробно рассмотрев налоговую систему и ее основания, ознакомившись с западноевропейской теоретической мыслью, автор пришел к выводу: «Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного». Декабрист Михаил Орлов написал работы «О государственном кредите» и «Об учреждении вольного банка в Москве». Работа «О свободе торговли и вообще промышленности» написана декабристом Николаем Бестужевым.

Никита Муравьев сделал глубокий критический разбор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Замечательны исторические работы декабриста Корниловича, печатавшегося во многих журналах того времени. Он посвящал их главным образом истории России XVII и XVIII вв. Ему принадлежат работы «Первый опыт кораблестроения в России», «Петр Первый в Заандаме», «Первое посольство русских в Голландии при царе Алексее Михайловиче» и многие другие. Корнилович был издателем исторических сборников «Русская Старина». Особенно интересовала Корниловича эпоха Петра I. Ряд исторических работ оставил декабрист Петр Муханов, бывший членом «Общества истории и древностей Российских» при Московском университете («Нечто о Наполеоне и Фридрихе II» и др.). Некоторые работы на исторические темы принадлежат декабристу Николаю Бестужеву, занимавшему официальную должность историографа российского флота. Ему принадлежат «Записки о Голландии 1815 года» и «О новейшей истории и нынешнем состоянии Южной Америки». Декабрист В. Штейнгель написал большую работу по хронологии «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцеслов-

ного счисления старого и нового стиля» (1819) и прекрасную работу о Петербургском ополчении 1812 г., в котором он сам принимал участие.

Много географических работ, в частности посвященных Америке, Канаде, оставил декабрист Д. И. Завалишин. Батеньков был автором работы о Сибири (1822). Декабрист К. П. Торсон был участником русской экспедиции в Антарктику, находился в ней 808 дней; начальник экспедиции Беллинсгаузен дал ему самую высокую оценку.

Декабрист Н. А. Чижов, участник полярной экспедиции под начальством Литке, составил и опубликовал обстоятельное описание Новой Земли.

Декабристы оставили ряд серьезных работ по военному делу и военной истории (В. Штейнгель, А. Барятинский, П. Муханов, Никита Муравьев и др.).

Обширное мемуарное наследство декабристов явилось не только драгоценным источником по истории движения, но и несомненным литературным вкладом в русскую культуру. Напомним о глубоком, разоблачающем царизм разборе лживого «Донесения Следственной комиссии», сделанном декабристами Луниным и Никитой Муравьевым.

Сосланные декабристы оказали влияние и на культуру Сибири. Они основывали там школы, создавали библиотеки, лечили народ, вводили новые сельскохозяйственные усовершенствования. Интересно, что особый удобный тип повозки («сидейки»), до сих пор применяемой в Бурят-Монгольской автономной республике, связан с именем ее изобретателя — декабриста Николая Бестужева.

Особо надо упомянуть о ялуторовском кружке И. Д. Якушкина, в который входили декабристы Басаргин, Ентальцев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский, Пущин и Тизенгаузен. Они много сделали для просвещения местного населения. Якушкин основал два училища — одно для мальчиков (в 1842 г.), другое для девочек (в 1846 г.). Преподавание велось по ланкастерской системе[1]. Несмотря на то что училища назывались «приходскими», программа была довольно обширна: преподавались, например, начальная алгебра, геометрия, механика. До отъезда Якушкина из Ялуторовска в училищах окончило курс свыше 700 человек.

---

[1] *Дружинин Н. М.* Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Кафедра истории СССР. М., 1941, т. 2, вып. 1.

Пафос рылеевского творчества откликнулся в революционной поэзии Некрасова. Первой поэмой Некрасова о декабристах является поэма «Дедушка» (написанная в 1869—1870 гг.), за которой последовали две части «Русских женщин» («Декабристки» — хотел назвать Некрасов свою поэму, но помешала цензура). Глубоким сочувствием и уважением к подвигу жен декабристов дышит поэма Некрасова.

В одном из писем (к историку П. Е. Щеголеву) Лев Толстой сказал о первых русских революционерах простые и глубокие слова: «Декабристы всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства».

Эпоха декабристов притягивала к себе писателей. Она явилась темой крупнейших произведений русской художественной литературы, пользующихся всеобщей любовью и известностью. Эта эпоха отражена и в «Горе от ума» Грибоедова, и в «Евгении Онегине» Пушкина. Пушкин хотел в конечном счете сделать Евгения Онегина декабристом и привести его на Сенатскую площадь.

Величайшая эпопея Льва Толстого «Война и мир» также отражает в широком смысле эпоху декабристов и была даже первоначально задумана писателем именно как роман о декабристах.

Таким образом, движение декабристов теснейшими и многообразными связями соединено с русской культурой и внесло немалый вклад в ее развитие.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Сейчас же после восстания декабристов возникли и получили дальнейшее развитие две диаметрально противоположные концепции восстания. Одна из них оформилась в лагере правительственной реакции, другая — в революционном лагере.

Правительственная официальная концепция давала резко отрицательную оценку движению, обливала клеветой и смешивала с грязью его участников — «злодеев» и «мятежников», якобы не имевших никаких корней в окружавшей среде, «исчадий ада», осмелившихся выступить против священных устоев самодержавия, «бунтовщиков», попытки которых разбились об «искони» врожденное рус-

скому народу «царелюбие» и отвращение к мятежам. Но в то же время, когда «верноподданным» вдалбливалось изложенное выше официальное понимание происшедших событий, складывалась и революционная концепция декабризма, возникшая среди дворянских революционеров и в общественных кругах, сочувствовавших им.

Реакционная официальная концепция была наскоро сколочена уже в царском манифесте, возвещавшем о восшествии Николая на престол, и в ряде правительственных сообщений о самом умысле «переворотного взрыва» и «мятежа», о развитии событий дня 14 декабря, ходе следствия и извещении о казни. «Не в свойствах и не во нравах русских был сей умысл,— говорилось в царском манифесте 13 июля 1826 г.— Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную, но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно»[1].

Официальная концепция впервые получила детализированный и развернутый вид в изданном правительством «Донесении Следственной комиссии». Первых русских революционеров, людей, осмелившихся выступить с оружием в руках против самодержавия и крепостничества, донесение рисовало «злодеями» и «извергами». Образованнейших людей своего времени оно выставляло неучами и невеждами, нахватавшимися западных идей и бессильными в них разобраться; в конституционном проекте умнейшего и глубоко образованного Пестеля усматривалось «едва вероятное и смешное невежество». Не останавливаясь перед самой грубой ложью, подтасовками и прямым вымыслом, «Донесение» давало пространный и тенденциозный рассказ об истории тайных обществ, событиях 14 декабря и восстании Черниговского полка. Реакционная концепция усматривала особое проявление «божьего промысла» в разгроме восстания: «...туча мятежа взошла как бы для того, чтобы потушить умысел бунта»[2]. Не было упомянуто о программе декабристов, о намерении их ликвидировать крепостное право и самодержавие.

Почему мы все время говорим об «официальной правительственной» концепции? Разве у царского правитель-

---

[1] Декабристы и тайные общества в России / Изд. В. М. Саблина. М., 1906, с. 109 (Манифест Николая I от 13 июля 1826 г.).

[2] Там же.

ства была еще какая-то «неофициальная правительственная» концепция? Была. Да еще какая!

Как это ни странно с первого взгляда, но подлинное представление правящих кругов о характере происшедших событий, оформлявшееся в Зимнем дворце, существенно отличалось от официальных газетных сообщений, подписанного царем манифеста и позднейшего «Донесения» Следственной комиссии. Этот вопрос заслуживает разбора.

Из битвы нового со старым, развернувшейся на Сенатской площади, старое, по видимости, вышло победителем. Однако в разгар своего торжества победители испытывали холодящий душу страх, который не могло пересилить никакое видимое ликование. Страх возникал прежде всего из смутного, но тем не менее неотвратимого чувства неодолимости нового: разбитый, но не убитый на Сенатской площади враг вновь смотрел изо всех углов. Опасность ощущалась живой и не устраненной до конца, как бы усердно ни скоблили петербургские дворники следы крови на Сенатской площади, как бы ни были прочны засовы Петропавловской крепости, как бы громко ни скрипели перья усердного Следственного комитета.

Царизм отлично понимал, что он лжет в «Донесении» Следственной комиссии. У него было гораздо более реальное, но тайное, не подлежащее широкой огласке понимание событий.

Николай I начал свои личные «Записки» о вступлении на престол через шесть лет после восстания — в 1831 г., но он оформил в них свое реальное представление о событиях, отраженное еще раньше в дневнике и переписке с родными. Третью тетрадь «Записок» он дописал лишь в 1835 г., т. е. растянул писание первых трех тетрадей на четыре года. Четвертую же тетрадь он закончил только в феврале 1848 г. Его интерес к избранной теме надо признать стойким. Конечно, он успел несколько «успокоиться» в первые годы царствования, но престол опять, хотя бы с одного угла, пошатнулся под ним в начале 1831 г., когда восставшая Польша детронизировала Романовых. Не поэтому ли он испытал внутреннюю необходимость начать свои «Записки», чтобы в какой-то мере разобраться в повторяющейся обстановке? Вместе с тем он чувствовал необходимость заняться «доказательствами» своих прав на российский престол, полученный несколько необычным образом. Кроме Нико-

лая восстановили свое тогдашнее ощущение действительности и другие представители романовской семьи и сановной России в многочисленных дневниках и мемуарах на ту же тему. Все эти писания лиц царствовавшего дома имеют своеобразный историографический интерес. Династическая и сановная семейно-романовская концепция, возникшая за линией артиллерийского огня на Сенатской площади и литературно оформленная в кабинетах царских резиденций, оказывается, не совпадает с позднейшей официальной концепцией. Реальная опасность революционного восстания была хорошо понятна лагерю защитников старого. Во-первых, там впервые задрожали от народа: даже картечь пустили в ход с ясной мотивировкой — чтобы волнение «не передалось черни». А «подлая чернь», как выразилась знавшая правила этикета жена победившего самодержца, «была вся на стороне восставших». Николай, сознавая значительную опасность происшедшего, искренне удивлялся, почему его вместе с братом Михаилом Павловичем не пристрелили на площади, и был убежден, что мятежники могли победить. Он, несомненно, признавал роль народа в событиях; усердно доказывая в «Записках» свои «законные права» на российский престол, он приписывает свое и царского трона спасение одному господу богу. Для Николая декабристы вовсе не ничтожные «мальчишки», а вполне взрослые «изверги». В письме к матери он откровенно пишет, что если бы Чернышев не арестовал Пестеля, на юге были бы еще худшие события, нежели в Петербурге. Таким образом, он, дрожа от страха, все же отражал некоторые существенные стороны реальной действительности, хотя отражал их злобно и искаженно. При личном свидании с прусским военным деятелем Леопольдом фон Герлах Николай признался, что в день восстания около него не было, по его мнению, ни одного преданного человека, «кроме жены». Уже участники восстания были арестованы, а Николай все еще каждый день считал за «дар неба», так как его, наверно, «не пощадят»,— везде его может настигнуть убийца.

Из описанной ситуации и родился правительственный заказ на обратную реальным и устрашающим сторонам явления официальную концепцию. Заказ исходил от победившего старого строя: необходимо было создать как можно скорее такое понимание случившегося, которое как

раз полностью маскировало бы реальную опасность побежденного восстания, а «подлую чернь», сочувствовавшую восставшим, изображало бы, наоборот, в виде доброго и преданного царю народа, с отвращением взиравшего на бунтовщиков. Взрослых же «извергов», которые как раз и вызывали у обитателей Зимнего дворца удивление,— почему же, собственно, они не пристрелили претендента на престол,— надо было представить «ничтожными» и «развратными мальчишками». Всему происшедшему необходимо было придать вид «случайного» и «не свойственного» русскому народу события — наносного, не имеющего никаких исторических корней происшествия, чуждого строю дворянско-крепостнической жизни, навеки неколебимому и благословленному господом богом. Поскольку реальная опасность для самодержавия глянула в лицо самодержцу, необходимо было представить эту опасность как раз несуществующей.

Самый облик декабристов стал чтимым и притягательным, память о них сохранилась в революционном движении как память о мужественных борцах за свободу. Раскрытые правительством подпольные кружки 30-х годов агитировали их именем, восставшая Польша почтила их память. Поэтому имело особый смысл то обстоятельство, что накануне революционной волны 1848 г. барон Корф, статс-секретарь Николая I, по особому заданию императора и наследника его престола — будущего императора Александра II принялся за ремонт правительственной клеветы на первых русских революционеров. Правительство Николая I наряду с удушением революционного движения грубыми репрессиями довольно усердно занималось и «идейной» работой — агитацией в пользу реакционных лозунгов самодержавия: именно в правительственных кругах того времени возникла теория, позже получившая в литературе название «теории официальной народности» — прославление лозунгов «православия, самодержавия и народности». В обстановке нараставшего западноевропейского революционного движения правительство было заинтересовано в составлении книги, которая обновляла бы реакционную концепцию декабристского движения.

Книга барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» была сначала написана для самого узкого круга читателей из царской семьи — два ее первых издания имели тиражи лишь по 25 экземпляров. Когда

творение Корфа было тщательно оценено царствовавшим домом и верхами правительственной аристократии, можно было рискнуть и на его широкое распространение. В 1857 г. вышло третье ее издание — «первое для публики». В этот момент правительственные круги наиболее остро ощущали необходимость в развенчании декабристов.

В 1856 г. в связи с коронацией Александра II декабристы были амнистированы и получили разрешение вернуться в европейскую Россию. Это опять оживило в общественных кругах интерес к декабристам. В этой обстановке и вышла впервые «для публики», в качестве противоядия против декабристских идей, книга барона Корфа.

Революционное движение в России усиливалось, стали ясно чувствоваться признаки приближения революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов, которая вырвала у правительства крестьянскую реформу. Разгром в Крымской войне усилил недовольство народа и дал дополнительный толчок революционному движению.

Нужно было «поддержать монархическое начало» в России и доказать, что в России, по выражению Корфа, «покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России», не может привиться чуждое западное революционное начало.

Книга Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» подновляла ту же самую концепцию, которую развивали правительственные сообщения о восстании и «Донесение Следственной комиссии»: «...В то время, когда большая часть войск присягала в совершенном порядке и огромное большинство народонаселения столицы с умилением произносило или готовилось произнести обет вечной верности монарху, с таким самоотвержением и с такими чистыми помыслами решившемуся возложить на себя венец предков, скопище людей злонамеренных или обольщенных, обманывающих или обманутых, стремилось осквернить эти священные минуты пролитием родной крови и дерзким, чуждым нашей святой Руси преступлением»[3], — вот наиболее подробная формула о смысле восстания в книге Корфа, которую Герцен назвал «подлым сочинением придворного евнуха, достойным ви-

---

[3] *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. Изд. 3-е (первое для публики). СПб., 1857, с. 123.

вантийского ритора или бонапартистского префекта»[4]. Правительственный агент лживо замалчивал программу декабристов: из книги Корфа читатель не мог узнать, чего собственно хотели декабристы и что они были намерены делать. Ни слова не было об освобождении крестьян. Дважды упомянутое мельком слово «конституция» один раз фигурировало в анекдоте о том, что солдаты считали ее именем жены цесаревича Константина, другой раз — в рассказе о переговорах генерала Сухозанета с «бунтовщиками», когда «несколько офицеров и посторонних людей распутного вида с ругательством спрашивали, привез ли он конституцию, и грозились на него». Больше о конституции не было сказано ни слова. Изолировать совершенно декабристов от сочувствующей общественной среды, показать их якобы полную разобщенность с солдатами и отсутствие поддержки в массах, доказать, что помыслы горсти злоумышленников совсем не были помыслами массы — такова цель барона Корфа. Организация декабристов — это «горсть молодых безумцев, не знакомых ни с потребностями империи, ни с духом и истинными нуждами народа».

По утверждению Корфа, солдаты, увлеченные декабристами, якобы оказались «только жертвами коварного подлога». Совершенно в духе теории официальной народности, борясь с революционной идеей о враждебности русского народа царизму, Корф утверждал: «Народ наш гнушается всяким преступным замыслом против царственной семьи, искони являющейся предметом его любви и благоговения»[5]. Боясь как огня роста популярности декабристов, Корф боялся даже называть их имена, связывать какое-либо крупное по значению действие декабриста с фамилией определенного лица. «Один мятежник», «один офицер из числа бунтовщиков»,— так обычно пишет он; еле-еле процедил он сквозь зубы имена Рылеева, Каховского и некоторых других декабристов.

В правительственной версии имелось одно резкое противоречие: оставалось неясным, почему так волновали правительство действия «горсти молодых безумцев», бессмысленность мятежа которых якобы была очевидна сама по себе. Почему, например, при первом сообщении о яко-

---

[4] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1958, т. 13, с. 128.
[5] *Корф М. А.* Указ. соч., с. 175, ср.: с. 133.

бы столь ничтожном заговоре Николая I, по словам Корфа, «объял несказанный ужас»?

Эту же официальную правительственную концепцию в позднейшей литературе развивали М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин и ряд других авторов, но их изложение ведется в более спокойных тонах.

Печати со следственного дела декабристов были впервые сняты для М. Богдановича, но он использовал его крайне осторожно и тенденциозно скупо (при этом «Русская Правда» Пестеля осталась ему недоступной). Имел доступ к следственному делу и академик Н. Ф. Дубровин, но Александр III взял с него слово не печатать никаких выдержек из следственного материала и ограничиться лишь отдельным изданием своей работы.

Работы упомянутых авторов — проявление идеологической борьбы с революционным движением во второй половине XIX в.

Реакционная концепция восстания декабристов бесславно кончила свое существование за границей после Великой Октябрьской социалистической революции в болоте белой эмиграции, где столетний юбилей восстания декабристов был ознаменован... панихидой по Николаю I. Часть белоэмигрантов приложила тщетные усилия, чтобы обрисовать декабристов своими «предками».

В борьбе с официальной версией восстания — реакционной и насквозь лживой — складывалась и крепла революционная концепция. Она преследовала прежде всего цель восстановления истины — характеризовать восстание как революционное, исторически закономерное, глубоко прогрессивное явление. Наряду с необходимостью бороться с официальной ложью тут действовало и законное желание осознать прошлое, разобраться в его содержании, почерпнуть опыт для дальнейшей борьбы.

Первой известной нам попыткой такого рода является сожженная Пушкиным X песнь «Евгения Онегина», дошедшая до нас во фрагментах. Пушкину же принадлежит замысел написать «Повесть о прапорщике Черниговского полка»[6] (рукопись осталась незаконченной).

Первыми революционными историками декабризма были сами декабристы — те из них, которые не сдались в казематах Петропавловской крепости и в сибирских руд-

---

[6] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1936, т. 4, с. 502—506.

никах и сохранили верность революционным идеям. Их было не так много, их понимание совершившегося было ограничено классовым сознанием революционеров-дворян, но именно в их среде созрело сознание необходимости запечатлеть совершившееся для потомства и передать его в верном освещении. «О нас в истории страницы напишут!» — говорил один из декабристов еще накануне восстания. Он ошибся — о них написали целые то́мы.

Декабристы разоблачили «Донесение Следственной комиссии». Особенно надо отметить резкий и правдивый разбор Михаила Лунина. Еще в сибирских рудниках и казематах возникала у декабристов мысль писать мемуары («Записки» Якушкина, Бестужевых и ряда других). Некоторые из этих мемуаров впадают в либеральный тон и дают неполную, а иногда и искаженную картину действительности, но такие произведения, как «Записки» Якушкина, Басаргина, Славянского общества,— ценные образцы революционной концепции декабризма, исходящей от самих декабристов. Они стремятся выявить закономерность, неизбежность движения, вскрыть его исторические корни, раскрыть его смысл. Долгое время эти произведения вели лишь рукописное существование: возникшая в 40-х годах рукопись об Обществе соединенных славян (так называемые «Записки Горбачевского») увидела свет лишь в 1882 г. При цензурных условиях николаевского времени нечего было и думать о публикации этих произведений.

Но все эти стремления осознать движение как революционное были лишь первой попыткой оформить революционную концепцию. Честь первой подробной разработки оформления революционной концепции принадлежит А. И. Герцену — блестящему представителю того же революционного поколения в истории России, к которому принадлежали и декабристы. Герцен сам считал себя последователем декабристов. Он говорил, что борется под их знаменем, «которого не покидал ни разу». «Нашими устами,— писал Герцен,— говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева».

Свою концепцию восстания декабристов Герцен постоянно развивал, посвящая декабристам отдельные произведения или характеризуя их в своих многочисленных работах, написанных на другие темы. Огарев вместе с Герце-

ном составил подробное разоблачение лживого произведения барона Корфа, не только напечатав его разбор в «Колоколе», но и издав отдельной книгой — «14 декабря 1825 года и император Николай». Герцен написал и специальную брошюру — «Русский заговор 1825 года». Много места уделил он декабристам и в своем очерке «О развитии революционных идей в России», и в «Былом и думах». Герцен был страстным пропагандистом дела декабристов, публикатором их мемуаров и материалов, связанных с их движением. Лично зная многих декабристов и состоя с ними в переписке, он и Огарев сделали чрезвычайно много, чтобы «вырвать из забвенья» тех, кто выступал на Сенатской площади. Прославляя декабристов как «рыцарей с головы до ног, кованных из чистой стали, воинов сподвижников», Герцен довольно подробно характеризовал предпосылки движения, показал закономерность и неизбежность протеста против самодержавия и крепостного права. Он с большой ясностью оттенил разницу между дворцовым переворотом и тем, что произошло на Сенатской площади, дал яркую формулировку исторического значения тех, кого он правильно считал первыми русскими революционерами.

«До тех пор,— писал Герцен,— не верили в возможность политического восстания, идущего с оружием в руках для нападения в самом центре Петербурга на гиганта — императорский царизм. Было известно, что время от времени убивали во дворце то Петра, то Павла, чтобы заменить их другими. Но между этими таинственными операциями, напоминающими бойню, и торжественным протестом против деспотизма, сделанным на площади и запечатленным кровью и страданиями этих героических людей,— не было ничего общего». Герцен указал на агитационное значение выступления декабристов: «Пушки на Исаакиевской площади разбудили целое поколение». Герцен правильно указал и на то, что было самым слабым в декабризме: «...декабристам на Исаакиевской площади не хватало народа». Герцен указал на центральное значение Пестеля в движении и высоко оценил его. Будучи прав в основном — в утверждении революционности декабристов, Герцен дал ряд правильных исторических положений о декабристах.

Но в яркой агитационной концепции Герцена было немало ошибок и слабых сторон, тесно связанных со сла-

быми сторонами самого Герцена как дворянского революционера. Революционная концепция Герцена идеалистична — и в этом ее главный недостаток. Герцен, остановившийся, как говорит Ленин, перед историческим материализмом, не мог понять декабристов диалектически, во всей сложности породивших их социальных условий, не мог проанализировать классовую природу движения и его классовый смысл. Не видя классового существа движения, Герцен идеализировал своих героев, создал облик «рыцарей с головы до ног, кованных из чистой стали...» Конечно, в столь восторженной формуле не отражались слабые стороны декабризма. Герцен объявил Пестеля «социалистом», что не соответствует действительности, причем несуществующий «социализм» Пестеля был в известной мере скопирован Герценом с собственного утопического социализма. Эти ошибочные стороны необходимо подчеркнуть: они очень существенны. Но они не снижают огромного исторического значения концепции Герцена.

Еще в то время, когда не закончилось следствие над декабристами, стала складываться третья концепция движения декабристов. Колеблющаяся, трусливая и неправильная либеральная концепция. Она, правда, не клеймила декабристов злодеями и извергами, как делало «Донесение» и позже книга барона Корфа. Она не воспевала столь грубо и откровенно благодетельности царизма для русского народа, но она совершала растлевающую и — при известной тонкости — еще более опасную работу: она выхолащивала революционный смысл из идей декабристов и из их выступления, она пыталась представить их невинными мечтателями о реформах, верными слугами царского правительства, не совсем понятыми последним. Эта третья концепция создавала «либеральную легенду» — либеральный вымысел о декабристах: декабристы переставали быть революционерами, а оказывались мирными реформистами, безопасными либералами.

Впервые «труд» выхолащивания революционного содержания из движения декабристов взял на себя их старый соратник, член Союза благоденствия Николай Тургенев. Верил ли он сам в свои поздние оценки того движения, к которому сам примыкал и в котором сыграл столь значительную роль? Едва ли. Эта фальсификация была сделана им в личных целях. Во время следствия Н. Тургенев был за границей и отказался вернуться по

требованию царского правительства. Вместе с тем и он, и его семья приняли все меры для его реабилитации перед царским правительством. Он очень хотел вернуться на родину. Уже в первом своем оправдании, присланном брату Александру в январе 1826 г. и переданном Николаю I, Н. Тургенев стал на точку зрения своей полной «невиновности». Он пытался доказать, что в собраниях декабристов и в их планах не было ничего противозаконного. Аналогичную точку зрения он развивал в своем разборе «Донесения Следственной комиссии» и в некоторых более поздних произведениях.

Писания Тургенева еще не были в тот момент фактом широкого литературного значения. Либеральная концепция получила свое наиболее полное литературное развитие лишь в 70-х годах в работе А. Н. Пыпина «Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I» (впервые напечатана в «Вестнике Европы» в 1870 г.; вышла отдельной книгой в 1871 г.). А. Н. Пыпин поставил своей задачей «реабилитацию» декабристов от революции. Он пытался доказать, что декабристы — лишь продолжатели тех самых начинаний, которые характерны для первых лет царствования Александра I,— идей Негласного комитета, Сперанского, самого правительства, некогда выдвигавшего те же идеи. Поэтому ничего криминального в деятельности декабристов и не могло быть. «Ближайший разбор дела мог бы показать,— пишет он,— что заключения от других государств не совсем применялись к русской жизни» и что «не было никакой опасности ни от семеновской истории, ни от лож, ни от ланкастерских школ, ни от мирных профессоров Петербургского университета» и т. д. «...Это заблуждение принесло большой вред: меры правительства давали основание думать, что действительно в русском обществе есть опасное волнение, и оправдывали тех, кто вопил о «разрушительных учениях» и вызывал правительство на меры преодоления». Конституции Никиты Муравьева и Пестеля вовсе не были проектами конституции, а просто «рассуждениями о разных формах правления», которые не имели «никакой обязательности для членов общества и обе оставались частным мнением и предположением». Совещания о революционных выступлениях, планы этих выступлений были «простым разговором без всякой особенной цели». Пыпин испытывал большие затруднения при объяснении республи-

канизма «Русской Правды» Пестеля и стыдливо оговаривался, что «основная мысль» конституции Пестеля, «если действительно Пестель хотел республики, была, конечно, фантастическая, но нельзя думать, чтобы он считал свои предположения немедленно применимыми». (Заметим, что текст «Русской Правды» был Пыпину неизвестен и недоступен). Революционность Южного общества Пыпин называет «политической экзальтацией» и упорно твердит, что «никакого принятого плана» выступления не существовало. «Нетерпеливый либерализм» Рылеева также не шел, по мнению Пыпина, «дальше умеренных желаний». Самое выступление 14 декабря было «минутным взрывом отчаяния в немногочисленном кружке». Декабристы представляются Пыпину «каким-то исключением, не имеющим связей с целой массой общества» [7].

Вся эта фальсификация движения декабристов была тем вреднее, что она была обставлена многочисленными ссылками на материал и квазинаучной аргументацией. Ее разоблачение для неподготовленного читателя было во много раз труднее, нежели опровержение грубой клеветы правительства в «Донесении» или в книге барона Корфа.

Особой формой либеральной концепции было замалчивание декабристов или снисходительно-скептическое к ним отношение. «Декабристы — историческая случайность, обросшая литературой»,— говорил о них В. О. Ключевский. В статье «Евгений Онегин и его предки» Ключевский писал о декабристах как о людях, не знавших «русской действительности» и относившихся к разряду «умных ненужностей». «Катастрофа 14 декабря» и ее деятели относились им к числу «ненормальных явлений», о которых можно сказать: «Это были неестественные позы, нервные судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений» [8].

Крупнейшим по значению трудом дореволюционной историографии о декабристах является книга В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Семевский впервые в литературе широко и планомерно использовал следственное дело о декабристах, привлек к изучению их идеологии огромный круг перво-

---

[7] *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 164.

[8] *Ключевский В. О.* Очерки и речи: 2-й сборник статей, с. 73, 86, 87.

источников; его работа и до сих пор не утратила большого значения. Появление такого обширного монографического труда об отдельном революционном движении стало возможным лишь после революции 1905 г. Концепция В. И. Семевского, мировоззрение которого характеризуется народническими установками, является сложной и противоречивой. С одной стороны, им усвоены элементы революционной концепции Герцена,— это сказывается в высокой оценке Пестеля, в общем сочувственном внимании к движению, в положительной характеристике значения декабристов. Но одновременно в концепции Семевского имеются и многие черты либеральной трактовки: преобразовательные планы декабристов он преемственно связывает с преобразовательными планами Александра I, Сперанского и других правительственных деятелей, не усматривая между ними никакой принципиальной разницы. Движение декабристов Семевский трактует как движение внеклассовой интеллигенции. Концепция Семевского идеалистична; критерий его оценок субъективен: он нередко говорит о «симпатичных» и «несимпатичных» чертах движения декабристов.

В своей работе «О национальной гордости великороссов» Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...»[9]

Этими словами и можно закончить очерк о декабристах. В стране победившего социализма мы чтим память декабристов — первых революционных борцов против крепостничества и самодержавия.

---

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

СОДЕРЖАНИЕ

Академик
Милица Васильевна Нечкина
ДЕКАБРИСТЫ

Утверждено к печати
редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Панкратова
Художник В. Гаврилов
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор В. В. Тарасова
Корректоры И. С. Княжицкая, Б. И. Рывин

ИБ № 25480

Сдано в набор 09.06.82.
Подписано к печати 20.09.82.
Т-10583. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр. отт. 10,7
Уч.-изд. л. 10,8 Тираж 400 000 экз. (2-й завод 100001—200 000 экз)
Тип. зак. 2191. Цена 65 коп.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

65 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

ЛОЗИНСКАЯ Л. Я.
Во главе двух академий.
Изд. 2-е. 10 л. 65 к.

Эта книга — рассказ о замечательной русской женщине Екатерине Романовне Дашковой. С 1783 по 1794 г. она была директором Академии наук и президентом Российской академии. Разнообразны дарования Дашковой: она писала стихи, сочиняла музыку, была знатоком искусства, незаурядным филологом, редактировала журнал, переводила. Характерна для своего времени и человеческая судьба Дашковой. Личность сильная, с независимыми суждениями, она не смогла приспособиться, к миру придворного угодничества и часть своей жизни провела в изгнании.

Для читателей, интересующихся отечественной историей.

Предварительные заказы на книги можно оформить во всех магазинах «Академкнига», а также в местных магазинах книготоргов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга-почтой» «Академкнига»:
480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва**, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул Чернышевского, 87.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·НАУКА·

